

библиотека психологии и психотерапии

Мария-Луиза фон Франц

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ В ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

КЛАСС

Marie-Louise von Franz

ARCHETYPAL PATTERNS IN FAIRY TALES

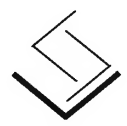
Inner City Books

библиотека психологии и психотерапии

Мария-Луиза фон Франц

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ В ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Перевод с английского
Валерия Мершавки

Москва
Независимая фирма «Класс»
2007

УДК 615.851
ББК 53.57
Ф 93

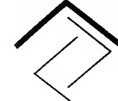
Франц М.-Л. фон
Ф 93 **Архетипические паттерны в волшебных сказках** / Перев. с англ. В. Мершавки. – М.: Независимая фирма «Класс», 2007. – 256 с. – (Библиотека психологии и психотерапии).
ISBN 978-5-86375-146-7

Книга одного из самых известных юнгианских аналитиков Марии-Луизы фон Франц создана на основе цикла ее лекций, о которых в свое время ходили легенды. Это глубинное исследование шести сказок: датской, испанской, китайской, французской и африканской, а также одной сказки из сборника братьев Гримм – с многочисленными обращениями к аналогичным темам, встречающимся во многих других сказках. Применяя символический, ассоциативный подход к анализу сказок (благодаря которому доктор фон Франц заслужила всемирное признание), она достигает уникального осмысления кросс-культурных мотивов, а также открывает неиссякаемый источник для понимания образов сновидений.

Ее работа будет интересна как профессиональному психологу, так и любому эрудированному и заинтересованному читателю.

Главный редактор и издатель серии *Л.М. Кроль*
Научный консультант серии *Е.Л. Михайлова*

ISBN 978-5-86375-146-7

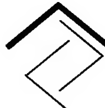

Предисловие

Эта книга представляет собой сборник интерпретаций сказок. Его основой послужил курс лекций, который я прочитала в Институте К.-Г. Юнга в Цюрихе в 1974 году. Я не собиралась придавать этим текстам какую-то особую форму, а больше размышляла об особенностях культуры разных стран и о разных типах народных сказок. Я остановила свой выбор на тех из них, которые отличались от обычных сказок и заинтересовали меня именно этим. Наряду с основными глубинными мотивами мне хотелось показать их разнообразие, чтобы можно было оценить национальную и культурную специфику, а также то, что является общим для всех народов и культур человеческой цивилизации. Мне хотелось показать, в какой мере применим к разным сказкам разработанный Юнгом метод интерпретации материала архетипической фантазии. Особенно интересно рассмотреть применение этого метода к короткой шуточной сказке братьев Гримм «Соломинка, уголек и боб»; однако его преимущества можно увидеть и на примере интерпретации других сказок. Но судить о том, оправданно или нет применение этого оригинального метода, – дело читателя.

В основу этого текста положены аудиозаписи. Только благодаря неоценимой помощи доктора Вивьен Макрелл мне удалось превратить их в текст, доступный для чтения. Я выражаю сердечную благодарность ей, а также Барбаре Смит, которая расшифровала эти аудиозаписи.

Мария-Луиза фон Франц,
Кюснахт, февраль 1997

Принцесса, у которой было двенадцать пар золотых туфелек (Дания)

Первая сказка – датская. Она называется «Принцесса, у которой было двенадцать пар золотых туфелек»[1]. Вот ее содержание:

> Жил-был один юноша. Однажды он вышел из дому и отправился бродить по свету в поисках счастья. На пути ему повстречался старик, который попросил у него немного денег. Юноша ему ответил: «Денег у меня нет, зато я могу поделиться с тобой едой». Старик согласился. Они сели под деревом, и юноша поделился со стариком едой, которая у него была. Когда они поели, старик сказал: «Ты поделился со мной всем, что у тебя было, и за это я дам тебе посох и клубок, которые принесут тебе счастье. Взмахнув этим посохом, ты станешь невидимым. А если ударишь им по этому клубку, он покатится перед тобой и укажет путь. Юноша поблагодарил старика за подарок, бросил клубок на землю, ударил по нему волшебным посохом, и клубок покатился вперед. Так он катился до тех пор, пока не привел юношу к большому городу. На зубцы стен, окружавших город, были нанизаны и выставлены на всеобщее обозрение отрубленные человеческие головы! Юноша спросил прохожего, что здесь произошло. Прохожий ответил, что в стране большая беда: каждую ночь их принцесса разрывает на мелкие части дюжину пар золотых туфель. И никто не знает, почему так происходит. Старому королю это очень надоело, и он поклялся выяснить, в чем дело. Тот, кто это узнает, получит в жены принцессу и половину королевства. Но если выяснить ему ничего не удастся, его казнят. Многие благородные юноши пытали счастье – ведь принцесса была очень красива, – но всех их пришлось казнить, и потому король пребывал в тоске и печали.
>
> Услышав это, юноша почувствовал жгучее желание испытать себя в этом опасном деле. Он отправился в замок и сказал, что на следующую ночь попробует узнать, в чем дело. Старому королю стало жаль юношу, и он попытался отговорить его от этого намерения, иначе он разделит печальную участь других храбрецов. Но юноша настоял на своем. Тогда король объяснил, что ему придется три ночи подряд оставаться в спальне принцессы и пытаться выяснить, что там происходит. Если даже на третий день он ничего не узнает, то будет казнен. Юноша согласился.
>
> Вечером служанка проводила юношу в покои принцессы, где для него была приготовлена кровать. Он положил волшебный посох в мешок, а мешок сунул под подушку и лег на кровать, решив, что до утра ни за что не сомкнет глаз. Юноша долго лежал без сна, но так ничего и не заметил. В конце концов он все-таки заснул. А когда вдруг проснулся, уже наступило утро. Он очень разозлился, поскольку узнать ему так ничего и не удалось. Он пообещал себе в следующую ночь быть более собранным и не спать.
>
> На следующую ночь произошло то же самое, и теперь у юноши осталась только одна ночь, чтобы спасти свою жизнь. На третью ночь он уже начал было засыпать, как вдруг услышал чей-то голос, который спрашивал, не уснул ли он. Принцесса ответила: «Да, уснул». И тогда к кровати принцессы подошла девушка в белом платье и сказала: «Я все равно должна убедиться, что он на самом деле спит». Она взяла золотую иглу и уколола юношу в пятку. Тот не пошевелился, хотя ему было очень больно, а девушка так и оставила у него в пятке золотую иглу. Потом юноша увидел, как принцесса и девушка отодвинули в сторону кровать, и в стене появилась лестница, по которой они стали спускаться вниз. Он быстро вынул из пятки иглу

[1] MDW, Nordache Volksmдrchen, vol. 1, Dдnemark. No 8 (Jena: Diederichs, 1922) [MDW refers to Die Mдrchen der Weltliteratur (Fairy Tailes of World Literature)].

и положил ее в свою котомку. Потом достал волшебный посох, который сделал его невидимым, взял клубок и последовал за ними вниз по лестнице.

Он шел за принцессой и девушкой, пока они не оказались в лесу, где все было сделано из серебра: и деревья, и цветы, и трава. Когда они добрались до опушки, юноша отломил маленькую веточку и положил ее в котомку. Услышав за своей спиной шорох, принцесса обернулась, но ничего не заметила. Она сказала девушке: «Мне кажется, что позади нас кто-то есть». «А-а, это всего лишь ветер», – ответила девушка.

Затем они пришли в лес, где все было сделано из золота: и деревья, и цветы, и трава, и все остальное. И снова юноша отломил веточку, и снова принцесса почувствовала кого-то у себя за спиной, и снова девушка сказала, что это был всего лишь ветер. Потом они пришли в лес, где все было сделано из бриллиантов, и юноша вновь отломил веточку.

Затем они пришли к озеру, у берега которого была причалена маленькая лодка. Принцесса и девушка сели в лодку, и едва они оттолкнулись от берега, как юноша быстро в нее прыгнул. Лодка закачалась так сильно, что принцесса очень испугалась: на этот раз она была уверена, что у нее за спиной кто-то есть, но девушка в белом платье снова сказала: «Не волнуйся, это всего лишь ветер».

Они переплыли озеро и подошли к большому замку. Девушки постучали в дверь, и ее открыл страшный тролль. Он впустил принцессу и спросил, почему она задержалась. Та ответила, что ее не покидало ужасное чувство, что кто-то все время был рядом и следил за ними, но она никого не заметила. Они сели за стол, а юноша встал за стул, на который села принцесса. Пока они ели, он незаметно спрятал ее золотую тарелку, золотую вилку и золотой нож и положил их в свою котомку. Принцесса и тролль не могли себе представить, как все это исчезло, но тролль быстро успокоился, и они стали танцевать.

Они исполнили двенадцать танцев, и после каждого танца золотые туфельки принцессы стирались до дыр и рвались. И когда они станцевали последний танец, принцесса сняла и бросила в дальний угол последнюю пару своих золотых туфелек, а юноша подхватил их и тоже положил в котомку. Затем тролль пошел проводить принцессу, а юноша быстро проскочил мимо них и первым прыгнул в лодку. Как только они вернулись в замок, он быстро побежал к своей кровати, и когда принцесса вошла к себе в покои, уже лежал в постели, притворившись, что спит.

На следующее утро старый король спросил, видел ли юноша что-нибудь, но тот ответил, что ему ничего не удалось узнать. Это очень опечалило старого короля, а принцесса так обрадовалась, что захотела как можно скорее увидеть казнь. Юношу отвели на эшафот, а король, принцесса и вся свита пошли смотреть на казнь. Когда юноша уже стоял перед виселицей, он попросил у короля разрешения рассказать странный сон, который ему приснился накануне. Король согласился.

И юноша рассказал, что ему приснилась девушка в белом платье, которая пришла к принцессе и спросила, спит ли он, а потом уколола его золотой иглой в пятку. Юноша сказал: «Видите, вот эта золотая игла» – и показал ее людям. Он продолжал свой рассказ: «Дальше мне приснилось, как я спустился вниз по лестнице. Потом мы шли по серебряному лесу, и у меня есть веточка из того леса». Затем он рассказал про золотой лес и, наконец, про бриллиантовый. Потом поведал о праздничном ужине с троллем и добавил: «А вот та тарелка, из которой она ела» – и в доказательство своей правоты показал тарелку, вилку и нож. Затем он рассказал о танцах и показал золотые туфли. «А потом мне приснилось, что принцесса вернулась домой, но я пришел раньше и лег в кровать, прежде чем она меня заметила». Услышав все это, король страшно обрадовался, а принцесса чуть не умерла от страха: она не могла понять, как все это могло случиться.

Король захотел, чтобы юноша и принцесса поженились, однако юноша сначала захотел найти тролля. Он попросил у принцессы наперсток. Получив наперсток, он отправился на поиски тролля. Найдя его, он взял золотую иглу, вонзил ее в сердце тролля и убил его. Потом он выдавил в наперсток три капли крови из сердца тролля, спрятал наперсток и отправился обратно. На обратном

пути он пошел через бриллиантовый лес. В лесу юноша пролил одну каплю крови, и сразу все деревья, цветы и трава превратились в людей: мужчин, женщин и детей, которые были очень счастливы, что их избавили от колдовских чар. Они попросили его стать их королем, ибо весь этот лес был целым королевством.

Затем юноша пошел через золотой лес, пролил одну каплю крови тролля на землю и расколдовал всех жителей этого королевства, которые тоже были превращены злым троллем в деревья, цветы и траву. Они тоже попросили его стать их королем. В серебряном лесу он сделал то же самое и расколдовал всех его жителей.

Все люди были очень благодарны юноше за свое освобождение и выбрали его своим королем. Потом они пошли к старому королю и рассказали ему обо всем, что произошло. Тогда и принцесса тоже очень обрадовалась, что освободилась от злых чар. Юноша и принцесса справили пышную свадьбу, и юноша стал королем всех трех королевств.

У этой сказки есть несколько более сложный аналог – сказка братьев Гримм «Стоптанные туфельки»[2]. Между этими двумя сказками есть некоторые отличия, причем версия братьев Гримм сложнее для понимания, чем данная версия. Поэтому за основу я возьму датскую сказку, содержание которой приведено выше, а другую буду использовать только для амплификаций.

Сразу скажу о главном отличии. В немецкой сказке речь идет о двенадцати принцессах, которые танцуют каждую ночь. Они танцуют не с троллем из потустороннего мира, а с двенадцатью заколдованными принцами. После танцев эти принцы снова становятся заколдованными. Существуют и другие версии этой сказки. В одной из них главным героем является старый солдат, который, окончив службу в армии, отправляется на поиски приключений.

Один мотив, присутствующий в датской сказке (на мой взгляд, самый существенный), дал мне ключ к разгадке феномена, который я никогда не могла понять в немецкой версии: серебряный, золотой и бриллиантовый леса оказались заколдованными

[2] Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. литература, 1978, с. 378. – *Прим. переводчика.*

царствами, которые удалось расколдовать благодаря капле крови тролля. Эта идея отсутствует в немецкой версии. Поэтому я всячески рекомендую проявлять упорство и настойчивость каждый раз, когда вы сталкиваетесь с непонятными для вас сказочными мотивами. Задумайтесь: «Что означает данный сказочный эпизод?». И если вы не можете на него ответить, очень важно постараться найти аналоги среди других сказок, ибо именно такие аналоги помогут вам многое прояснить. Тогда вы поймете и более сложные версии сказки.

Хочу дать важный совет: в каком бы месте сказки вы ни споткнулись, ищите не только амплификации сказочных мотивов, но и аналоги этой сказки, ибо, если у вас это получится, то вы сможете объяснить уже не один сказочный мотив, а сразу всю их *совокупность*. Сказочные аналогии часто дают нам ключ, который нельзя найти иначе. Немецкая версия сказки была для меня загадкой, пока я не познакомилась с ее датской версией.

Итак, приступим к анализу сказки. Начало сказки очень простое: «Жил-был один юноша. Однажды он вышел из дому и пошел бродить по миру в поисках счастья» – то есть он отправился на поиски приключений. Начало такое же общее и обезличенное, как и во многих других сказках. Или же можно начать анализ сказки с интерпретации трех с половиной королевств. Если вы личность мыслительного типа и второй подход вам нравится больше, то вполне возможно представить схему из четырех королевств. Первое королевство – то, в котором правят король и принцесса. Три остальных – серебряное, золотое и бриллиантовое. В конце сказки юноша становится королем этих трех королевств. В начале сказки король обещает отдать юноше половину своего королевства, если тот выполнит его задание, но в конце сказки об этом не сказано ни слова – там попросту говорится, что он стал королем трех других королевств. Вероятно, следует считать само собой разумеющимся, что юноша получил и половину королевства, обещанную королем.

Итак, молодой человек появляется ниоткуда: «Жил-был один юноша...» У него нет ни родителей, ни даже имени. Оказав помощь старику, он получает практически все. Серебряное, золотое и бриллиантовое королевства заколдованы злым троллем, которого юноша убивает и становится королем этих трех королевств.

Кроме того, в сказке присутствует девушка в белом платье. У нее есть что-то общее с троллем: в каком-то смысле она приходит

как посланница, чтобы увести с собой принцессу. Она не возвращается с принцессой обратно, а лишь уводит ее из дома. У тролля с девушкой есть еще одна общая черта: принцесса всегда очень нервничает, когда чувствует чье-то присутствие за спиной, а девушка и тролль всегда одинаково отвечают: «Не обращай внимания, все в порядке!» Они не чувствуют опасности и не осознают, что происходит. Кроме того, золотая иголка, которой главный герой убивает тролля, изначально принадлежит именно девушке в белом платье.

Если вы личность ощущающего типа, то интерпретацию сказки лучше начинать не с использования вашей подчиненной функции, а, придерживаясь фактов, анализировать одно предложение за другим: «Жил-был безымянный юноша...»: что может представлять собой этот герой? – и так далее, шаг за шагом.

Если вы личность интуитивного типа, то можете получить инсайт, уловив общую структуру всей сказки. Если же вы личность чувствующего типа, то можно задаться вопросом: «Как эта сказка на меня повлияла? Очень странная сказка!»

Сказка действительно странная. С точки зрения личности чувствующего типа (к которым принадлежу и я), она никогда мне не нравилась. Я всегда с ней внутренне не соглашалась. Сейчас мне известно почему, но об этом я скажу несколько позже.

Интерпретацию сказки можно назвать правильной лишь в том случае, если вы проработаете ее вдоль и поперек с помощью всех своих четырех функций. Вы должны изучить ее структуру. Вам следует понять, как она воздействует на вас с точки зрения чувствования: приятно вам после ее прочтения или нет, возникает ли у вас чувство освобождения или же остается какой-то зловещий осадок. А затем, конечно же, вы должны подвергнуть сказку научному анализу: прежде всего факты, только факты и еще раз факты! Вам следует строго придерживаться текста и не давать воли своей субъективной фантазии. Но иногда вам все же стоит прибегнуть к интуиции, чтобы охватить общую структуру всей сказки и на этом основании сделать правильные интерпретации. В таком случае вы должны доверять своей интуиции.

Если у вас есть какой-то опыт работы со сказками, то вы сможете увидеть, что очень часто их героями являются принцы и принцессы или безымянные персонажи (как, например, в нашей сказке), выходцы из простых сословий, горемыки, отставные солдаты или же какой-то дурак, которого все презирают, а также карлики, гномы или калеки. То есть либо это принц или, так сказать, представитель элиты, либо представитель бедных слоев общества. Третья разновидность персонажей, которые тоже иногда встречаются в сказках, – люди «попроще»: крестьянин или его сын, иногда рыбак или охотник. Среди сказочных героев таких персонажей около девяноста восьми процентов. Иногда, правда, можно встретить и торговца, но это очень большая редкость.

Следовательно, мы должны больше смотреть на сказочных героев именно с этой точки зрения. В чем заключается особенность сказки в зависимости от того, кем является ее герой: крестьянином, рыбаком-охотником или каким-то бедняком? В большинстве случаев этот персонаж впоследствии женится на принцессе и становится королем, поэтому в сказке дается описание поступательного движения героя от безымянной личности к высокому статусу в королевстве. Вполне закономерно, что после смерти короля герой становится его преемником. Иногда преемником короля должен стать принц, но на пути к трону у него возникают некоторые проблемы. Например, он может быть одним из трех братьев, которого все презирают. Может быть, это принц, который, будучи самым младшим сыном, не унаследовал трон в своем королевстве, но может стать королем в другой стране. Или же совершенно неожиданно для себя он может стать королем у себя дома. Иногда случается так, что человек из простого сословия женится на дочери богача и становится богатым правителем, но не королем. Тем не менее он совершает большой скачок по социальной лестнице.

Существует соблазн, и не без определенных оснований, отождествить главного героя с человеческим Эго. Такая идентификация обоснована, лишь пока наивный слушатель не делает это слишком часто. Однажды я провела эксперимент со школьной учительницей. Она рассказала эту сказку на уроке рисования и попросила детей нарисовать любую сцену из сказки, какую им захочется. Выяснилось, что девочки идентифицировали себя с женским персонажем сказки, хотя принцесса не была ее главной героиней. Они нарисовали принцессу, идущую в сторону реки к лодке, а не юношу, который под деревом делится хлебом со стариком. Мальчики же выбирали сцены, где юноша, подлинный сказочный герой, был в центре событий, несомненно и явно идентифицируясь с ним. И я уверена, что если вспомнить свое детство, вы, естественно, тоже идентифицировались с главным героем.

А после этого вы, разумеется, используете юнгианские понятия, такие как Анима и Тень, и примените их к сказочным персонажам. И совершите большую ошибку! Начав с утверждения, что «это мужчина, который ищет свою Аниму, девушка в белом платье – это Тень Анимы, а тролль – это его Тень или Тень короля» – и все остальное в таком же духе, вы тем самым дадите понять, что совершенно сбились с пути. Потому что я точно так же могу сказать: «Нет, прошу прощения, принцесса – это Анима старого короля, это девушка с отцовским комплексом». Или с тем же успехом я могу сказать: «Вот видите? Мы только что наткнулись на проекцию!»

Никогда не следует забывать, что Юнг создал понятия Тени, Анимуса, Анимы и Эго, опираясь на отдельного человека – конкретных господина Майера или госпожу Миллер, ощущающих свое бессознательное. Но в сказке *это не так*. Сказка – это *не простая история о личном переживании*. Сказки обычно доходят до нас двумя путями. Одни сказки, насколько мы можем проследить, создаются людьми, имеющими парапсихологическое восприятие, архетипическое сновидение или мистическое переживание. Они пересказывают его снова и снова, и это переживание приобретает очертания сказки. Другой путь, которым до нас доходят сказки, похож на тот, которым до нас доходит литература: среди обычного населения, не обладающего писательским даром, встречаются люди, наделенные мощным активным воображением. Сказки рождаются из того, что можно назвать активным воображением отдельных людей, выражающих настроение целого народа. В обоих случаях – независимо от того, стало ли ядром сказки мистическое переживание, архетипический сон или парапсихологическое восприятие или же оно было создано творческим даром поэта или рассказчика, – это сказочное ядро должно соответствовать особенностям психики данного коллектива. Иначе сказка не выдержала бы испытания временем.

Как правило, в первобытных племенах до сих пор существуют рассказчики. Собравшись вечером вокруг огня, племя выбирает одного человека, которому говорят: «Давай, расскажи нам историю». Тогда рассказчик вспоминает истории, услышанные им в детстве. Иногда талантливый рассказчик что-то сочиняет сам, добавляя новые детали или даже целые истории. В первобытных сообществах истории и сказки даже продавали, в Эльзас-Лоррейне и некоторых других провинциях это продолжалось вплоть до

XVIII века. Сказки не были доступны большинству людей, и они почти не имели возможности изменять их по своей прихоти. Некоторые крестьяне присваивали отдельные истории и «одалживали» их своим друзьям. Никому другому не разрешалось рассказывать эту историю. Она являлась собственностью определенной группы или отдельного человека.

Например, из введения к тому австрийских сказок, собранных католическим священником отцом Брамбергером[3], вы узнаете, что четверть прекраснейших сказок записана им со слов так называемой «старой попрошайки» – нищенки, которая обошла вдоль и поперек всю страну, продавая обувные шнурки и другую такую же мелочь. Приходя в селение, она созывала детей, отводила их в сторону и рассказывала им сказки, но никому из взрослых никогда не разрешалось их слушать. А в качестве платы за то, что рассказывала детям сказки, она просила еды. Так она зарабатывала себе на жизнь. Родители расплачивались, давая ей еду, а за это она рассказывала их детям сказочные истории. Отцу Брамбергеру самому пришлось отдать ей немало колбасы, прежде чем она разрешила ему прийти вместе с детьми и записать эти истории.

Теперь, узнав, как рождаются и передаются сказки, вам становится понятно, что в них нет ничего *личного*, исходящего от комплексов человека, у которого было мистическое видение или активное воображение, благодаря которым родилась та или иная история, отклоняющаяся от архетипических паттернов. Весь личный материал обязательно исчезает или корректируется при пересказе этой истории, так как все, что не соответствует коллективной психике, в рассказе не сохраняется.

Однажды к нам приехал молодой американский преподаватель, который провел один эксперимент. На своем занятии он прочитал студентам повесть – хорошую короткую повесть современного писателя, а затем прочитал им сказку. Через несколько дней он попросил написать по памяти то, что они запомнили из прочитанного. То, как студенты запомнили сказку, не шло ни в какое сравнение с тем, как они запомнили повесть, хотя повесть была хорошей, реалистичной и очень актуальной.

Это свидетельствует о том, что в сказках существует паттерн, который согласуется с бессознательным каждого человека, а пото-

[3] MDW, “Mдrchen aus den Donaulande” (Jena: Diederichs, 1926).

му сказка запоминается гораздо лучше. Сейчас мы знаем, что формирование памяти тесно связано с эмоциональной сферой. Чем эмоциональнее содержание, тем лучше оно запоминается. А следовательно, всякие сказочные истории, в которых проявляются структуры коллективной психики, глубже затрагивают наши эмоции и лучше сохраняются в памяти. Точно такой же процесс происходит при индивидуальном пересказе; только то содержание, в котором выражены общие человеческие паттерны, остается у людей в памяти и передается дальше, тогда как содержание, связанное с личными человеческими проблемами или комплексами, распространяется только в том социальном слое, где существуют такие же проблемы.

Например, сказки Ганса Христиана Андерсена, который был невротической личностью, пользовались огромным успехом в обществе, где имелись те же проблемы. Прежде всего у него были очень серьезные сексуальные проблемы, которые он так и не разрешил. Если вы умеете читать его сказки, то практически в каждой из них обнаружите присутствие безысходной невротической грусти. Невротическая грусть распространилась на все скандинавские и европейские страны, ибо проблема сексуальности была проблемой целого общества. Однако я рискну предположить, что в настоящее время их очень редко читают, и могу предсказать, что через два-три столетия о них никто не будет знать. Одна из лучших его сказок, благодаря которой он стал известным, – «Странствующий спутник»[4], – основана на скандинавской народной сказке. Он не выдумал эту сказку, а только пересказал ее. Но сказки, в которых выражены его собственные проблемы, не удовлетворяют широкие слои общества. До сих пор продолжают писать много нового, а новых сказок издается очень мало. Как правило, их структура так близка к классической, что они выдерживают испытание временем. Но иногда можно заметить, что на некоторые сказки повлияла та или иная невротическая черта сочинителя. На мой взгляд, такие сказки не будут иметь длительного успеха и не смогут пройти процесс коллективного отбора.

Кроме того, следует сказать о коллективном процессе перепроверки. Например, крестьянский парень приходит в местную

[4] "The Traveling Companion", Fairy Tales (Cleveland: World Publishing Co., Rainbow Classics, 1946), p. 21. См. также: Андерсен Г.Х. Тень. // Андерсен Г.Х. Сказки и истории. М.: Правда, 1980, с. 242. – *Прим. переводчика.*

пивнушку, а ему говорят: «Расскажи-ка нам какую-нибудь историю». И он рассказывает. Однако если он слишком пьян или находится в таком игривом настроении, что либо что-то пропускает, либо рассказывает как-то иначе, то слушатели говорят ему: «Нет!». Они ведут себя как дети: «Нет, все было не так, а вот так». Иногда из-за этого в пивнушке начинается ссора: «Нет, мой отец всегда рассказывал об этом *так*, а ты совсем *по-другому*». И слушатели негодуют на рассказчика, который неправильно рассказывает им историю. То же самое происходит, когда вы пытаетесь рассказать детям сказку. Они начинают сердиться, если вы что-то измените в ее содержании. Дети сразу вас прервут и скажут: «Все было *не так*, а *вот как*». И заставят вас рассказать ее снова: они хотят услышать сказку именно так, как раньше. Такой пересказ или чтение сказок похож на ритуал.

Таким образом, в народной традиции действуют две силы. Одна стремится исключить индивидуальное содержание, не обращая внимания на коллективное. Другая стремится сохранить структуру: «Нет, ее нельзя изменять, оставь ее такой же, как прежде».

В обоих случаях проявляется постоянство архетипа. Можно сказать, что архетип – это «природная константа» человеческой психики. Он в высшей степени консервативен; более того, он всегда исключает любые примеси, связанные с индивидуальными проблемами. Поэтому классические народные сказки являются тем конечным продуктом, в котором в символически-образной форме выражены определенные коллективные бессознательные процессы. Так как сказки постоянно повторяются в одной и той же форме, они оказываются одним из самых лучших источников для изучения «природных констант» коллективной психики.

Однако существует одна странность. Когда я знакомилась с символическим материалом алхимии, меня поразили символические структуры, отмеченные Юнгом в его труде «Психология и алхимия»[5], а именно мандала – четверичная структура, а также вся базовая структура процесса индивидуации как процесса осознания. В сказках мы тоже находим все элементы процесса индивидуации, то есть звенья или составляющие процесса, совершенно

[5] CW 12 [CW refers throughout to the Collective Works of C.G. Jung (Bollingen Series XX), 20 vols. Trans. R.F.C. Hull. Ed. H. Read, M. Fordham, G. Adler, Wm. McGuire. Princeton, Princeton University Press, 1953–1979].

аналогичные тем, которые можно наблюдать в ходе индивидуации человека.

Однако в сказках очень часто встречаются фрагменты, которые не доставляют нам удовлетворения. В приведенной выше датской сказке они не слишком заметны, но в немецкой версии проявляются гораздо яснее: именно они вызвали у меня неприятное чувство. В сказке говорится, что принцы, с которыми танцуют двенадцать принцесс в потустороннем царстве, потом возвращаются обратно в свое королевство. Отныне им запрещается танцевать. В отличие от тролля, принцев не убивают, но они должны оставаться заколдованными столько ночей, сколько танцевали с принцессами. Значит, партнеры принцесс по танцам остаются заколдованными. Теперь их называют заколдованными принцами, а это означает, что они низшие человеческие существа, на которых наложили колдовское заклятие или подвергли воздействию черной магии. Они танцевали с девушками много ночей и теперь несут за это ***наказание***, что вызывает у меня огромное возмущение. Такой конец не дает никакого удовлетворения. Кроме того, главным героем сказки является старый солдат, который женится на самой старшей принцессе, что совершенно ненормально. Главный герой всегда должен быть молодым, наивным, самым красивым. В конце немецкой сказки старый солдат грустно говорит: «Я-то уж немолод, так отдайте мне старшую (принцессу)»*. Это совсем нетипично. И снова возникает легкое неудовлетворение, особенно потому, что самая младшая принцесса ведет себя в сказке намного лучше, а потому слушатель хочет, чтобы именно она вышла замуж за главного героя, и такое завершение сказки – одно из самых ожидаемых.

Очень часто в сказках содержится, например, такой вопрос: «Что же будет дальше с этими принцами?» Про это ничего не сказано. Они заколдованы. Их снова заколдовали в конце сказки. А почему, мы не знаем.

В датской версии нашей сказки тоже существуют два неудовлетворительных аспекта. Здесь есть странная девушка в белом платье, о которой забывают по ходу повествования, и совсем нет фигуры матери. В сказке есть король и принцесса, но где же мать? Вообще говоря, в сказке где-то существует отец, где-то мать, где-то сын, где-то дочь. Поэтому датская версия сказки, с одной стороны, имеет удовлетворительную развязку, а с другой – много замечаний.

Но это вовсе не так неожиданно. Наверное, 85–90 процентов прочитанных мною сказок оставляли меня с такими вопросами. Когда я пыталась сузить их до того, что мы понимаем под процессом индивидуации, у меня ничего не получалось. Всегда оставалось то, что меня не удовлетворяло, пока Юнг в процессе обсуждения в Психологическом клубе не дал мне нужного объяснения.

А именно: алхимики экспериментируют с процессом коллективного бессознательного, происходящим в них самих. То есть с помощью активного воображения они экспериментируют с психическими структурами, которые проецируют на алхимический процесс. Можно было бы назвать алхимию процессом активного воображения, созданного не художниками и писателями, а химическими элементами. Но алхимики имели не только *laboratorium* – лабораторию, в которой они работали с химическими веществами; они пытались создать и *theoria*, *Weltanschauung* – теоретическое объяснение. Они почти сломали голову, пытаясь понять и объяснить то, что делали.

Естественно, если оглянуться назад, с современной точки зрения их ***теория*** является мифологической, символической и нам не вполне понятной. За исключением, может быть, Герхарда Дорна и нескольких арабских мистиков, алхимики не понимали, что на самом деле их работа была экспериментом над их собственной психикой – религиозным экспериментом, который они проводили над собственной личностью. У большинства алхимиков мы этого не видим, но у них по крайней мере была хотя бы какая-то ***теория*** и они ломали головы, как соотнести эту теорию с христианским ***мировоззрением*** – они старались изо всех сил!

Истоки естественных наук находятся именно в алхимии. В ней есть понятия материи, энергии, энергетических процессов, частицы. Все интуитивные представления или абстрактные модели, которые до сих пор используются в современной физике и химии, уже существовали в алхимии. Эти модели были созданы алхимиками, чтобы объяснить, чем они занимались, и довести свой опыт до осознания настолько, насколько могли.

И вместе с тем в алхимии много индивидуального. Если изучить труды двух сотен алхимиков, можно увидеть, что у каждого

* Братья Гримм. Стоптанные туфельки // Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. литература, 1978, с. 380. – *Прим. переводчика.*

из них есть собственная *теория*, в которой он, насколько можно, пытается объяснить себе, что он делает.

Эта попытка понять и встроить свой опыт в коллективное *мировоззрение*, – иначе говоря, в обобщенные научные или религиозные концепции, – в сказках отсутствует. Сказки похожи на сновидения, которые представляют собой природный феномен коллективного бессознательного. То есть они дают некое просветление, но затем это просветление истощается и исчезает в бессознательном. Как говорил Юнг, цитируя «Фауста»: они действительно представляют собой «Gestaltung, Umgestaltung des ewigen Sinnes ewige Unterhaltung» – «Оформление, преобразование, вечного чувства вечная поддержка».

Сказки – это игра природы. Они настолько полны смысла или же лишены его, насколько его полна или лишена сама природа, и когда мы в нее всматриваемся, и когда не делаем этого. Они похожи на продукты бессознательного человека, который не проходил анализ.

Тому, кто не проходит анализ и не обращает внимания на свои сновидения, снятся самые поразительные сны, повторяющиеся на протяжении многих лет, словно у этого процесса нет ни начала, ни конца. Это происходит потому, что такие люди не пытаются вступить с ними в диалог, связать их с сознанием. А что касается рассказчиков сказок, они выполняют функцию представителей бессознательного в области фольклора. Они компенсируют коллективное сознание, и их исцеляющая функция во многом похожа на воздействие непонятного сна.

Мы точно знаем, что сны исцеляют, даже если остаются непонятными. Из экспериментов, проводимых в лабораториях сна, известно: если мешать человеку видеть сны, его можно довести до смерти. Это подтверждается и результатами исследований с животными. Если всякий раз будить спящего человека, когда он находится в REM-фазе*, у него возникают тяжелые физиологические и психические симптомы. Кроме того, известно, что сны обладают биологической и психологической восстанавливающей функцией. Они положительно влияют на нас, даже если мы их не понимаем. Когда мы интерпретируем свои сны, то усиливаем их исцеляющее воздействие, выполняя функцию обратного отражения

* REM-фаза сна (Rapid Eye Movement) – фаза быстрого движения зрачков глаз, во время которой человек видит сны. – *Прим. переводчика.*

звука. И таким образом восстанавливающее воздействие сновидения становится сильнее, чем действие сна без интерпретации.

Приведу интересный пример из совершенно другой области: клуша, которая хочет накормить своих цыплят, имитируя еду, стучит клювом по полу и всем своим видом показывает цыплятам, что она клюет корм. Таким образом учатся клевать цыплята, которые только что вылупились из яйца. У одного немецкого фермера однажды родилась идея поставить в курятник с только что вылупившимися цыплятами звуковой отражатель. Когда клуша стучала клювом по полу, звук отражался и становился гораздо сильнее, и ее цыплята гораздо лучше клевали корм. Они гораздо быстрее набирали вес, так как съедали вдвое больше своей обычной нормы.

На мой взгляд, наши интерпретации сновидений похожи на этот прусский отражатель звука. Своей интерпретацией мы просто пытаемся усилить исцеляющее воздействие сновидения. Кроме того, это может объяснить, почему интерпретации никогда не должны быть интеллектуальными или не должны содержать истинного смысла сна, чтобы человек почувствовал, что он его *нашел*. Тот, кто интерпретирует сон, никогда не должен чувствовать, что полностью понял его содержание, иначе он разрушит последующую реакцию психики. Интерпретация сновидения должна вестись окольным путем, *в обход его смысла* – так, чтобы человек смог сам лучше «услышать» его послание. Только тогда сон будет обладать исцеляющим воздействием.

Несомненно, рассказывание сказок, поверий и легенд в первобытных обществах тоже обладает исцеляющим воздействием. Существует прекрасная история о бушмене, который за кражу овцы был приговорен к двенадцати годам тюрьмы. Ее рассказывал Лоренс ван дер Пост. Немецкий ученый освободил его из тюрьмы, иначе бушмен сразу умер бы. Бушменов нельзя сажать в тюрьму – там они сразу умирают.

Итак, немец освободил бушмена, сделал его своим слугой, с его помощью изучил язык бушменов и написал пособие по изучению этого языка. Немец сделал бушмена счастливым, насколько тот мог чувствовать себя счастливым. Но бушмен никогда не был *по-настоящему* счастлив, поскольку тосковал по дому. Однажды он очень трогательно сказал своему хозяину: «Вы знаете, я тоскую только об одном: я хочу вернуться домой, чтобы слушать все истории моего племени». Он тосковал не по людям, не по привыч-

ной пище; он тосковал не по своей хижине... Конечно, по ним он тосковал тоже, но самая большая потеря, которую он ощущал как потерю своей жизни, была утрата возможности слушать истории своего племени. Он говорил так: «Истории – как ветер». Конечно, ветер представляет собой исцеляющую силу духа. У него было единственное желание – чтобы перед смертью он хотя бы раз услышал истории своего племени.

Такие истории обладают исцеляющим воздействием, так как в них отражаются жизненно важные сны и компенсаторные процессы, происходящие в коллективном бессознательном, которые уравновешивают односторонность, слабость и постоянные отклонения, присущие человеческому сознанию. Эти истории оказывают исцеляющее воздействие, хотя никто не пытается их понять. Их просто *рассказывают.*

Вместе с тем не следует ожидать, что вы обнаружите в них определенные элементы, которые можно найти только в религиозных учениях, высокоразвитой культуре или в алхимической или гностической символике, где происходит осмысление этих элементов. Что касается племенных историй – например, историй бушменов, народных или волшебных сказок, – в данном случае нет никакой надежды на их буквальное осмысление. Эти истории рассказываются для того, чтобы люди могли *почувствовать* их освежающее животворное воздействие, а не для того, чтобы о них *раздумывали.*

Но если мы сложим вместе все сказки и все истории, то увидим, что каждая из них способствует просветлению типового архетипического процесса, происходящего в коллективном бессознательном. Если вы сложите вместе двести-триста таких историй, то получите интуитивную карту структуры коллективного бессознательного и тех процессов, которые, вероятно, в нем происходят. Для аналитика такое знание не имеет цены. Именно поэтому Юнг говорил, что исследование сказок является хорошим способом изучения сравнительной анатомии коллективного бессознательного, то есть глубинных слоев человеческой психики.

Вернемся к нашей сказке. Мы начали с того, что в сказке существует принц или просто юноша. У него нет имени, поэтому совершенно очевидно, что мы не можем его идентифицировать с Эго. Раньше я уже отмечала, что если рассматривать сказку с точки зрения чувствования, то мужчины будут идентифицироваться с юношами, а женщины – с принцессами. С точки зрения интерпретации сказки это неправильно, так как и мужчина, и женщина представляет собой индивидуальность, которая имеет имя и личностную идентичность, а у нашего юноши нет ни того, ни другого. Следовательно, исходя уже из этой простой детали, мы видим, что было бы неправильно идентифицировать его с Эго. В сказке говорится «юноша». А следовательно, «юноша» означает нечто общее, нечто совершенно типичное. Поэтому мотив юноши следует амплифицировать и объяснять так, словно вы не знаете, кто такой «юноша». Не следует наивно полагать: «Ах, юноша – значит, это я или любой другой молодой человек».

Лучше всего можно понять образ героя, посмотрев на то, что он делает. Ибо, как пояснял Макс Люти, сказочные персонажи являются очень абстрактными[6]. У них очень мало индивидуальных черт. Например, вообще ничего не сказано о чувствах юноши. Боится ли он, когда засыпает? Злится ли он на тролля? Радуется ли он, когда получает принцессу в жены? Обо всем этом ни слова! Все, что о нем сказано, – юноша *делает* это, он *делает* то... это... то... то – и в конце концов становится королем. Все совершенно обезличено. Следовательно, можно сказать, что этот образ лучше всего объясняют ***поступки*** молодого человека.

А тогда что он делает? Он идет в мир искать свое счастье. Он делится хлебом с бедным стариком. Он жаждет приключений, чтобы узнать о принцессе. Мы не знаем, нужна ему принцесса или нет. У него просто есть желание отправиться на поиски приключений. А затем он делает все, чтобы эти приключения состоялись, и, не преследуя никакой цели, становится королем трех с половиной королевств. Следовательно, мы должны предположить, что он представляет собой коллективное архетипическое «нечто», которое ищет приключений; у него есть интерес к жизни, некоторая предприимчивость, мужская инициатива и дух авантюризма. Кроме того, юноша отличается и щедростью: у него доброе сердце, так как он делит свой хлеб со стариком.

Следовательно, о молодом человеке можно сказать, что он хочет интересно жить; он смотрит в будущее и является благородным юношей. И он всегда поступает правильно и делает все, что необходимо. К тому же он умный и мужественный. Однако это приблизительно и все, что мы о нем знаем. Он типичный безымянный герой, и в результате своей деятельности становится чрезвы-

[6] "Das europäische Volksmärchen" (Berne: A. Franke, 1947).

чайно могущественным королем, гораздо более могущественным, чем тот, который правит в его государстве.

Такое повышение статуса типично для большинства сказочных героев. Но все-таки невозможно объяснить, что это значит, если не понять, что значит король. Нельзя давать психологическую интерпретацию образа юноши отдельно от образа короля. Или же можно сначала в качестве рабочей гипотезы предположить, что он символизирует некий маскулинный тип героя, который стремится сделать свою жизнь лучше, проявляя при этом достойное и благородное поведение. А теперь давайте рассмотрим символический смысл образа короля – так как в конечном счете благодаря всем своим усилиям юноша становится королем.

В первобытных племенах король, царь или вождь племени представлял собой магическую личность, от которой зависела жизнь всего племени. Он единственный, кто выделяется из множества людей, составляющих фон. Образно говоря, множество является «бездушным», тогда как король является Единственным. Например, в древнем Египте после смерти только фараон имел право на бальзамирование тела, и в процессе литургии его объявляли бессмертным. Обыкновенные Миллеры и Джонсоны тоже умирали, но никто не знал, что с ними случится после смерти!

Сначала вечная духовная жизнь приписывалась только фараону. Но уже в середине правления королевских династий его судьбу стало разделять высшее общество, а в конце их правления каждый египтянин (по крайней мере, из тех, у кого были деньги) мог претендовать на бальзамирование тела после смерти, а также на похоронную литургию и дорогую усыпальницу – и таким образом гарантировать себе бессмертие. Поэтому можно видеть, что в самом начале королевской династии право оставаться индивидуальностью и иметь более высокое сознание по сравнению с народными массами либо было прерогативой немногих «избранных», либо передавалось по наследству, в результате выборов или как-то еще. Однако это призвание очень дорого стоило: в главе «Умирающий Бог» книги Джорджа Фрезера «Золотая ветвь»[7] можно прочитать, что в первобытных сообществах по истечении определенного периода короля обычно убивали – как правило, это происходило через пять, десять, максимум пятнадцать лет. Убийство короля было ритуальным и происходило либо по истечении определенного срока, либо когда у него проявлялись признаки импотенции или болезни, либо когда наступали плохие времена, например, длительная засуха или падеж скота. Короля убивали только потому, что он был Единственным – единственным человеком в племени, который обладал сознанием; кроме того, его убивали, потому что он был единственным человеком, который сохранял связь с магическими и божественными силами. В самых древних племенах король заодно был и высшим жрецом.

Как известно, наши европейские короли были, что называется *«Gottesgnalden»* – «милостью Божией» короли того-то и того-то. И даже в XVIII веке считалось, что они обладают исцеляющей силой: своим прикосновением они могли врачевать болезни. Они по-прежнему в какой-то мере оставались королями-жрецами, даже когда часть исцеляющей силы папа римский взял себе. Разумеется, в средние века было серьезное противостояние между католической церковью и светской властью.

Король имеет власть не только благодаря своей физической силе и поддержке войска, но и благодаря тому, что он поддерживает контакт с силами Запредельного. Самую одухотворенную интерпретацию этого контакта имели китайские императоры. Вплоть до наступления диктатуры Мао считалось, что если император жил в гармонии с Дао, духовной основой мироустройства, то в Китайской империи все шло нормально. А если происходят какие-то бедствия или катастрофы, например, Янцзы выходит из берегов, значит, императору следует изменить свои привычки и принести покаяние, чтобы покончить с этим злом и этой бедой. Образно говоря, он был *axis mundi* – осью, вокруг которой вращается мир, – по крайней мере, для китайцев. Все зависит от того, является ли его установка правильной или ложной. В переводе на язык психологии можно сказать, что король воплощал некий аспект образа Бога или Самости, который был главным управляющим началом в обществе.

Но в мифах и сказках короли всегда стареют, и тогда в их королевствах начинаются серьезные проблемы. Если попробовать посчитать, у скольких сказочных и мифологических царей и королей дела в государстве идут нормально, обнаружится, что таких царей и королей просто не существует. Тогда о них не стоило бы и говорить.

[7] Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. М.: Изд-во политической литературы, 1984, с. 449. – *Прим. переводчика.*

В начале сказки именно король всегда оказывается больным, или его дочь совершает какие-то плохие поступки, или он не может найти себе преемника, или он становится злым, или на него нападает злой дух, или кто-то крадет его сына. В общем, с королем что-то происходит не так. Сказка всегда начинается с нарушения равновесия, и это равновесие должно быть восстановлено благодаря компенсаторному процессу.

Что касается нашей сказки, она не сразу начинается с беды, постигшей короля. Скорее, она начинается с того, что главный герой прорывается из бессознательного и отправляется на поиски приключений. На мой взгляд, это очень интересная вариация. Как правило, история начинается с описания каких-то проблем, которые существуют в королевстве. Но в данном случае она начинается с появления юноши, который отправился на поиски приключений и буквально *наткнулся* на это несчастное королевство. Это обстоятельство вызывает вопросы, которые я всегда себе задаю: является ли бессознательное только реактивным? Является ли каждое действие во сне только компенсаторным и комплементарным по отношению к тем проблемам и недостаткам, которые существуют в сознании? Или же бессознательное – это творческая, спонтанная основа, которая одновременно корректирует разные индивидуальные сознательные предпосылки?

Исходя из тех мифов и сказок, которые мне известны, я бы сказала: и то, и другое. Иногда действие происходит так (компенсация), иногда иначе (творчество). Вы никогда не сможете понять бессознательные процессы, если будете видеть в них только реакцию на то, существует в бессознательном. Бессознательное в равной мере может создавать что-то свое, так сказать, из «духа жизни». И здесь, в нашей сказке, это ясно видно. Юноша воплощает нечто, спонтанно прорвавшееся в бессознательную психику – неосознаваемую маскулинную интуицию – нечто, обладающее мощной психической энергией. К счастью, в результате определенных событий эта энергия прямо или обходным путем должна компенсировать некоторые недуги психического сознания. В нашей сказке особо отмечается, что действие этой силы, исходящей из бессознательного, является спонтанным, то есть она возникает сама по себе.

Если вы читали Арнольда Тойнби, то знаете, что у него есть очень убедительное и вдохновенное описание того, как выглядит цивилизация в период ее расцвета, в период становления и в период заката[8]. И одна из самых характерных примет любой цивилизации, находящейся в процессе становления, заключается в том, что разные сферы жизни – закон, религия, политическое устройство, социальное устройство – выражает один и тот же символ. Все это, так сказать, находится на одной длине волны.

Подумайте, например, о раннем христианстве и раннем христианском искусстве. Независимо от того, нравится оно вам или нет, считаете вы его хорошим или плохим, вы должны допустить: это искусство выражает основные религиозные взгляды и психологические представления людей того времени. Их религиозное мировоззрение и социальное представление, по существу, совпадали. Например, в ранних христианских сообществах никто не должен был говорить о медицине: «Это нас не касается! Это особое поле деятельности. Здесь вам следует обратиться к древнеримским врачам, врачам-язычникам. Медицина – это только наука, она не имеет ничего общего с пришествием Христа».

Своим отношением к античной медицине ранние христиане, по существу, ее уничтожили. Вся античная медицина, со всеми ее знаниями и высокими достижениями, канула в Лету. Вместо применения на практике античных знаний ранние христиане спали на могилах мучеников в надежде обрести исцеление. Если относиться к этому отрицательно, их установка была пагубной. При положительном отношении можно было бы сказать, что с подъемом христианства культура всего человечества снова стала единой, по крайней мере, судя по ее внешнему выражению. И это единство проникает настолько глубоко, насколько оно придает такое же ощущение отдельному человеку.

Если же цивилизация находится в процессе распада, можно заметить обособление людей. Они похожи на бизнесменов, которые с понедельника по пятницу ведут себя как акулы, а по воскресеньям ходят в церковь. Если вы им скажете: «Как же вам удается все это совмещать – ваши воскресенья и рабочие дни?» – вам ответят: «Посмотрите внимательнее, они не имеют между собой ничего общего. В бизнесе каждый человек ведет себя как акула. Вам тоже придется так себя вести, иначе вы прогорите». Или же они напоминают врача, который говорит: «Я хирург, а профессия

[8] См., например: Study of History (London, Oxford University Press, 1988). См. также: Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. – *Прим. переводчика.*

хирурга не имеет ничего общего с моим *мировоззрением*. Удаление аппендицита – это только дело техники. То, что я чувствую и думаю как человеческая личность, не имеет к этому никакого отношения».

Вы знаете, что это неправда, но хирург заявляет, что это именно так. Во многих американских больницах (да и в европейских тоже) крупные хирурги часто даже не знают своих пациентов. Операцию готовят их ассистенты и медицинские сестры. Хирург, надев маску и облачившись в одежду, стерильную с головы до ног, просто входит в операционную, берет скальпель, делает им несколько манипуляций и снова уходит.

Однажды в госпитале Нью-Йорка мне встретился врач, который воспротивился такому стилю поведения и решил, что ему следует посещать каждого своего пациента вечером перед операцией и тепло, по-человечески с ним беседовать. Позже он увидел статистику своих операций и заметил, что смертность среди оперированных им пациентов стала существенно ниже, чем раньше. На это сторонники обособления сказали, что эти два факта не имеют между собой абсолютно никакой связи и все это вообще не соответствует истине.

В распадающихся цивилизациях можно найти обособленные области, в каждой из которых есть свой собственный правитель, свои правила поведения, собственный стиль взаимодействия, свое *мировоззрение* и своя система ценностей. И каждая такая область искусно отделяет себя от остальных. Например, иногда встречаются люди, которые просто играют с оружием. Естественно, им очень интересно, как оно действует. Следовательно, даже Советский Союз, который считался целостным государством, с единым *мировоззрением* – марксистско-ленинской идеологией, фактически представлял собой два государства: одно политическое, а другое военное. Иными словами, в таких случаях существует много правителей. Люди обосабливаются друг от друга. В индивидуальном случае такое состояние, в котором прервались отношения с Самостью, как правило, приводит человека к неврозу.

У меня есть подруга, которую я знаю с восемнадцати лет. Конечно, она меня любит, но никогда даже близко не подходила к юнгианской психологии. Время от времени она мне снилась. И я обнаружила, что всякий раз накануне такого сновидения я так или иначе вела себя обособленно, словно никогда не слышала о юнгианской психологии. Зато теперь, когда она мне снится, я говорю: «Ага!» – а затем спрашиваю себя: «Что я делала вчера?» И всегда оказывается, что в какой-нибудь ситуации как раз накануне увиденного сна я думала про себя приблизительно так: «Ладно, эту проблему следует решить на уровне сознания. Не стоит относиться к ней на уровне бессознательного или Самости и т.п. Очевидно, все происходит так-то и так-то».

Я занимаюсь юнгианской психологией около тридцати лет, но так происходит до сих пор: некоторые обособленные части моей личности никогда об этом не слышали. Вы можете смеяться, но я готова поспорить, что это именно так. И это совершенно поразительно. Существуют маленькие «королевства», которые образовались сами и имеют свои собственные микроправила; и вам следует считать само собой разумеющимся то, что вы их даже не замечаете.

Таким образом, можно сказать, что чем глубже и сильнее оказывается импульс, побуждающий человека к индивидуации или повышению уровня сознания, тем больше королевств он будет объединять. Например, мы можем считать, что в какой-то момент главный герой нашей сказки символизирует импульс, исходящий из бессознательного и действующий так, чтобы повысить уровень сознания. Этот импульс не только освобождает королевство, сохраняет его и привносит в него новую жизнь; он может «привлечь» к себе и некоторые другие королевства, которые сейчас просто повисли над пропастью – в данном случае к несчастью для себя.

Юнг как-то сказал, что в процессе анализа самое главное – чтобы пациент был честен, слышал, что ему говорят, и прислушивался к интерпретации сновидений. Но еще один ключевой момент заключается в том – и аналитик также должен к этому прислушиваться, – что *комплексы* пациента тоже должны слышать. Встречаются люди, которые очень благосклонно относятся к анализу, приходят на него добровольно, как правило, потому, что хотят избавиться от множества симптомов, от которых они страдают. Но их Анимус, или Анима, или какие-то другие комплексы говорят: «Тьфу!» Такое отношение вы иногда можете заметить в холодном насмешливом взгляде, мелькнувшем у пациента.

У меня были пациенты, которые слушали меня так, словно к ним обращался сам Святой Дух, а затем вздрагивали: «Как вы можете так говорить! Разве так можно! Я лучше знаю!» И в таких случаях я иногда говорю: «Терпение, терпение, терпение...». Я

имею в виду, что в течение какого-то времени я препятствовала вмешательству этих комплексов. Потом я спрашивала человека: «О чем вы сейчас подумали?» – и пациент не мог мне ничего ответить. Я совершенно не подозревала, что в этих случаях сами люди мне не лгали и не пытались от меня что-то скрыть, – зато пытались скрыть их комплексы. *Он* (комплекс) приблизительно так и думал, но *они* (пациенты) – нет. *Они* слушали, а *он* думал: «Тьфу!»

Таким образом, нужно смотреть человеку в лицо. Иногда оно явно дрожит, и в подобных случаях препятствовать такому вмешательству крайне трудно. Обычно милостью Божией что-то мощное приходит из бессознательного (например, глубокое и трогательное сновидение), и если опять милостью Божией вам удалось так выразить свои мысли, чтобы затронуть эмоциональную сферу пациента, тогда все стены и барьеры рухнут. Так происходит объединение личности, и человек чувствует потрясение от отрывающихся перед ним новых возможностей.

Однажды я беседовала с мужчиной, который много лет проходил анализ, и он мне сказал: «Я не знаю, что это такое. Иногда – дешевые пилюли, и я это отлично понимаю. И тогда проблема возвращается. Когда я по праздникам читаю журнал своих сновидений, то вижу, что некоторые инсайты, которые, как мне казалось, я недавно получил впервые, у меня уже были три года тому назад, но я о них просто забыл». В первый раз они не сыграли своей роли и не сохранились в памяти. Запомнились только самые глубокие.

Что-то может произойти, только когда активизируется Самость, то есть глубинные слои человеческой психики. Но иногда, видимо, нам не хватает энергии, чтобы сохранить все инсайты и поддерживать их постоянное появление.

Эта проблема очень похожа на старый спор, который на языке теологии выражается как противоречие работы и благодати: что дает человеку искупление: добросовестная работа или Божия милость? Эту проблему можно обсуждать бесконечно. А на языке психологии она будет звучать приблизительно так: «Может ли человек исцелиться, только честно и добросовестно работая с аналитиком, или же он исцелится только тогда, когда этого захотят Самость и бессознательное?» Мы, психологи, тоже не можем решить эту проблему. Все, на что мы способны, – это по-новому переформулировать старый парадокс.

Насколько я могу видеть, в таких случаях всегда происходит взаимодействие обоих факторов – работы и благодати. Если отсутствует хотя бы один из них, ничего сделать не удается. Ни аналитик, ни пациент не владеют ситуацией полностью. Но когда кто-то упорно и терпеливо годами работает над своими проблемами и, несмотря на огромное разочарование, не достигает явных результатов, я ни разу не замечала, чтобы вся работа прошла впустую. Но с другой стороны, есть счастливцы, которые, прилагая совсем небольшие усилия, получают все, что дает им бессознательное. Этого никто не может понять, по крайней мере, я.

В нашей сказке делается акцент на спонтанности. В первую очередь потому, что юноше хочется приключений, и только во вторую потому, что он бедный и ощущает от этого дискомфорт. По-видимому, его поступки совершенно бессознательны, ибо он не знает, что ему надо. В сказке говорится: все, что он хочет, – это найти свое счастье. Он похож на юношу, который вырвался из дома, желая посмотреть на мир и почувствовать жизнь. Но он делает это не совсем самостоятельно, так как старик, увидев юношу, подошел к нему и попросил еды. А затем дал волшебные подарки – посох и клубок.

Здесь я хочу сослаться на статью Юнга «К феноменологии духа в сказке»[9]. В ней можно заметить следующее: то, что Юнг называет духом, с точки зрения мифологии является старцем-колдуном, ибо феномен духа имеет двойной аспект. Обычно он принимает облик либо старика-колдуна, либо мудрого старца, но самое изумительное, что иногда в нем сочетаются черты и того, и другого. Например, Меркурий, алхимический трикстер, одновременно является добрым и злым – в зависимости от человека, который повстречается ему на пути. Кроме того, Юнг рассказывает несколько эскимосских сказок, в которых старик приходит герою на помощь, а затем появляется другой старик, который хочет погубить героя. Но на самом деле по нескольким указаниям, которые имеются в сказках, можно заметить, что оба этих старика, по существу, одинаковы. Словно он одной рукой ударил сказочного героя, а другой поддержал его. Поэтому дух в облике старца, который одновременно является добрым и злым, – это чисто природное явление.

По определению Юнга, в образе духа/старца воплощается активная энергия бессознательного, которая создает и упорядочи-

[9] См.: Юнг К.-Г. Дух Меркурий. М.: КАНОН, 1996, с. 199. – *Прим. переводчика.*

вает образы. Значит, можно сказать, что для Юнга дух был именно тем, что в бессознательном создает сны, ибо сновидение – это серия символических образов, которые появляются в определенной последовательности. И как нам известно, *мы* не создаем эти образы. Никто не может создать сон. Если после какого-то события вы анализируете сновидение, то видите, что оно представляет собой очень искусную совокупность символических картин, которых вы не создавали. Именно в этом смысле Юнг определяет или описывает сущность духа.

Следовательно, этот поразительный аспект бессознательного можно назвать активным интеллектом бессознательного, когда мы ощущаем его как некую интеллектуальную деятельность. Он проявляется не только в сновидениях. Иногда он выражается в странных причудах судьбы, в синхронизме явлений и во всех тех переживаниях, когда у нас возникает странное ощущение, что нами руководит высший разум. Иногда он появляется в облике злого трикстера, чтобы свалить вас с ног, а иногда – в облике помощника, но всегда возникает неожиданно и вызывает удивление. Обычно он оказывается злым, потому что все мы очень глупые, и тогда трикстер заплетает вам ноги, заставляя споткнуться; вы ощущаете, что это очень искусная работа – в данном случае очень искусное колдовство. В других случаях вы ощущаете помощь его изощренного интеллекта. И та же самая сила создает наши сновидения. В силу своей активности ее энергия является маскулинной, как в архетипе божественного духа. А в сказках эта энергия проявляется в образе мудрого старца либо в образе маленького старого карлика, который всегда появляется в самое нужное время. И, как отмечает Юнг в своем эссе, он обычно возникает, когда герой испытывает острую потребность в интеллектуальной помощи и не получает ее.

Юнг приводит в пример одну сказку, в которой к мальчику-сироте плохо относились родители. Он убежал из дома куда глаза глядят. Он оказался в лесу и почувствовал, что очень проголодался. Вдруг перед ним появился старик, который дал ему добрый совет, как поступать дальше. Юнг замечает, что этот добрый старик появился именно в тот момент, когда сознание очень нуждается в совете и начинает понимать, что само оно не в состоянии его дать. Иными словами, мы получаем духовную помощь из бессознательного лишь в том случае, когда полностью исчерпали собственные силы. Если из-за своей умственной лености человек просто сидит и надеется, что дух бессознательного чудесным образом проведет его через все трудности жизни, значит, бессознательное просто глумится над вами. Но если человек мужественно сделал все, что мог, но понял, что у него не получается, что он приперт к стене и сделать больше уже не в силах, то, как правило, эти благодатные дары появляются из бессознательного.

В нашей сказке молодому человеку явно не хватает цели в жизни или инсайта, касающегося этой цели. Он слишком предприимчив и не слишком много думает. К нему приходят мысли потому, что он является «призванным», то есть героем. Ему предназначено совершить что-то великое. То, что предназначено нашему герою, принимает облик повстречавшегося ему мудрого старца. Это независимый образ бессознательного, который сначала просит юношу поделиться с ним едой. Существует множество сказок, в которых можно найти такого маленького лесного старичка, или мудрого старца, или старушку, или гнома, который встречается герою (как правило, в начале сказки) и просит у него еды.

Иногда в сказке действуют три брата, и два старших отвечают: «Нет-нет, мне и самому мало» – и сами едят свой хлеб и пьют свое вино, но затем оказываются заколдованными. Старик, карлик или старуха говорят: «Ладно, тогда попадешь в беду» – и навлекают на него эту беду. В отличие от них, младший брат отвечает: «Хорошо, я поделюсь с тобой едой». И тогда он получает волшебный дар.

Наш сказочный герой тоже имеет склонность делить пищу с силами бессознательного, принявшими облик мудрого старца. Таким образом проявляется алхимический закон, который алхимический Меркурий так прекрасно выражает в одном из древних текстов: «Помоги мне, и я помогу тебе». Словно бессознательное говорит: «Дай то, что мне причитается, и тогда я дам тебе твою долю». Если мы не отдадим бессознательному то, что ему причитается, если не обратим на него внимания, тогда оно ничем не сможет нам помочь.

Возможно, к вам в кабинет приходили люди с ужасным неврозом, которые рыдали о своих симптомах и о том, в каком страшном тупике они оказались, и вы точно знали, что им можно помочь, только если они сумеют обратиться к бессознательному. Однако они этого не делают. И тогда спустя некоторое время вы могли только пожать плечами и сказать: «Очень сожалею! Если вы не хотите сделать то, что зависит от вас, и помочь своей пси-

2 — 1714

хике, приложив некоторые усилия, то я ничем не могу вам помочь». Некоторым людям бесполезно это говорить; они предпочитают барахтаться в собственных симптомах лет двадцать, а то и больше. Как вы понимаете, они должны быть готовы чем-то рискнуть, чтобы что-то получить взамен. Кроме того, у них должна быть некая авантюрная жилка, чтобы сказать: «Хорошо, давайте попробуем! Давайте приложим усилия! Мне нечего терять, кроме своей энергии; на кон не нужно ничего ставить, кроме собственных сил. Так почему нет?» Такая великодушная установка необходима для того, чтобы силы бессознательного могли прийти на помощь.

Итак, вы видите, какую я сыграла злую шутку! Я соскользнула на лечение молодого человека, как если бы он был сознающим человеком, который поделился с духом тем, что у него было. Но это не так, потому что юноша – это архетипический образ и старик, который воплощает дух, тоже является архетипическим образом. Так обычно «соскальзывают» студенты, которые интерпретируют сказки. А теперь я соскользнула сама – и сделала это осознанно, потому что заметила, когда это делала, и подумала: «Я это сделаю просто для того, чтобы показать вам, как происходит такое соскальзывание».

Но как же удержаться от такого соскальзывания? Например, я сказала: «Архетипический образ А отдает свой хлеб архетипическому образу Б». Да, но если человек начинает так думать, это похоже на сумасшествие! Как видите, именно поэтому я сказала, что отождествлять героя с эго-сознанием плохо только наполовину, – потому что без такой наивной идентификации сначала просто невозможно понять, что происходит.

Но после того как мы это сделали и знаем о том, что мы соскользнули, нам следует поправить себя и сказать: «В коллективном бессознательном формируется архетипический импульс, *elan vital**, в направлении более высокого уровня осознания. Этот *порыв* еще не связан с инсайтом и мудростью. Он соединяется с инсайтом и мудростью в самом бессознательном».

Именно этот процесс символизирует просьба поделиться едой. И именно он все время происходит в бессознательном: некое содержание связывается с неким другим содержанием или отделяется от него. Коллективное бессознательное или внутренний человек – тоже бессознательный – является неким подобием поля частиц, в котором какие-то частицы притягиваются друг к другу, а другие отталкиваются друг от друга. Они создают временные образования, а затем снова распадаются. Так происходит внутреннее взаимодействие, и, по-видимому, ему свойственна тенденция к компенсации или дополнению сознания.

* Жизненный порыв (фр.). – *Прим. переводчика.*

Теперь вы видите, что именно так и происходит в нашей сказке. Старик дает герою посох и клубок. Клубок и приводит юношу к королю, который попал в беду, то есть к задаче, которую он должен решить. Поэтому старик *с помощью* посоха и клубка задает юноше ориентир. Он направляет его в королевство, где случилось несчастье, от которого юноша должен его избавить. Поэтому можно сказать, что сначала в бессознательном был просто *elan vital* к новым возможностям, но сам по себе он еще не имел определенного направления. Затем он вступает в контакт с высшей мудростью бессознательного. Здесь мудрый старец воплощает высший потенциал, то есть нечто более великое, чем юноша. Мудрый старец – это мудрость бессознательного, архетип духа, который создает этому ненаправленному *elan vital* юноши – стремлению к жизни, существующему в бессознательном, – возможность двигаться в правильном направлении, туда, где он может помочь исправить какие-то неправильные аспекты коллективного сознания. Мудрость бессознательного помогает юноше, так как он добровольно, не пожадничав, поделился своей едой и тем самым передал некую энергию фигуре старца.

Связь архетипических образов бывает очень странной. Например, мне вспоминается русская сказка, в которой герой должен освободить царевну из плена Змея Горыныча. Чем-то эта русская сказка похожа на нашу, но Змей Горыныч заколдовал царевну, потому что воевал с царем. Следовательно, в русской сказке враждебные отношения были между царем – правителем и Змеем Горынычем. А что касается героя, то он просто шел своей дорогой и получил от царя приказ убить Змея Горыныча. Все происходит так, как следует ожидать, но не прямо, а косвенно: Змей Горыныч обрушивает свою ярость не на самого царя, а на принцессу, царскую дочь. Герой в нее влюбляется. Сам он не испытывает никакой враждебности к Змею Горынычу, но ему приходится его убить.

Таким образом, в динамике содержания бессознательного можно увидеть забавную игру судьбы. Иногда процесс исцеления происходит не прямо, а окольным путем. Так происходит, если

одно отклонение приводит к другому отклонению. Терапевтический процесс тоже иногда должен начинаться издалека, с более отдаленного уголка психики, из-за того, что на «прямом» пути он оказывается блокированным, и эту блокировку преодолеть не удается.

Например, человек приходит на анализ и на первой же сессии заявляет: «Я больше не могу жить в браке. Мне нужно развестись. В этом заключается моя главная проблема. Давайте будем честными. Я хочу начать с реальной проблемы». Затем этот человек почти целый час рыдает над своим несчастным браком и представляет своего супруга (или супругу) таким жутким человеком, что в конце сессии вы уже абсолютно убеждены в том, что они должны развестись. Естественно, об этом вы молчите, а просто обращаетесь к этому человеку: «Хорошо, давайте посмотрим, о чем говорят ваши сны». И ожидаете, что человеку снятся сны о его ужасной супруге или, по крайней мере, в его сновидениях отражаются серьезные проблемы Анимы или Анимуса.

Но вместо этого вы видите, что его сны связаны с проблемой творчества. Тогда вы говорите пациенту: «Итак, у вас есть проблемы с творчеством. Вам следует что-то написать или нарисовать». В таком случае пациент испытывает сильное раздражение, потому что хочет определиться: «Но я должен решить, разводиться мне или нет!». У него не хватает либидо даже на то, чтобы слушать о каких-то других возможностях. Однако он должен пойти на риск и бессознательно вам довериться. Это все равно, что начать принимать совершенно другие медикаменты и смотреть на результат: вполне вероятно, что затем начнется новый творческий процесс.

Позже, заметив такое развитие, вы увидите, что это была единственно возможная точка соприкосновения бессознательного и Эго. А исходя из этой точки, можно решить всю проблему по частям, причем каждая ее часть будет иметь самостоятельное решение. В таких случаях можно узнать, что решение проблемы начинается в той самой области, в которой вы меньше всего ожидали появления какой-то важной или новой констелляции. Поэтому следует задать себе вопрос: «Тогда почему же сновидение ничего не говорит о проблемах сознания?» Быть может, мы настолько привыкли к тому, что все происходит именно так, а не иначе, что упускаем из виду: иногда мы слишком авантюрно смотрим в будущее.

Таким образом, если кто-то мне рассказывает об очень большой проблеме, я говорю: «Хорошо, но так эту проблему видит ваше сознание... Давайте посмотрим, что под ней скрывается...» И затем стараюсь угадать, как лучше всего будет протекать терапевтический процесс. Но мне ни разу в жизни не удалось угадать правильно. Он всегда протекает так умно и тонко, так креативно и неожиданно, что его *никогда* невозможно угадать. А потому, услышав сознательную точку зрения на проблему, я с большим удовольствием говорю: «А сейчас я размышляю, что мне об этом расскажут ваши *сны*».

Изучая такие процессы постфактум, вы видите, что они протекают совершенно без потери времени и энергии, каждый раз по наикратчайшему пути. Окольный путь оказывается самым прямым. Можно лишь попытаться приблизительно это сформулировать. На самом деле мне часто приходило в голову следующее: поразительно, что человеческая жизнь развивается не по прямой, а окольными путями, однако она всегда следует вдоль самой прямой линии, которая только возможна. Я часто думаю, что, по существу, таков ее паттерн. Это парадокс.

Вернемся к нашей сказке. Бессознательное или мудрый старец, который воплощает мудрость бессознательного, направляет импульс жизни юноши туда, куда ему нужно, то есть туда, где необходимы изменения. Но он не говорит юноше прямо: «Ты должен расколдовать принцессу и убить тролля». Он лишь дает ему клубок и посох, который, поможет ему стать невидимым, и напутствует: «Если ударишь посохом по этому клубку, он покатится перед тобой и укажет путь». Поэтому теперь нам следует обратить внимание на посох и клубок.

Посох, то есть палка – это самый древний инструмент, которым пользуется человек и который был изобретен в животном царстве. В лесах Конго есть особая порода обезьян, которые любят питаться особым видом больших муравьев. Эти насекомые очень вкусные, но очень больно кусаются. Поэтому обезьяны отламывают ветку, делают из нее длинную палку, а затем, отодвинувшись подальше от муравейника, суют в него палку. Муравьи заползают на палку, и когда их становится достаточно много, обезьяны вытаскивают палку из муравейника и слизывают с нее добычу. Таким образом им удается избежать муравьиных укусов. Эта картина может послужить прекрасной иллюстрацией применения данного инструмента. Таким образом, палка, безусловно,

является простейшим инструментом, да к тому же самым первым. Она представляет собой своего рода удлиненную руку, а значит, символизирует целенаправленное стремление к власти, выходящее за пределы телесных ограничений, – действительно, потрясающее изобретение.

Кроме того, в древних культурах палку чаще всего использовали для управления животными. Отсюда появилось символическое значение палки как королевского скипетра: король является добрым пастырем своих подданных. А следовательно, подобно деревенскому пастуху, он держит в руке скипетр-кнут, с помощью которого правит народом. Скипетр стал символом правящей власти. По существу, это просто пастушья палка, которая обрела столь грандиозный смысл.

Например, епископы католической церкви имели жезл. Согласно средневековому толкованию, епископский жезл является символом авторитета католической доктрины. Таким образом, епископ также является пастырем, только духовным, – и своим жезлом, символизирующим авторитет католической доктрины, указывает духовный путь людям, которые впали в ересь.

Еще один символический аспект палки, который мне кажется важным, мы находим в древнегерманском ритуале. В средние века в Германии существовали народные суды над убийцами и ворами. Их судил не правитель и не король, а группа мужчин из общины. Перед судом один из мужчин отламывал ветки орешника и всем, кто должен был участвовать в суде, давал по ветке. Каждый из судей, держа в руке ореховую палку, давал примерно такую клятву: «Я буду судить, исходя не из личной приязни или вражды, а по существующим у нас законам».

Таким образом, в данном случае палка означает прямую объективную норму, удостоверяющую, что судья будет руководствоваться только существующим законом, а не личными пристрастиями: «Так, этот парень мне не нравится, поэтому я его приговорю». Повторяю: в данном случае палка дает судье ощущение, что он наделен властью, выходящей за рамки Эго, за границы его изменчивых мыслей и симпатий, то есть ощущение своей объективности. Точно так же, как епископский жезл означает клятву придерживаться объективной истины, а не личного мнения, и как королевский скипетр означает связь с объективной властью и беспристрастным правлением. Таким образом, палка, жезл, скипетр

распространяют власть человека и его устремленность к более масштабной и более объективной цели, выходящей за границы сиюминутных прихотей.

Посох, который делает человека невидимым, необычен; чаще всего таким свойством обладают плащ или шапка. А потому эти две функции – наделение способностью быть невидимым и придание объективного направления – следует отделить друг от друга. Невидимость человека должна иметь связь с его исчезновением, уничтожением, уходом в тень, в индивидуальный субъективизм, в конкретную индивидуальность. Если кто-то во Франции становится очень хорошим, или очень современным, или ставит свое дело выше своей личности, о таком человеке говорят: *s'efface* – «он прячет свое лицо». То есть он становится безымянным, безликим; он просто исчезает. На французском языке выражение *s'efface* имеет и другое значение – исчезать, но только в метафорическом смысле. Например, если кто-то решает трудную задачу и постоянно выдвигает на первый план не свое Эго, а саму задачу, о нем говорят, что человека не видно за его задачей, то есть в этом смысле он «исчез».

Если речь идет о художнике, это означает, что он полностью посвящает себя искусству. Сам он представляет собой только закрытый сосуд. Пока картина не закончена, его просто не существует. Один мой друг, художник, всегда говорил своей жене: «Сначала искусство, потом женщины». Он полностью отдавал себя решению своих творческих задач. У него была такая установка, что он мог бы сказать о себе: «В данный момент мои потребности и реальность не имеют для меня никакого значения».

Такую установку очень поддерживало христианство, а сейчас она в основном считается плохим человеческим качеством. Восемьдесят процентов времени мы должны учить людей снова становиться «видимыми», *жить в этом мире*. Но люди, которые ставят перед собой определенную задачу или занимаются творчеством по призванию, до сих пор придерживаются такой установки: иногда человеку приходится жертвовать сиюминутными личными желаниями и прихотями. Если вы поговорите с какой-нибудь творческой личностью – с ученым, художником или кем-то еще, – он подтвердит, что обычная человеческая жизнь должна отойти в сторону.

Даже на охоте, если к вам приближается животное, а вам хочется чихнуть, вы должны подавить это желание. Следует отодви-

нуть в сторону свое Эго и физические потребности, иначе вы потеряете свою главную цель. Значит, часто наступают моменты, когда ради достижения цели вам приходится подавлять все желания Эго и природные импульсы. В такие моменты установка «исчезновения» становится очень важной.

Таким образом, функция палки заключается в символическом воплощении установки, которая отодвигает Эго в сторону. Но, как мы видим, с помощью палки люди указывают направление. Поднятая палка свидетельствует о приложении духовных сил и отстранении от любых личных желаний.

Иными словами, в результате общения с мудрым старцем *elan vital*, прорвавшийся из коллективного бессознательного, получил духовную целенаправленность, а не явную, конкретную цель. Это ключевой творческий момент. В данном случае творческая энергия не приведет, скажем, к политической революции, которая представляет собой земную цель. Скорее, она приведет к психологической революции, к изменению, происходящему на более высоком уровне.

На протяжении всей истории человечества только психологические изменения вызывали великие творческие процессы. Исключительно конкретные изменения, например, смена политической или социальной системы, всегда имели как позитивные, так и дурные последствия; как правило, людям наливают именно такой суп, который им не нравится. Я думаю, что в данном случае могу обойтись без примеров. Если вместе с такими реформами не происходит психологических изменений, по существу, ничего не меняется. Можно трансформировать конкретные внешние аспекты общественной жизни; на этом уровне люди могут изменить все. Но если внутри они остались такими же, то на самом деле ничего не меняется. Таким образом, великим мотивационным фактором в культуре и социальной жизни был человек, который мог поднять палку и стать невидимым, – то есть привнести свою цель в невидимую психическую сферу.

Палка обладает важной функцией, так как указывает на некое объективное направление, на трансперсональную, значимую цель, выходящую за рамки только временных индивидуальных намерений. Именно это воплощает и королевский скипетр, символ независимости и суверенитета. Король как глава целой нации не должен извлекать личных выгод из своего положения. Истинным государем его делает именно то, что он преследует некую трансцендентную цель или исполнение закона, воплощением которых становится.

Оказывается, предметы, которые делают человека невидимым, связаны с тем же самым. То есть, чтобы справиться с определенной ситуацией, человек должен полностью исключить все эгоцентричные цели. Например, в великой китайской Книге Перемен «И Цзин» говорится: чтобы достичь великой цели, человек должен отказаться от любой поверхностной и личной благодарности, а затем, так сказать, просто сойти со сцены. На индивидуальном уровне это означает следующее: если у человека в жизни есть трансцендентная цель, то она тоже делает человека невидимым: люди уже не могут его заметить. Они больше никогда его не увидят. Часто о таких людях говорят: «Такой-то и такой-то очевидно преследует такую-то и такую-то цель», или: «Такой-то и такой-то хочет добиться того-то и того-то», или: «Такой-то и такой-то имеет такой-то план», – и все это совершенно не соответствует действительности. По существу, они не видят этого человека, а потому он может спокойно делать то, что должен, ибо никто по-настоящему не понимает, что он делает. Возможно, люди станут ему мешать, если увидят, где он находится. Но они не увидят. Они больше не смогут найти психологическое объяснение его поступкам, а значит, не смогут им манипулировать или остановить его на пути к цели.

То же самое относится и к коллективному, архетипическому процессу. Например, если вы читали письма Плиния к римскому императору Трояну, написанные в 119 году, то знаете, что Плинию было приказано изучить секту так называемых христиан, которых люди считали опасными для государства и обвиняли в подготовке государственного переворота. Плиний написал императору самое невинное письмо. Он доложил, что отыскал несколько таких людей, включая рабынь, которых он подверг пыткам (римских граждан пытать не разрешалось). Вместе с тем он пишет: «Мне не удалось увидеть ничего, кроме странных предрассудков, похожих на искаженные суеверия, поэтому я считаю этих людей совершенно безвредными, то есть полагаю, что их можно отпустить».

Таким образом, можно было бы сказать, что ранние христиане стали невидимыми для Римской империи. Никто не знал, где они находились, но вместе с тем они были носителями нового света и предвестниками новой цивилизации. В какой-то мере они

были носителями того нового сознания, воплощением которого служит наш сказочный герой. Но именно поэтому они были непонятны другим людям. Их не видели такими, какими они были в реальности; иначе во всей Римской империи началась бы страшная паника и их могли бы просто раздавить. Так все и случилось: паника действительно началась, но позже, когда христианское движение стало настолько мощным, что его уже невозможно было подавить. Но сначала христианам было выгодно оставаться невидимыми. Их делало такими именно то, что они «подняли палку» – преследовали не земную, а трансцендентную цель.

Понимаете, оторвать что-то от земли и держать в воздухе – значит поднять это до уровня, соответствующего разрыву контакта с материальной реальностью. Тогда появилось огромное искушение «приземлить» ранних христиан. Когда святого Павла спросили о его отношении к рабству, он ответил: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся»[10]. Это был хитрый вопрос: святого Павла пытались представить защитником рабов, а следовательно, приверженцем и пропагандистом определенной политической идеи. Таким образом, его хотели впутать в земные политические дела. Но, как видите, он очень мудро ушел от ответа. Это может послужить примером того, как следует поднять палку, а, подняв ее, продолжать оставаться невидимым. Ключевой момент заключается в том, чтобы не позволять себя приземлить. Не следует слишком спешить с ответом на вопрос: «Скажите, пожалуйста, что это конкретно значит и какие могут быть конкретные последствия таких убеждений?» Ибо в определенных ситуациях, а также пока не настало время, не следует пытаться «приземлить» послания бессознательного.

Все сказанное выше имеет прямое отношение к интерпретации сновидений людей, у которых очень развито конкретное мышление. Они кивают и говорят: «Да, конечно, в этом есть определенный смысл, но что мне конкретно нужно *делать?*» Особенно любит задавать такой вопрос женский Анимус, а потому в подобных случаях Юнг говорил, что если женщина задает такой вопрос, значит, она уже одержима Анимусом. В символическом содержании некоторых снов нет никакого конкретного указания и даже

[10] 1 Кор. 7:20, 21.

намека на то, что надо делать. Их послание следует рассматривать как чисто психологическое. В него нужно просто погрузиться, и тогда человек изменится. А когда человек станет совершенно иной личностью, он естественно узнает, что ему следует, а что не следует делать «во внешнем мире». Если человек стал другой личностью, он начинает иначе относиться ко всем своим внешним проблемам. Но если он стремится узнать, что конкретно означает каждый сон, значит, он хочет использовать сновидение как предсказателя, а это свидетельствует об инфантильной установке по отношению к сну или к бессознательному. Следовательно, если сон конкретно не указывает на каждый следующий шаг, его не следует интерпретировать таким образом. Образно говоря, его нужно оставить в подвешенном состоянии.

Когда я проходила анализ у Юнга, то в восьмидесяти процентах случаев приходила домой в очень задумчивом состоянии, размышляя приблизительно так: «Да, действительно, это производит очень сильное впечатление, это меня очень трогает, но какое отношение все это имеет к реальности?» Я не заставляла себя связывать все это с реальностью. Я концентрировалась на эмоциональном послании сновидения. А затем, как правило, мне снился следующий сон, потом следующий, и наконец, однажды приснился сон, который ориентировал на конкретное действие в реальном мире. До этого палка мне указывала: цель, которая подразумевается в этом сне, должна быть трансцендентной. Эта цель не является земной и конкретной, а находится между небом и землей.

Следовательно, поднятие в воздух, то есть вознесение, всегда означает движение в направлении духовности. Такое движение можно увидеть, например, в символике католической мессы. Скажем, поднятие потира* официально интерпретируется как его экстатическое вознесение в духовную, то есть высшую сферу.

Можно сказать, что наш сказочный герой, подняв палку, становится воплощением трансцендентной цели, движения в сторону обновления коллективного сознания. Так как он хочет стать королем, у него есть средства для достижения цели, еще не принявшей конкретную форму. Таким образом, он может оставаться незаметным для окружающих, которые в противном случае сразу схватили бы его, как римляне схватили бы ранних христиан, если

* Потир (от греч. poter – чаша, бокал) – сосуд для причастия с вином и водой, символически претворяющимися в кровь Христову. – *Прим. ред.*

бы знали, какие убеждения они отстаивают и что в результате даст тот зародыш нового сознания, носителями которого христиане являются. Если бы они все это знали, то, наверное, просто стерли бы их с лица земли.

Во времена Древнего Рима было много конкретных проблем, которые могли оказаться для них ловушкой. Одни из самых жестких обвинений ранним христианам исходили от людей, которые занимались выращиванием и продажей жертвенных животных. Эти непреклонные борцы с христианством жаловались, что их дела идут все хуже и хуже, так как с развитием христианства понизился спрос на жертвенных коз и коров. Поэтому дельцы очень злились и скандалили. Можно себе представить, как бы они завыли, если бы узнали о том, что в конце концов христианство победит и через несколько сотен лет жертвоприношения животных в Римской империи прекратятся! Для христиан было существенным то, что они выражали фразой Христа: «Вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных»*. Поэтому они оставались невидимыми в буквальном смысле слова**.

Это всего лишь исторический пример, но все происходит именно так. Когда в культуру привносится что-то новое и творческое, оно обычно не раскрывается сразу. Общество занято чем-то еще, а спаситель всегда рождается в разрушенном сарае для скота в то время, когда абсолютно никого не волнует, что именно там происходит. Таков закон природы, но спасение новых импульсов приходит из той сферы, которую никто не замечает.

То же самое можно сказать об отдельном человеке. Допустим, что у вас есть высокоинтеллектуальный пациент, который находится в плену своего интеллекта. Тогда все возможности, связанные с его исцелением и освобождением от невроза, внезапно открываются в области чувств. Если их сделать слишком заметными, то человеческий интеллект вторгнется в область чувств и постарается интеллектуально ее структурировать – проще говоря, перенести чувства в интеллектуальную сферу – и тем самым погубить их. Как правило, вы говорите такому интеллектуалу: «Понимаете, это относится к чувственной сфере», – а он в ответ: «Да, конечно», – так как не хочет и не может признать, что не понимает этого. Итак, вплоть до этого момента процесс мог протекать свободно. Вы говорили правду, но истинная сущность по-прежнему оставалась совершенно невидимой, а потому не было возможности совершить никакого прорыва. Не следует стремиться сказать: «А теперь вы поймете, что все это значит». Человек еще не готов. Если он увидит, что все это значит, то лишь погубит его своим интеллектом.

* Марк, 14:62. – *Прим. переводчика.*

** Здесь вполне уместно привести запрет самого Христа, обращенный к апостолам: «Но Он строго запрещал им, чтобы не делали его известным». Марк, 3:12. – *Прим. переводчика.*

В очень многих сказках герой получает в дар от животных или волшебников либо шапку, либо плащ, которые позволяют ему оставаться невидимым. Из контекста нашей сказки можно узнать, зачем главный герой должен был становиться невидимкой: потому что ему не удалось бы узнать, чем занимается принцесса, если бы он не смог оставаться незамеченным, входя во все ворота и двери.

Другим подарком, который получил наш герой, является клубок (или шар) – символ Самости. Существует еще одно обстоятельство, которое мне хотелось бы отметить. Спрятанное сокровище является символом Самости. А потому это сокровище остается недостижимым. Многие волшебные средства, с помощью которых можно заколдовывать и расколдовывать людей (волшебная палочка и т.п.) также являются символами Самости. Разные структуры мандалы – например, замки, дворцы или города (если они имеют форму мандалы) – тоже являются символами Самости. Бриллиантовый, золотой и серебряный леса в нашей сказке, как мы увидим позже, тоже можно интерпретировать как символы Самости. Можно сказать, что в какой-то мере мудрый старец также символизирует Самость. Поэтому меня очень раздражает, если студенты, интерпретирующие сказку, остаются удовлетворенными, называя все эти объекты символами Самости. Это слишком скучно! Невозможно ограничиваться словами: «С помощью символа Самости» или: «Он нашел символ Самости». Следует говорить так: «Да, хорошо, действительно так, но какой именно аспект здесь находит свое выражение?»

Так, например, кольцо в первую очередь воплощает характерный аспект позитивных или негативных отношений, связанных определенными обязательствами. Шар, который очаровывает детей и даже детенышей животных в силу особенности своей формы касается земли лишь незначительной частью поверхно-

сти; поэтому он может преодолеть силы трения и притяжения к земле. Можно лишь слегка подтолкнуть шар, и если у него гладкая поверхность, он покатится Бог знает куда. Если вы играете на бильярде, то представляете себе, в чем заключается очарование этой игры: вы делаете направленный удар, и шар закатывается в лузу, при этом он соударяется с другими шарами и даже отскакивает от них под определенным углом, если вы хорошо владеете мастерством этой игры. А если вы никогда в нее не играли, то даже наблюдение за искусной игрой доставляет большое удовольствие. У вас появляется ощущение, словно бильярдные шары живут своей тайной жизнью, которой вы лишь даете толчок, а затем шары начинают двигаться сами. Поразительно видеть, как мастер игры на бильярде делает удар в определенном направлении, и один шар, сталкиваясь с другим шаром, отправляет его в лузу, а потом, сталкиваясь еще с одним шаром, попадает в лузу сам. Такое очарование вызывает шар. Вы бросаете его об стену, и он снова отскакивает прямо к вам в руки. Ничего подобного невозможно сделать ни с каким другим объектом. Поэтому в рамках представления о том, что шар является символом Самости, следует отметить возможность автономного, то есть самостоятельного движения шара. Он может двигаться сам по себе гораздо дальше любого другого объекта. Это придает ему духовные или волшебные качества.

Шар – это еще и символ космического порядка. Большинство моделей устройства мира подразумевают определенное количество концентрических сферических орбит, по которым вращаются планеты. Кроме того, исторически шар является символом души, начиная с атомистической модели Демокрита, который предположил, что душа состоит из круглых огненных шариков – атомов. Так как эти огненные шарики души очень маленькие и гладкие, то они могут катиться в любую сторону. Именно так, согласно Демокриту, душа распространяется по телу, ибо она состоит из таких шариков.

Кроме того, шар – это символ образа бога. «Бог – это бесконечная сфера, ее центр находится везде, а границ просто не существует». Это глубокое изречение, которое, как отмечает Юнг[11], со

[11] См., например: Юнг К.-Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице // Юнг К.-Г. Ответ Иову. М.: Канон, 1995. См. также: Mysterium Coniunctionis, пар. 41. М.: Рефл-бук, 1997.

времен Плотина цитировали все великие западные философы. Это один из самых поразительных образов, который всегда использовали для описания божественного явления, а иногда – внутреннего центра человеческой души.

Анализируя нашу сказку, нам следует в основном ограничиться тем свойством шара, что он катится туда, куда хочет. Очевидно, что в сказке он имеет направляющую функцию: он катится прямо в тот город, где герой сталкивается с трудной задачей, которую ему нужно решить. Однако здесь есть один тонкий момент, с которым я раньше никогда не сталкивалась. Катящийся клубок – очень распространенный сказочный мотив, и обычно главный герой или героиня (как и в данной сказке) встречают в лесной чаще мудрого старца или старушку, которая дает ему (или ей) круглый моток шерсти. В таких случаях клубок, разматываясь, катится вперед, а герой идет за ним, держа конец нити в руках. В европейских сказках можно найти более сотни таких примеров, но в каждой из них клубок начинает катиться только после того, как герой взял его в руки.

В нашей сказке есть дополнительный нюанс: клубок не катится сам по себе. Юноша сначала должен его подтолкнуть, но всего один раз: как только клубок покатился, он уже не останавливается. Следовательно, в данном случае мы имеем несколько иную картину, ибо автономная деятельность Самости, то есть процесс индивидуации не происходит без начального толчка.

Представьте себе: люди именно так чаще всего и поступают. Одним из основных способов, позволяющих процессу индивидуации стать постоянным и непрерывным, гораздо более явным, чем запись в журнал содержания сновидений, является активное воображение. Однако процесс активного воображения следует запустить. Вы должны его начать, и эти начальные усилия следует приложить именно *вам*. Если вы не предпримете первой попытки начать процесс активного воображения, клубок сам не покатится. Но, начавшись, он уже станет развиваться самостоятельно – да так, что его невозможно будет остановить. Тогда у вас появляется понимание: «Теперь я к нему готов!»

Возможно, именно поэтому многие люди так никогда и не решаются начать процесс индивидуации или испытывают по отношению к нему очень сильное сопротивление – они бессознательно предчувствуют, что если однажды вступить в этот процесс, то выйти из него обратно уже не удастся. Можно сделать некото-

рую паузу, – если получится, – но полностью остановить его никогда не удастся. А если вы все-таки прекратите работу с активным воображением из-за того, что понадобится слишком много сделать за несколько недель, то, возобновив его, увидите, что он давал вам возможность иметь объективную точку зрения. Во время этой паузы вы не жили реальной жизнью. А значит, вам следует все начать сначала.

Мне встречались люди, которые по разным причинам прекращали работу с активным воображением – как минимум на три года, а то и больше. Например, у меня была пациентка, которая вышла замуж. В первые несколько лет семейной жизни у нее родилось двое детей, и она перестала работать с активным воображением. Затем эта пациентка стала испытывать тяжелую депрессию, и к ней вернулся тот же образ, с которым она рассталась несколько лет тому назад. Казалось бы, на уровне бессознательного за все это время ничего не произошло. Активное воображение – это непрерывный процесс, который протекает по своим собственным законам, но очень важно, чтобы сознание запустило этот процесс.

Возвращаясь к нашему герою, следует сказать, что мы не можем идентифицировать его с Эго, а потому следует просто представить себе, что он воплощает процесс, который, будучи изображенным в сказке, полностью происходит в коллективном бессознательном. Коллективное бессознательное можно сравнить с электромагнитным полем. Тогда можно сказать, что в нем существуют отдельные точки возбуждения, в которых, так сказать, концентрируется энергия поля. Эти точки являются архетипами. А в каком-то уголке этого поля возникает жизнеутверждающий импульс. Его воплощает юноша, главный герой сказки. Это неявно выраженная сила бессознательного, которая представляет собой избыточную энергию жизнеутверждающих импульсов. Затем эта сила соединяется с некой традиционной мудростью, существующей в бессознательном, которая придает ей начальное направление. Благодаря этому контакту жизнеутверждающая сила приобретает определенное направление – посох и способность дать первый толчок движению клубка. Герой начал постоянное автономное движение, представляющее собой поток жизни, в котором он находится. Все происходит так, словно сначала в бессознательном возник энергетический импульс, который, взаимодействуя с остальным содержанием бессознательного, превращается в снежный ком, движущийся в направлении сознания.

По мнению Юнга, возрастание уровня сознания человека (по сравнению с высшими видами теплокровных животных, у которых возникают некие проблески сознания) состоит именно в том, что превышается порог инстинктивной энергии и появляется избыточная энергия, которая не требуется для выживания вида.

В какой-то мере это утверждение иллюстрирует даже поведение животных, живущих в зоопарке. Так как им не нужно уделять много внимания борьбе с врагами и добыванию пищи, они избавлены от некоторых затрат инстинктивной энергии. Поэтому они играют намного дольше и чаще, чем дикие животные, которые вообще играют редко, разве что в молодом возрасте. Взрослые животные практически никогда не играют. Их слишком беспокоит проблема выживания. А животные, находящиеся в зоопарке, проблему выживания которых человек взял на себя, играют достаточно беззаботно.

Игра несомненно является началом всех духовных и социальных сознательных занятий. Следующая мысль принадлежит не Юнгу, это моя собственная догадка: найденные нами доисторические линии и царапины – те, что древнее наскальных рисунков, – появились в результате ритмичных движений или ударов, которые, по-видимому, были нанесены в процессе игрового возбуждения. Это может означать, что люди, которые населяли эти пещеры, ощущали себя в относительной безопасности и не боялись нападений диких животных. Так как у них был огонь, они могли освещать свои пещеры, и если они не были слишком усталыми, проведя целый день на охоте, то собирались вместе, может быть, зимней ночью. В это время у них практически отсутствовала инстинктивная деятельность. Чем же они занимались? Эти древние люди начинали наносить удары по стенам пещеры или ритмично царапать стены, оставляя следы. Затем они постепенно стали фантазировать над оставленными следами, и в итоге появились всем известные наскальные рисунки эпохи палеолита. Поэтому можно сказать, что эти следы отражают более последовательную или более протяженную во времени форму сознания, то есть начало осознания.

Подобную эволюцию можно заметить и наблюдая за детьми. Самое первое, что делает ребенок, – ритмичные движения. Именно поэтому ему обычно дают в руки погремушку или другую похожую игрушку, которой ребенок часами машет направо-налево и вверх-вниз. Если ребенку одного-двух лет дать карандаш, он сна-

чала с большим удовольствием просто поводит им по бумаге туда-сюда, совершая ритмические движения и испытывая при этом огромное удовлетворение.

Ритмические игры с очень маленькими детьми, как правило, следует повторять двадцать-тридцать раз. Они не позволят вам уйти до тех пор, пока не устанут. Таким образом, ребенок на индивидуальном уровне словно повторяет тот же путь развития, который прошел весь человеческий род. А если понаблюдать за игрой животных в зоопарке, можно тоже увидеть много подобных ритмических движений.

Итак, наш сказочный герой воплощает такую же избыточную жизнеспособную энергию, которая не направлена на достижение какой-то конкретной цели. Затем она возрастает, как снежный ком, ассимилируя другое содержание бессознательного – мудрость старика, воплощенную в образах палки и клубка. Эта энергия усиливается в бессознательном, пока, наконец, не появляется образ жизненной цели, который приведет к сути проблемы.

Итак, теперь становится понятно, что процесс исцеления в коллективном бессознательном направляется к месту конфликта некоторыми регуляционными действиями, происходящими в коллективном бессознательном. Это можно сравнить с такой ситуацией, когда у конкретного человека, страдающего от сильного внутреннего конфликта, в бессознательном возник новый импульс к жизни, который, как оказалось, не имеет никакой связи с самим конфликтом. Я объясняла это на примере сновидений, когда пациент рассказывает, что у него чрезвычайно сложная проблема в супружеских отношениях, а его сны говорят совершенно о другом. Вместе с тем процесс постепенно обогащается и подходит к той точке, где конфликт действительно является осознанным. И тогда можно увидеть весь предварительный и подготовительный процесс, который происходил в бессознательном, когда сновидения, которые говорили совершенно о другом, в конечном счете создавали основу, позволяющую найти осознанное разрешение конфликта.

В таком же положении находится наш герой. Он может либо вступить в сферу коллективного сознания (то есть в королевство) и попробовать исправить там положение вещей, а именно: у короля есть только одна дочь, законная наследница, от брака которой зависит процветание королевства. Она каждую ночь исчезает, разрывает на части двенадцать пар золотых туфелек, и никто не знает, что за этим кроется. Старый король так расстроен, что обещает выдать дочь замуж за человека, который узнает, чем она занимается по ночам; но если этот человек так ничего и не узнает, его казнят.

В большинстве сказок, где возникает такая ситуация, король злой. Он неоднозначно относится к тому, что происходит. В глубине души он ни за кого не хочет выдавать свою дочь, так как не желает терять власть. Таким образом, он исподтишка строит козни, чтобы помешать своей дочери выйти замуж, и получает истинное наслаждение, казня всех претендентов на ее руку, ибо это позволяет ему оставаться на троне.

Наша сказка является исключением из этого правила: старый король страшно несчастен из-за того, что эта порочная игра его дочери никак не прекращается. Сам по себе он, казалось бы, является добросердечным человеком, так как предупреждает героя, что, приговорив его к смерти, будет очень об этом сожалеть. Ему совсем не нравится делать то, что он делает. У него доброе сердце, и он предпочел бы не казнить претендентов на руку дочери.

Принцесса же, наоборот, злая. Но, как мы вскоре убедимся, она не является злом сама по себе, а просто заколдована. Она хочет, чтобы все претенденты на ее руку были казнены, и не желает, чтобы кто-то узнал о том, что с ней происходит. Причиной ее злонравия является тролль. Но король, видимо, не разделяет ее убеждений. Ведь именно из-за своего отчаяния он становится жестоким. Я имею в виду вот что: он создает ситуацию, в которой слежка за его дочерью становится вопросом жизни и смерти для претендентов на ее руку: «Или ты узнаешь, что происходит, или я тебя казню!»

Рассуждая поверхностно, можно сказать, что король так поступает только для того, чтобы усилить рвение претендентов на руку дочери. Возможно, он чувствует, что ему нужно оказать на них давление, ибо иначе не удастся узнать, что случилось. Очевидно, что в глубине его души растет тревога. Он пребывает в отчаянии, а как известно, отчаявшиеся люди способны на все. Они становятся опасными.

Теперь, если мы посмотрим на эту ситуацию с точки зрения психологии, то увидим, что в общей теории невроза речь идет о так называемом «довлеющем страдании». В немецком языке есть специальный термин *Leidensdruck* – «подавляющее страдание».

Обычно его можно узнать, когда человек приходит на анализ, не испытывая этого довлеющего страдания, и не получает никаких результатов. Кто-то может прийти и сказать: «Мне просто скучно дома, я немного почитал Юнга и решил погрузиться несколько глубже, поэтому вы можете взять меня к себе на анализ?» А затем на третьей сессии он искренне говорит, что все это неправда, что он находится в ужасном тупике, испытывает адские страдания, только не хочет себе в этом признаться.

Но есть и другие люди, которые не испытывают довлеющего страдания, и мой опыт говорит о том, что такие люди ничего не получают от анализа. Как правило, спустя несколько недель они звонят: «Вы знаете, я так занят! Как вы отнесетесь к тому, что я не смогу прийти?» Затем они начинают приходить только время от времени, потом отправляются в путешествие и, наконец, говорят: «Я вам позвоню осенью» – и на несколько лет пропадают. Может быть, им не так плохо, но в любом случае они не дают о себе знать. Либо они совершенно прекращают анализ, либо прибегут опять, но *только тогда*, когда их клюнет жареный петух. Вот тогда они засучат рукава и начнут работать серьезно, – но не раньше.

По-видимому, все мы страдаем от внутреннего безразличия. Мы склонны получать удовлетворение, добиваясь чего-то любой ценой, чего бы нам это ни стоило. По существу, такое безразличие можно обнаружить в природе практически всюду; это мощная консервативная сила, которая стремится сохранить статус-кво, поэтому, чтобы добиться любого прогресса, приходится испытывать неимоверные страдания. Наверное, рыбы никогда не научатся передвигаться по суше, если не будут испытывать такое давление. Лорен Ейсли в своей книге, посвященной эволюции[12], утверждает, что все великие мутации и скачки в эволюции были вызваны критическими ситуациями, суть которых можно выразить следующим образом: «Или мы изменимся, или нас сотрут с лица земли». То же самое происходит в жизни наций, сообществ, а также в жизни отдельных людей.

Юнг как-то сказал, что самая сильная человеческая страсть – не голод, не секс и не стремление к власти, хотя все эти влечения являются чрезвычайно сильными; самая сильная страсть – это лень. Чем дольше я изучаю людей, включая саму себя, тем больше согласна с этим. Лень – это очень сильная страсть. Следовательно, король поступает вовсе не так жестоко, как нам показалось раньше. Он заставляет себя сказать: «Сейчас ситуация или-или. Это вопрос жизни и смерти. Мы *обязаны* найти человека, который доберется до самой глубины этой тайны».

[12] "The Immense Journey" (New York, Random House, 1957).

Это мне напоминает о том, как Юнг в самом начале работы с активным воображением как-то вечером, прежде чем пойти спать, почувствовал, что если ему не удастся решить некоторую проблему в активном воображении, то придется покончить с собой. Он ощутил, что эта проблема стала для него вопросом жизни и смерти, словно он сказал: «Я не могу больше так жить, такая жизнь больше не имеет смысла». Образно говоря, пришпорив себя таким образом, он, наконец, осознал, как ему жить дальше.

Одна из самых больших проблем, существующих в анализе, состоит в том, что вы часто видите людей, которые совсем никак не решают свои проблемы, и у вас появляется такое чувство, что если они не очнутся, то с ними случится что-то ужасное. Они пришли получить шоковую терапию. И тогда возникает вопрос: следует ли *вам* проводить шоковую терапию или лучше предоставить этих людей их судьбе?

Этот вопрос я часто обсуждала с Юнгом. Он сказал, что человеку иногда неплохо было бы провести шоковую терапию самому, ибо в таком случае он может контролировать, насколько велик должен быть шок, тогда как Бог, видимо, не слишком понимает человека. Он (можно назвать Его Природой или бессознательным) иногда бьет человека чересчур больно, и тогда беда становится слишком большой, чтобы ее могли выдержать человеческие чувства. Таким образом, иногда предпринимают попытки воздействовать на человека шоком, прекратив анализ, накричав на него или угрожая ужасными последствиями: «Если вы не сделаете... то вы умрете» и т.п. Но очень часто это не помогает. Человек просто становится вам врагом, а затем судьба неумолимо делает свое дело, и происходит что-то ужасное и непоправимое. Вы получаете письмо: «У меня рак груди, я нахожусь в госпитале. Пожалуйста, помогите!» или что-то похожее. Шесть или семь лет тому назад вы это предвидели, но не смогли достучаться до сознания этого человека.

Поэтому можно сказать, что в нашей сказке король столкнулся с ситуацией, которую можно назвать критической. Кроме того, он связан особыми отношениями с примитивными силами, с грубой первобытной силой тролля.

Когда эта грубая, варварская, примитивная сила угрожает появиться из бессознательного – независимо от того, идет ли речь о целой нации или об отдельном человеке, – то требуется соответствующая строгая дисциплина сознания. Из истории вы знаете: когда народ начинает развиваться из первобытного состояния к состоянию, которое историки называют началом высшей цивилизации, нормы поведения этого народа и его военная дисциплина становятся чрезвычайно строгими. Хорошим примером является японская средневековая цивилизация самураев с присущими ей очень строгими правилами поведения. В японских фильмах часто изображается конфликт между буйной энергией первобытных сил и рыцарским формализмом самураев. Другим примером может послужить средневековое рыцарство, которое существовало в Европе. Поведение рыцарей подчинялось строгим правилам. Даже внешний вид доспехов отражал их внутреннее отношение абсолютной преданности и полного подчинения, а за нарушение принятых норм следовала кара – изгнание из клана рыцарей.

Такая строгость всегда необходима там, где много первобытной энергии. Современные этнологи нередко бывают потрясены строгостью законов, действующих в первобытных племенах: там отрубают голову за воровство и другие подобные преступления. Но такие карательные меры следует понимать в общем контексте. Это символическое воплощение того, что против грубых сил бессознательного помогает только особенно жесткая дисциплина и твердость духа.

Для нашего времени это тоже справедливо. Когда появляется человек, который становится источником конфликта либо вследствие злоупотребления алкоголем, либо из-за неуправляемого гнева, либо по причине неуправляемого сексуального влечения и неразборчивости в половых связях, он может стать рабом первобытных импульсов энергии. Такой человек может прийти на анализ, желая, чтобы его поняли и сочли больным и заслуживающим жалости. Но в жизни человека обязательно наступает момент, когда ему приходится делать жесткий выбор; он должен сказать себе: «Теперь ты понимаешь, почему пьешь, почему получаешь наслаждение от своих приступов ярости и почему не хочешь взяться за себя, засучив рукава. Теперь ты видишь полную картину, теперь тебе все понятно. Но сейчас у тебя еще остается последняя возможность сказать этому *нет*». И такое решение должно быть абсолютно твердым. Когда люди сталкиваются с необходимостью принять твердое решение, они всегда говорят: «Но я не могу. Я хочу, но не могу. Я чертовски хочу это сделать, но, видите ли, когда я попадаю в такую-то и такую-то ситуацию, я *не могу*. Это сильнее меня. Это выше моих возможностей».

Эти чувства следует очень тщательно взвесить, ибо часто люди не могут справиться с некоторыми своими влечениями или пристрастиями. Образно выражаясь, они становятся заколдованными троллем, а тролли *оказываются* сильнее. Они устанавливают над человеком власть и управляют им. Чтобы принять твердое решение, направленное против действия первобытных импульсов, человек должен быть уверен в том, что его можно выполнить. Обрести же такую уверенность очень сложно. Человек должен отчасти увидеть это в содержании своих снов, ибо сны иногда могут сказать, что такое вполне возможно.

Иногда действие злых чар продолжается только из-за лени или слабоволия. Затем, когда человек вам признается в том, что не может это сделать, вы замечаете, что взгляд его погас или что он отводит глаза. И тогда вы понимаете: «Вот оно что! Меня не проведешь! Ты и сам в это не веришь. Говоришь, что не можешь, но сам же в это не веришь!» В этот момент созидающие силы бессознательного достигают той точки, в которой *может* появиться новое сознание.

Именно поэтому индивидуацию следует считать этической проблемой. Человеку недостаточно понимать. Во многих ситуациях все зависит от этической установки сознания.

В нашем сказочном королевстве, чтобы компенсировать действия тролля или победить его, король против своей воли должен принять несколько жестких законов. Когда наш юноша приходит к королю, тому становится его жалко и он говорит герою: «Даже не пытайся!» – ибо юноша ему нравится. Здесь ясно виден нюанс, о котором я говорила раньше: на самом деле король находится в тупике. Он не хочет казнить претендентов на руку дочери. Он говорит юноше, что тот должен провести три ночи в спальне принцессы, и если он не узнает, чем она занимается, то его казнят. Юноша идет в спальню, снимает свою одежду, кладет котомку и решает не засыпать, но все равно дважды засыпает. И только на третью ночь он продолжает бодрствовать.

Это редкая сказка, в которой не дается объяснения, почему он засыпает. Во многих других версиях, а также в немецком ана-

логе принцесса сама подсыпает герою снотворное, но на третью ночь он замечает ее уловку. Тогда он выливает снотворное за пазуху и только притворяется, что уснул; таким образом, у него появляется возможность узнать ее тайну.

Здесь этот момент обойден. Нам просто сообщают, что герою удалось не уснуть. Возможно, первые две ночи он попадал под действие злых чар, хотя принцесса и не давала ему снотворное. Может быть, из-за того, что она была заколдована, действие колдовства распространилось и на него, поэтому он тоже оказался отчасти заколдован.

Мы сталкиваемся с чем-то подобным снова и снова, и это действительно нужно уметь замечать, если вы хотите когда-нибудь стать аналитиком. Бессознательные проблемы людей способны оказывать такое суггестивное воздействие, которое может ослепить или усыпить вас. Иногда у пациента возникает сильное сопротивление, мешающее ему откровенно рассказывать о какой-то проблеме. Тогда эта установка заражает и вас. Вы быстро и основательно глупеете. Что-то не позволяет вам уловить суть проблемы. И только потом, опомнившись, вы обнаруживаете, что, оказывается, тоже были заколдованы. Вы скажете: «Так почему же я не замечал этого раньше?» А потом осознаете, что это была некая разновидность дремоты, в которой пациент живет и которую он, как облако, на вас распространяет. Вы словно находитесь в таком состоянии, когда не можете видеть дальше своего носа, словно вся атмосфера сопротивляется тому, чтобы вы смогли что-то увидеть.

Это действие «злых чар» бессознательных комплексов. Пациент заколдован. Он ничего не может с этим сделать. Он не лжет и ничего не скрывает – он просто заколдован. Он ужасно заразен. Я замечала, что порой даже несколько часов спустя после беседы с таким человеком я какое-то время еще пребывала в состоянии ослепления. Это была вовсе не усталость, я просто была немного не в себе. И если после аналитической сессии я приходила в такое смешное состояние, то садилась и пыталась представить, что на самом деле со мной происходит: «Почему я сейчас нахожусь в таком эмоциональном состоянии? Что я чувствую, находясь в этом состоянии?»

Однажды у меня была пациентка, которая именно так очень сильно на меня воздействовала. Это была весьма симпатичная женщина, настроенная ко мне весьма дружески. Мы начали очень

хорошо, что может отчасти объяснить все, что случилось дальше. У нее была необъяснимая проблема: несколько раз вопреки своему рассудку и воле она оказывалась в постели с разными мужчинами, забеременела и сделала аборт. Все это произошло как бы помимо ее основной жизни, как анонимное письмо, написанное левой рукой. А когда она пришла ко мне на анализ, у нее было несколько довольно приятных сновидений; все они были совершенно ясными. В них присутствовали некоторые теневые аспекты, однако ничего такого, что могло бы указать на ее трагедию. Сновидения не затрагивали этой трагедии, но меня поразило следующее: после аналитической сессии я почувствовала, что почти ослепла. Такое чувство у меня появлялось всегда, но я его не понимала. У меня не было ясного ощущения. Пациентке стало намного лучше. У нее были серьезные физиологические симптомы, которые окончательно исчезли, поэтому она стала думать, что полностью вылечилась. По ее мнению, она прошла прекрасный анализ, который очень успешно закончился. А я по-прежнему не понимала, что происходит. И думала: «Все это действительно сводит меня с ума».

В день нашей следующей встречи я приехала домой, вернувшись со званого обеда, на котором присутствовали мои друзья. Подъехав к своему гаражу, я сказала себе: «Черт побери, что же с ней происходит?» Расстроенная, я вышла из машины, чтобы открыть дверь в гараж, а затем снова села в машину. А через несколько секунд – бам! – дверца автомобиля отлетела, потому что я не закрыла ее. В то время это обошлось мне в лишнюю сотню франков, которую я не могла себе позволить.

Позже я спросила Юнга: «Как все это связано?» Я была абсолютно уверена в том, что здесь должна быть какая-то связь. Он засмеялся и спросил: «Разве вы ее не видите? Бессознательное рассказало вам ее про диагноз. Она забеременела и по глупости перестала обращать внимание на свое тело. А что сделали вы со своей машиной? Это была явная глупость. И бессознательное заставило вас ее починить, чтобы сказать вам, что с ней произошло то же самое – просто по глупости. За этим абсолютно ничего не стоит. Именно поэтому бессознательное не дает на этот счет никаких комментариев». Позже я узнала, что брат ее отца был имбецилом. Моя пациентка вовсе не была имбецилом, но в чем-то эта родственная связь должна была проявиться. Таким образом Юнг научил меня: если вы не понимаете пациента, нужно смотреть на

то, что делает ваше тело. Именно ваше тело часто вам говорит, в чем дело.

При такой дремоте необходима шоковая терапия, но снова возникает та же проблема: кто должен проводить эту процедуру – природа или аналитик? Это очень щекотливый вопрос, ибо, чтобы намеренно вызвать шок, нужно уметь обращаться с энергией. Я бы сказала, что это следует делать, если у вас есть явное ощущение реальной опасности. Иногда в такой ситуации я очень огорчаюсь и говорю: «Черт побери, ты должен опомниться!» Иногда я говорю особенно много, потому что отчаянно хочу пробудить человека к жизни. Я переношу на него свою панику, потому что чувствую тревогу. Мне кажется: «Боже мой, все бесполезно!» Возникает почти такое же чувство, когда на ваших глазах ребенок перебегает улицу наперерез мчащемуся на жуткой скорости автомобилю. Вы не можете вежливо сказать, положив руку ему на плечо: «Посмотри внимательно, нельзя перебегать через улицу». Вы хотите, чтобы ребенок это понял и запомнил, а потому крикнете: «*Дурак*! Тебе что, жить надоело?»

Довольно говорить о такой дремоте, когда нужен шок, чтобы от нее избавиться. В нашей сказке герой просыпается сам. На третью ночь он делает все возможное, чтобы не уснуть, и ему это удается. В спальне принцессы он видит девушку, одетую в белое платье. Она подходит к его кровати и говорит принцессе: «Я узнаю, действительно ли он спит или только притворяется». Девушка берет золотую иглу и вонзает ему в пятку. Наш герой, несмотря на боль, остается лежать неподвижно и ничем не выдает себя. И тогда девушка и принцесса отправляются к троллю.

В других версиях сказки девушка в белом платье отсутствует. Например, в немецкой версии ее нет, но принцесса уходит не одна, а с одиннадцатью другими принцессами. Но в данной сказке у принцессы только одна спутница – девушка в белом платье. Это весьма неясный персонаж. Она просто появляется и проверяет юношу, вонзая ему в пятку золотую иглу, которой тот позже убивает тролля. Кроме того, именно эта девушка по пути к троллю все время успокаивает принцессу, уверяя, что за ними никто не следит и что та слышит только шум ветра. Иначе говоря, у девушки в белом платье вообще нет никакой функции. Она как призрак, который то появляется, то исчезает.

Давайте по возможности амплифицируем этот мотив. Мы не можем много извлечь из образа девушки в белом платье, так как

из контекста сказки трудно понять, кто она такая, за исключением того, что она связана с троллем, распространяет бессознательное и обладает оружием – иглой, которой наш герой убивает тролля. Следовательно, нам следует поискать мифологические мотивы, связанные с этими аспектами, и попытаться найти персонажей, похожих на эту девушку.

Существует норвежская сказка «Три принцессы Белого острова»[13], где речь идет о юноше, рыбацком сыне, который должен расколдовать трех принцесс, заколдованных троллем. Для этого ему пришлось целую ночь плыть на север, пока он не причалил к белому берегу. Там он нашел трех принцесс, которые были закопаны в землю по самую шею. Их околдовал злой тролль, которого юноша нашел и убил. Таким образом, он избавил от злых чар трех принцесс и женился на младшей из них.

Итак, здесь можно заметить некоторое сходство. Тролль связан с абсолютно белой страной. Повторяю, он заточил фемининное начало в белой стране. В данном случае белизна имеет отрицательное значение и связана с заклятием и колдовством, как и белое платье девушки в датской сказке. Сам по себе белый цвет, как и черный, является «бесцветным», нейтральным. В немецком языке слово *blank* означает *сияющий*, и тот же самый корень лежит в основе английского слова *black* – *черный*. Таким образом, даже с точки зрения семантики белый и черный цвета являются взаимозаменяемыми. Кроме того, во всем мире цвет траура либо белый, либо черный. Древние греки, преимущественно спартанцы, в таких случаях носили одежду белого цвета, и до сих пор во многих странах траурные одежды имеют белый цвет. Согласно современным обычаям, мы в знак траура надеваем одежду черного цвета.

Дж. Дж. Бахофен отмечал, что черный и белый цвета – это цвета Запредельного, мира духов[14]. Даже на смешных карикатурах духов обычно изображают в виде скелетов, накрытых белым саваном. Привидения тоже появляются в белом облачении. В прусской императорской семье существует легенда, согласно которой, во дворце живет белая женщина. Когда тяжело заболевает кто-то из членов семьи, она появляется в качестве предвестницы смерти.

[13] MDW, "Nordische Volksmärchen", vol. 2, No 24 (Jena: Diederichs, 1922). См. также: Скандинавские сказки. М.: Худ. литература, 1982, с. 153. – *Прим. переводчика.*

[14] "Versuch über die Gräbersymbolik der Alten Bahmeier" (Basel, C. Detloff, 1839).

Иногда в сновидениях, которые исходят из глубины бессознательного, можно найти образное представление Самости, например, в виде какого-то особенного камня. Или же людям снится холодное космическое пространство, полное абстрактных структур, имеющих скрытый смысл. У некоторых людей бывают странные математические сны, которые указывают на таинственные парадигмы, связанные с глубинным уровнем психики, коллективным бессознательным. Но все перечисленное выше характеризуется отсутствием всякой связи с землей; по отношению ко всем этим образам не возникает никакой эмпатии. Невозможно почувствовать, что они означают. Эти образы могут вызывать интерес и очаровывать, но они очень далеки от человеческих переживаний.

Иногда такие сны снятся перед самой смертью или незадолго до смерти. Умирающие люди уже начинают покидать эту землю и расставаться с земными делами. Значит, если в контексте сказки просматривается негативное отношение к белому или черному цвету, следует запомнить, что таким образом проявляется связь со смертью. Естественно, на самом севере Норвегии находится белая земля, Арктика. Это страна вечного снега и льда, в которую мы попадаем очень редко. Белый цвет также имеет прямое отношение к снегу, к негативному аспекту холода, к сверхъестественному нечеловеческому холоду бессознательной психики. Таким образом, можно предположить, что тролль является воплощением тайной силы холода, отчужденной от человеческого тепла.

Возможно, девушка в белом платье стала одной из первых его жертв, которая теперь оказалась его посланницей. Она может быть даже женой этого тролля – мы этого не знаем. Но между ними должна быть такая же жизненно важная связь, ибо у нее есть оружие, которое может убить тролля. Девушке в белом известна его тайна, она обладает той вещью, от которой зависит его жизнь. Поэтому именно она сопровождает принцессу и доставляет ее в подземное царство тролля.

Теперь нам следует поразмышлять над тем, что в начале нашей сказки отсутствует фигура матери. У юноши нет ни отца, ни матери. В лесу он встречает старика, своего духовного отца, но, разумеется, он не является материнским персонажем. Где же тогда архетип матери?

Обычно, когда архетип матери не находит своего воплощения в области коллективного бессознательного, можно найти его эквивалент в какой-то другой области, которая считается компенсаторной сфере бессознательного, но в нашей сказке мне не удалось его найти. В ней есть один символ, указывающий на архетипическую материнскую символику, но я вернусь к нему чуть позже. В основном эта сказка характеризуется крайне слабо выраженным женским началом. На мой взгляд, этим символом как раз и является девушка в белом платье. В сказке фемининность практически отсутствует. Всю ее жизненную силу взял себе тролль. Фигура, которую мы должны были бы назвать материнской или архетипом матери, не обладает соответствующей формой. Но она может оказаться слившейся с троллем, ибо образы троллей в половом отношении являются неопределенными. Они могут быть как мужского, так и женского пола. Мы даже не знаем, какого пола тролль в нашей сказке (скорее всего, мужского, так как он флиртует с принцессой).

Чрезвычайная слабость фемининного начала – это специфически германское наследство. У тех германских племен, которые не попали под влияние романской цивилизации, поскольку вошли в состав Римской империи, есть тенденция к недостаточному внешнему и формальному выражению фемининности. Разумеется, вы могли бы сказать, что существующая у них фемининность точно такая же, как и у любых других социальных групп, но она осталась несформированной. Это значит, что у мужчин нет культуры Анимы. Это становится особенно заметно женщинам.

Если вы являетесь женщиной и жили какое-то время в немецких кантонах Швейцарии или в самой Германии, то у вас могло постепенно развиться смутное чувство, что вам следует извиниться за то, что вы женщина. Мужчины в Германии относятся к вам гораздо вежливее, чем в Швейцарии: они придерживают двери, помогают снять и надеть пальто и т.д. Такое чувство не значит, что к вам относятся некорректно. Это смутное ощущение, что вам не хватает чего-то очень важного.

Если вы потом отправляетесь в Париж, то спустя два дня ощущаете себя в полном кошачьем «мяу!» – так как отношение к вам французов отчасти находится на таком же низком уровне. Шофер такси и носильщик на вокзале смотрят на вас так, словно думают: «Гммм...?». Это не всегда приятно, но вы по крайней мере замечаете, что вы женщина! Нечто подобное может происходить на низком или на более высоком уровне, в зависимости от особен-

ностей человека. Но это всегда вызывает у вас мысль: они видят во мне женщину. И даже если вы уже пожилая и у вас седые волосы, то все равно остаетесь женщиной – вы не мужчина и не существо среднего рода. Такова атмосфера, которую создает Анима. Именно поэтому женщины получают наслаждение, когда приезжают в Италию, Францию или в страны Латинской Америки. Там существует особая культура Анимы, в которой мужчины осознают женщин.

В Германии у вас появляется чувство, что мужчины, как в традиционных английских клубах, чувствуют себя гораздо лучше, если находятся в исключительно мужском обществе: «Давайте оставим на время милых дам и обсудим без них важные и серьезные дела. А дамы тем временем посплетничают в своем кругу». Так происходит вследствие определенного культурного развития Европы и, возможно, из-за отсталости вторгшихся в Европу германских племен. Они поддерживали свой примитивный и патриархальный социальный военный порядок, тогда как у других племен, раньше поселившихся в Европе, благодаря оседлости и занятию сельским хозяйством фемининность и культура Анимы оказалась развитой гораздо лучше.

Можно было бы сказать, что в нашей сказке воплощается самое больное – странное чувство отчужденности фемининного начала, ощущение, что ты не от мира сего. В северных странах некоторые женщины чем-то похожи на троллей или фей: они очень красивы и вежливы, прекрасно выглядят внешне, но с ними не возникает ощущения человеческого контакта. Похоже, что они живут во сне. Я прошу прощения, что, говоря такие вещи, наверное, задеваю какие-то человеческие чувства, но уверяю вас, что могу сказать много плохого и о других странах тоже! У каждой страны есть свое слабое место. После этой сказки мы обратимся к испанской и на ее примере увидим, что в Испании есть совсем иное слабое место – поэтому не обижайтесь! Кроме того, помимо всяких обобщений, разумеется, бывает множество индивидуальных исключений. Но для германских народов фемининность является проблемой. На мой взгляд, именно поэтому сейчас все феминистки пребывают в состоянии особенно сильного раздражения. Потому что женщины утратили определенное ощущение своей фемининности. Они не чувствуют, что их фемининность получает заслуженное признание. Абсолютно то же самое относится и к мужской Аниме.

Таким образом, девушка в белом платье является леденящей, мертвой фемининной формой, похожей на дух, и она соблазняет принцессу отправиться к троллю. Но вместе с тем она владеет золотой иглой, которая убивает тролля. И всегда происходит именно так: исцеляющий момент скрыт именно в том факторе, который делает человека невротичным. Невроз – это некое содержание в очень неприглядной внешней упаковке, и когда вы ее открываете, то находите эликсир, который излечивает невроз. Внутри самого невроза содержится его исцеление. Вам не нужно искать исцеление где-то на стороне, ибо, по мнению Юнга, невроз – это неудачная попытка природы исправить нарушение психического равновесия.

В воздействии природы есть две стороны. Ее позитивное, исцеляющее влияние вам хорошо известно, но иногда ее воздействие заходит так далеко, что может погубить человека. Например, лихорадка является симптомом, указывающим на процесс исцеления. Следовательно, сама по себе лихорадка – это здоровое явление. Но если она слишком сильная, человек может умереть. Таким образом, иногда исцеляющее воздействие природы идет, так сказать, по ложному пути. Любое фармакологическое воздействие основано на идее поддержки уже существующих в природе исцеляющих процессов и помогает им развиваться в правильном направлении. В какой-то мере это относится и к психотерапии. Следовательно, та же самая холодная и жестокая девушка в белом платье, которая вонзает иглу герою в ногу, вместе с тем обладает исцеляющей иглой. Амплификацией самого образа золотой иглы мы займемся несколько позже.

Итак, мы снова приходим к тому, что когда в бессознательном начинает слишком сильно доминировать холод, иногда требуется столь же холодная установка, чтобы преодолеть это доминирование. В этом отношении многие люди часто не понимали Юнга. И в процессе анализа, и вне этого процесса он мог быть очень саркастичным; из-за этого Юнг нажил себе много врагов и часто шокировал тех сторонних наблюдателей, которым приходилось слышать его едкие замечания. Но если знать, что происходит на самом деле, можно было понять, что он всегда говорит такие вещи в ситуациях, требующих холодной, жесткой определенности, чтобы избавить человека от ложной установки.

Естественно, от излишней жесткости лучше воздержаться, если не знаешь, как это нужно делать. Лучше просто поиграть зо-

лотой иглой – по крайней мере до тех пор, пока не испытаете ее на себе.

Многие люди просто не могут относиться к самим себе с саркастическим цинизмом. Они не в состоянии посмотреть на себя или на все, что происходит вокруг, уменьшив до масштабов булавочной головки. Но иногда это нужно уметь. Естественно, женщина не должна этого делать с помощью своего Анимуса, ибо это означало бы попрание своих истинных ценностей и их уничтожение. Именно это Анимус больше всего и обожает делать – унижать истинные ценности женщины: говорить ей, чего у нее нет и кем она не является, когда это совсем не так. Это деятельность тролля. Тролль разрушает все истинные ценности. Чтобы помешать троллю их погубить, иногда нужно проявить редуктивный сарказм по отношению к собственной Тени и к собственному Анимусу. В таких случаях, не проявляя никакой сентиментальной жалости к себе, следует все записывать в журнал для сновидений, а потом время от времени в него заглядывать. Иначе можно до бесконечности вычищать грязь из углов. Всегда найдется нечто такое, чего человеку не может сказать никто другой; он должен сказать себе это сам. Это нечто настолько негативное, что человек не сможет его услышать от кого-то еще, поэтому он должен быть достаточно честным с самим собой, чтобы сказать это самостоятельно.

Теперь перейдем к игле. Начнем с поверхностных языковых ассоциаций. Вам когда-нибудь приходилось слышать выражение «кого-нибудь уколоть»? Что это значит? Как правило, уколоть человека – значит задеть его комплексы. Например, можно уколоть человека, отпуская в его адрес «колкие»*, «острые» замечания. И если такие колкости достигают цели, значит, вы точно попали именно туда, где у человека проявляется комплекс. Ух ты! Он топнул ногой! Такова разговорная метафора глагола «уколоть».

Есть женщины, в злости не уступающие ведьмам, которые любят это делать (и некоторые мужчины тоже). Они выискивают у людей комплексы и затем отпускают в их адрес колкие замечания, считая, что если попадут точно в цель, то человек станет беспомощным. И это действительно случается, если комплекс данного человека оказывается очень заряженным. В таком случае он не отвечает, приходит в смятение и злосчастная колкость достигает своей цели. Эта ведьма прицелилась, направила поток психической энергии и попала точно в комплекс.

Девяносто процентов содержания древнего колдовства, заклятий и приворотов, которые делают людей больными, сводятся к одной и той же технологии. В моей книге, посвященной проекциям[15], я подробно говорила об этих «психических снарядах», которые вызывают у людей болезнь. В самом древнем и универсальном случае колдовства ведьмы болезнь вызывается либо уколом иглы, либо острым краем или углом камня, либо каким-то еще достаточно острым предметом, позволяющим нанести укол. С помощью этих колющих предметов злые духи или злые люди насылали болезни на людей или наводили на них порчу. А самое древнее средство исцеления состояло в том, чтобы узнать то место, куда человека укололи, и высосать из раны болезнь или порчу. Некоторые знахари или шаманы даже создавали материальный образ, воплощающий болезнь, а затем говорили всему племени: «Слушайте, он вот здесь. Пусть пациент выздоровеет». (Прежде чем произнести фразу, они заблаговременно прятали этот образ себе в рукав). Мы часто думаем, что такая проекция вызывала у человека болезнь. Этот «психический снаряд» мог «прилететь» от какого-то бога или человека; при этом он всегда был связан с негативными проекциями. Человек может проецировать содержание своей психики на других людей, и такие проекции причиняют им боль и вызывают у них болезнь.

Ведьмы применяют уколы при колдовстве, и в сказках часто упоминается о том, что у них есть так называемая «усыпляющая игла». Это значит, что такой иглой они наносили укол человеку в голову (как правило, за ухом). В черной магии можно найти описание этой процедуры. Затем человек засыпал и не мог проснуться лет сто, а то и больше.

Таким образом, есть иглы, которые вызывают у человека болезнь, есть иглы, которые его усыпляют, и есть иглы, которые приводят его в смятение. Если вы произносите колкость, нацеленную

* В русском жаргоне есть существительное «прикол» и глагол «прикалываться», то есть совершать действия (приколы), которые часто оказываются на грани нормы, но при этом являются «остроумными» – по крайней мере, в понимании остроумия членами данной социальной группы – и вызывают у них «острые» ощущения. – *Прим. переводчика.*

[15] "Projection and Re-Collection in Jungian Psychology", trans. William H. Kennedy (La Salle, Open Court, 1980).

в комплекс какого-то человека, то можете нанести ему такой удар, от которого он не сумеет оправиться. В каком-то смысле вы наносите ему и усыпляющий укол, ибо он будет еще и выведен из состояния равновесия. Человек не сможет отвечать на ваши вопросы. Он будет находиться в смятении. На какое-то время он окажется в бессознательном состоянии и почувствует себя беспомощным. Умение говорить колкости до сих пор успешно используется в дипломатических и политических беседах. Одни люди делают это бессознательно, а другие пользуются колкостями обдуманно, но всегда употребляют их именно в тот момент, когда оппонента требуется вывести из равновесия. Некоторые люди в этом смысле являются настоящими волшебниками, мастерами своего дела. Однако они лишь направляют в цель те силы, которые сами прорываются из бессознательного.

В нашей сказке девушка в белом платье использует иглу злонамеренно. Но не следует упускать из виду то, что хотя игла в данном случае играет негативную роль, она является одним из самых полезных инструментов, изобретенных человечеством. Даже в первобытных племенах необходимость шить кожаную одежду и обувь делала иглу жизненно необходимым инструментом.

Игла позволяет соединить вместе две части одежды, следовательно, она означает также связь, эрос – соединенные части, которые иначе не могли бы держаться вместе. С точки зрения психологии, даже если один человек говорит колкость другому, он, по крайней мере, проявляет к нему интерес. Зачастую любовная игра между молодыми людьми начинается с поддразнивания, которое свидетельствует о косвенном проявлении интереса. Если девушка постоянно говорит колкости конкретному юноше, он может прийти к выводу, что интересует ее. Она хочет узнать, что он собой представляет; она хочет спровоцировать его как-то отреагировать на ее слова и заинтересовать.

Некоторые женщины, подверженные истерии, так поступают все время. Когда они хотят возбудить интерес к себе у другого человека, то начинают говорить ему колкости. Как-то Юнг сказал мне, что их совершенно не беспокоит, хорошо или плохо подумает о них другой человек: главное – сделать так, чтобы он о них вообще подумал. Если человек так поступает, значит, настал переходный период, когда игла начинает проявлять свои позитивные свойства, создавая связь – соединяя одну нить жизни с другой.

В нашей сказке игла золотая. Золото всегда означало высшую ценность, и будьте уверены: вскоре мы узнаем, что оно представляет собой смертельное оружие – единственное, что может убить тролля. Поэтому мы вполне справедливо считаем иглу позитивным объектом. Несмотря на то, что сама девушка в белом платье является негативной фигурой, она обладает средством, которое приносит освобождение от колдовства.

Кроме того, я амплифицировала образ иглы с точки зрения психологии скандинавской женщины, так как мы изучаем датскую сказку. Несмотря на то, что у многих скандинавских женщин фемининность остается неразвитой и холодной из-за отсутствия богини в их религии, однако им не свойственна психологическая фальшь; именно эта психологическая достоверность собственной внутренней сущности постоянно поддерживает тот потенциал, из которого может развиться фемининность. Эрос у них развит значительно меньше, чем у женщин в латинских странах; кроме того, у них меньше латинской «кошачьей сущности», а характер более прямой. Игла также указывает на эту черту характера – на способность погружаться в глубину своей личности и достигать сущности собственного зла. На индивидуальном уровне это означает, что скандинавская женщина может и замечать свой негативный Анимус, и узнавать собственную Тень.

Девушка в белом платье вонзает иглу в пятку нашему герою. Из известного мифа об Ахиллесе мы знаем, что пятка – особенно уязвимое место; выражение «ахиллесова пята» стало нарицательным, означающим самое чувствительное и слабое место героя. Во-первых, пятка находится сзади; следовательно, человек физически не может хорошо ее видеть – то есть она символизирует бессознательное человека. Такие места хуже всего защищены, а потому становятся удобной мишенью для сил зла. Во-вторых, пятка является частью ноги, а следовательно, ассоциируется с точкой зрения*. Точка зрения героя оказывается больше всего уязвимой именно там, куда вонзила иглу девушка в белом платье. Но она своего не добилась, так как юноша не спал и вытащил иглу. Сделав это, он стал обладателем иглы и в будущем сумел ею воспользоваться. Иными словами, он осознавал свою

* Эта ассоциация есть именно в английском языке, так как «точка зрения» буквально означает по-английски *standpoint* – точка, на которой стоят. – *Прим. переводчика.*

слабость, так как понимал, что должен побороть свою сонливость и остаться бодрствующим.

Вынув иглу, он увидел, как принцесса и девушка в белом платье отодвинули кровать, и перед ними открылась дверь в стене. Выйдя через нее, они спустились по лестнице и один за другим прошли через серебряный, золотой и бриллиантовый леса. Затем на маленькой лодке они переплыли озеро. Такое путешествие явно символизирует погружение в более глубокие слои бессознательного.

Снова и снова мы видим, как полезно представлять себе бессознательное в виде многослойной структуры. Чем выше мы поднимаемся, тем ближе становимся к сознанию; чем глубже опускаемся, тем дальше от осознания. Эти слои в той или иной мере соответствуют исторической эволюции человеческой цивилизации. Каждый слой сливается с еще более глубоким слоем, то есть с более примитивной и более ранней стадией развития человечества.

Очень часто в сказках герой оказывается в глубине бессознательного, проваливаясь в колодец, в глубокую расщелину или отверстие в земле. Но иногда этот мотив проявляется в виде тайной двери, за которой находится лестница, ведущая вниз. Если мы сталкиваемся с таким творением человеческих рук, это свидетельствует о том, что глубинные слои бессознательного когда-то имели связь с сознанием, хотя с тех пор эта связь могла быть забыта или подавлена. Но сохранилась сама структура и возможность погружения вниз. Тогда не нужно падать вниз; туда можно медленно спуститься по ступенькам. В нашей сказке такое странствие, которое совершают принцесса, девушка в белом платье и юноша, несомненно, означает погружение в более глубокие слои бессознательного, так как они оказываются в королевстве природы, в лесах и во владениях тролля. В скандинавской дохристианской религии неизвестные силы коллективного бессознательного уже приняли определенную форму.

В одном из своих писем Юнг указывает на то, что у германских племен религиозное развитие совершенно отличалось, например, от развития индусов, у которых религия развивалась непрерывно от культа природных духов до законченных форм политеизма, а от них – до философского монотеизма[16]. Но в странах

[16] "C.G. Jung Letters", vol. 1. (Trans. R.F.C. Hull. Bollingen Series XCV:1; Princeton, Princeton Univercity Press, 1973), p. 39.

германской культуры, особенно расположенных на северных границах Римской империи, у населения никогда не было возможносiти для свободного развития законченных форм политеизма. Самый низкий социальный слой до сих пор находится на уровне поклонения разнообразию таких природных духов, как, например, тролли. Едва начавшие развиваться политеистические религиозные структуры с соответствующим культом, жрецами и ритуалами, сразу же были жестко подавлены гораздо более развитой христианской религией, которая просто наложилась на так и не развившийся политеизм. Образно выражаясь, дубовые рощи Вотана была вырублены, а на их место была привита высокодуховная религия, которая к тому времени уже созрела в недрах Римской империи в результате долгого периода ее развития.

Поэтому у германских народов отсутствует полная гармоничная связь с глубинным слоем бессознательного, в котором воплотилась дохристианская религия. В результате эти народы страдают от повторяющихся прорывов первобытной энергии из глубинных слоев бессознательного, у которых отсутствует органичная связь с верхними слоями психики. Именно это и происходит в данном случае, когда тролль завладел тремя из четырех королевств плюс частью четвертого.

У скандинавских народов до сих пор сохранилась какая-то связь с глубинными слоями бессознательного, ибо в культуре этих стран все еще живы народные предания и традиции, в которых присутствуют тролли и духи природы. Эти предания и традиции, словно ступеньки лестницы, идущей вниз, остаются средством, позволяющим людям сохранять свою связь с бессознательным, несмотря на то, что ступеньки могут быть скрытыми или незаметными.

Итак, наша троица приходит в эти странные леса из серебра, золота и бриллиантов. Они совершенно неестественны и созданы из неорганических материалов. Как мы узнаем чуть позже из текста сказки, тролль заколдовал в этих королевствах людей, животных и все живые существа, превратив их в безжизненную неодушевленную материю.

Этот мотив очень странный, так как с точки зрения мифологии серебро, золото и бриллианты всегда имеют весьма позитивный смысл. Вспомните, например, алхимическую символику, соответствующую стадиям развития и очищения *prima materia*. Там бриллиант или золото являются высшим достижением, целью,

которой необходимо добиться. В данной сказке, наоборот, этот мотив имеет абсолютно негативный смысл. Драгоценные леса воплощают результат воздействия колдовства.

Существует норвежская сказка «Кари Замарашка»[17], в которой присутствует тот же мотив. В этой сказке против умной и красивой королевской дочери строит козни завистливая и злая мачеха. Девушка убегает из дома на спине синего (черного) быка. По пути им пришлось проезжать через серебряный, золотой и бриллиантовый (медный) леса. Бык предупредил девушку, чтобы в этих лесах она не трогала ни одного листочка, иначе случится беда. Но в каждом лесу она все-таки дотрагивалась до листьев, и тогда появлялись сначала трехглавый тролль, потом шестиглавый тролль и, наконец, девятиглавый тролль. Следовательно, в данном случае опять существует связь между серебряным, золотым и бриллиантовым лесами и троллем. Синему быку приходилось драться с каждым троллем, и каждый раз он побеждал с большим трудом. Все заканчивается хорошо – по существу, эта сказка является более поздней версией сказки о Белоснежке. Однако следует отметить присутствие этого важного негативного мотива – серебряного, золотого и бриллиантового лесов.

Еще одним и последним аналогом, который мне удалось найти (в данном случае, возможно, существует некая историческая параллель), являются повести об Александре Великом, в которых рассказывается о том, как Александр приходит в разные места рая – серебряное, золотое и бриллиантовое. Затем он слышит голос, раздающийся с небес, или голос какого-то ангела, который повелевает ему снова вернуться на землю. Такие поверья были очень популярны в средние века; причем они уходят достаточно глубоко в фольклор, поскольку в них можно найти много народных мотивов.

Я бы сказала, что по своему происхождению эти три леса имеют отношение именно к раю. В таком случае серебряный, золотой и бриллиантовый леса должны указывать на связь с неким райским состоянием, которое, возможно, является состоянием завершенности и полноты, наступающим после смерти, но в нашей сказке эти три леса имеют негативный смысл. Мы можем сказать *cum grano salis**, что тролль заколдовал жителей этих трех королевств так, что отправил их в страну смерти, которая вместе с тем является раем. Но он слишком рано лишил их человеческого облика, поскольку их жизненный путь еще не закончился.

[17] MDW, "Nordische Volksmärchen", vol. 2, Norwegen, no 27 (Jena: Diederichs, 1922). См. также: Скандинавские сказки. М.: Худ. литература, 1982, с. 165. – *Прим. переводчика.*

* С некоторой долей иронии (лат.) – *Прим. переводчика.*

На этот мотив мы можем посмотреть и под несколько иным углом. Одной из характерных особенностей каждого человека и каждой культуры, которую при определенных усилиях можно обнаружить, является так называемый «сон о рае». С одной стороны, он иногда проецируется назад, в историю, на некий Золотой Век, когда все было прекрасно, и с тех пор человечество только медленно вырождалось. С другой стороны, фантазия о рае может иметь эсхатологическую направленность. Например, Новый Иерусалим в Апокалипсисе появляется в самом конце Света. Он простирается от неба до земли и представляет собой будущее человечества. Словно мы очнулись от райского сна и направляемся к райской стране снов, разница заключается лишь в том, находится ли этот рай впереди или позади нас.

Сам по себе рай, имеющий четверичную структуру, как мандала, Сад Эдема (или позже, в Апокалипсисе, где он отождествляется с Небесным Градом), является символом фемининности. А теперь вспомните мое утверждение, что в нашей сказке, по существу, отсутствует материнская фигура. Действительно, материнский элемент полностью отсутствует. У принцессы есть только отец. У главного героя нет матери. У него есть духовный отец, мудрый старец, который дает ему подарки, но где же мать? Таким образом, по моему мнению, этот рай или эти три леса содержат материнский элемент, но он имеет отрицательное и регрессивное значение. Это значит, что нам следует придать этому сну или идеалу негативный смысл и предположить, что это детский сон о счастье, отсутствии страданий или о земном счастье – невротическая утопия, которую очень точно описал Юнг в своем труде «Символы трансформации»[18]. Идеал рая – три леса в нашей сказке – воплощает регрессивное стремление вернуться в утробу матери, которая не позволяет человеку иметь цель в жизни и смотреть в будущее.

Интересная подробность в истории райского мотива состоит в том, что в средневековых источниках и трудах отцов церкви мы часто можем найти (например, у Ипполита) указание на то, что рай, в котором Адам и Ева пребывали до своего грехопадения, на-

[18] См.: Символы трансформации, прежде всего гл. 6 – Битва за освобождение от матери (М.: PentaGraphic, 2000).

ходился на западе. Но после грехопадения рай незаметно перенесся на восток. Запад – это сторона света, на которую проецируется закат солнца, смерть, погружение в потусторонний мир, конец жизни, конец культуры. Восток – сторона света, где встает новая заря, рождается свет или происходит мистическое просветление, например, в персидской, арабской и традиционной христианской мистике. Хорошо известно название книги «Aurora Concurgens»*, играющее очень важную роль в алхимии, арабской мистике и книгах Якова Беме. Оно указывает на то, что восток находится там, где происходит рассвет, образуется новая форма сознания, где должно возродиться культурное сознание после периода угасания и мрака. Такую же символику можно найти в египетской религии, где старый бог-солнце заходит на западе, как угасающий старик, и возрождается на востоке как юный бог-солнце Гор.

Таким образом, рай имеет два разных смысла. Если он находится на востоке, то является местом возрождения новой формы сознания. Но если он находится на западе, то является регрессивным, искушающим нас своими детскими, утопическими фантазиями.

Возникает искушение совершить не слишком приятное путешествие в более позднюю эпоху и увидеть интересный факт: коммунистический диалектический материализм в основном обслуживал этот утопический сон о земном райском счастье, о возвращении небес на землю, но обслуживал на очень примитивном, материальном уровне. Иллюстрацией такого земного рая могут послужить как раз серебряный, золотой и бриллиантовый леса, находящиеся в лапах тролля. Наверное, это был заколдованный дух огромной силы и мощи, связанный с неким детским сном или мечтой о радости и счастье; он был материалистическим, так как развивался в области материи, матери, материализма. Но такие фантазии обнаруживаются не только в диалектическом материализме. Вы можете написать целую историю на основе утопических фантазий в европейской политике. В каждой из них существует такая двойственность: регрессивный детский сон о фантастическом возвращении небес на землю, связанный с самыми примитивными влечениями, воплощенными в образе тролля.

В скандинавской мифологии тролли являются очень странными существами, которые могут выглядеть совершенно по-разному. Время от времени я покупаю или мне дарят современные иллюстрированные книги скандинавских стран. Я всегда с интересом их перелистываю, чтобы узнать наконец, как выглядит этот проклятый тролль! Но они всегда соответствуют индивидуальной фантазии художника-иллюстратора. Одни художники изображают их в виде огромных шкафов, в той или иной мере похожими на великанов. Другие рисуют их похожими на маленьких смешных гномов. Относительно внешнего облика тролля нет единой точки зрения. В пьесе «Пер Гюнт» тролль изображается в виде облака и вообще не имеет никакой формы. Это существо, которое появляется из моря или из фиордов и погружает людей в абсолютный туман, в котором появляются какие-то формы. Словом, образно говоря, тролль является воплощением обманчивой стороны природы.

Среди финских, лапландских и норвежских сказок попадаются такие, в которых тролли изображаются как великаны, живущие в горах. В исландской сказке «Трант, Трант и горный тролль» рассказывается о мужчине, который вместе с двумя своими товарищами отправился собирать ягоды. Но он зашел в лес чуть дальше, а когда возвращался, то почувствовал на себе чужой взгляд – и сразу же исчез. Когда год спустя он снова появился в своей деревне, то чувствовал на своем лице все тот же странный взгляд. Все люди в деревне были очень напуганы, и кто-то из них спросил его: «Ты веришь в бога?». Мужчина покачал головой и снова исчез. На следующий год он снова появился на один день, и его опять спросили: «Ты веришь в бога?». Он ответил: «Нет, я верю в Транта, Транта и горных троллей». И снова исчез[19]. Итак, тролль – это существо, которое может заставлять людей растворяться в природе. Такие люди покидают человеческое общество и растворяются среди камней, лесов и ледников.

Такое до сих пор случается в одной из заброшенных швейцарских деревушек, расположенной в горной долине. Эдвард Реннер, врач кантона Ури, в отличие от современных практикующих врачей, был очень добрым человеком: как бы тяжело ему ни было, он всегда поднимался в горы, чтобы навестить своих бедных пациентов, живших в жалких лачугах. Этот доктор собрал целую книгу легенд, которую назвал "*Goldener Ring über Uri*" («Золотое кольцо над Ури»)[20]. В этой книге он пишет, что хотя

* Восходящая заря (лат.) – *Прим. переводчика.*

[19] MDW, "Isländische Volksmärchen", No 37 (Jena: Diederichs, 1923).
[20] Zürich: M.S. Metz, 1941.

все крестьяне кантона Ури официально называли себя католиками и считались католиками, если покопаться, то можно обнаружить, что они гораздо больше верили в то, что он назвал «Ид». Этот «Ид» не имел ничего общего с фрейдовским Ид. Он означал просто «оно». Когда крестьяне говорили «идет дождь» или «идет снег», это означало, что «оно» устроило дождь или послало снег. «Оно» же посылает снежные лавины и устраивает камнепады. Англичане тоже говорят «it rains» или «it snows», но они не вкладывают в «it» такого же смысла «оно», как жители горных швейцарских деревушек.

Иногда с «оно» из кантона Ури можно поговорить. Его нельзя назвать ни великодушным, ни злорадным – «оно» безразлично. Например, как-то раз один пастух со своим стадом находился высоко в горах. Вместе с ним был мальчик-подпасок. Однажды вечером, поставив коров в стойло, пастух снова вышел наружу и осмотрелся; вдруг он услышал голос, раздавшийся откуда-то сверху, с горных склонов: «Давай я сброшу все вниз». Пастух ответил: «Не надо, пожалуйста, оставь все себе, оставь все себе». Мальчик это тоже услышал и очень испугался. На следующий вечер все повторилось. Голос спросил: «Давай, я сброшу все вниз?» – и мужчина ответил, не выразив при этом почтения. Последствия оказались ужасными. Если вы окажетесь в подобной ситуации, то следует отвечать как можно более почтительно: «Не надо, оставь все себе». На следующий вечер мальчик был так напуган, что решил убежать в деревню. Но едва он закончил упаковывать вещи, как услышал, что пастух снова вышел из хижины, и голос сказал: «Я больше не могу это держать!» Мальчик пустился наутек. В тот же момент целая гора сползла вниз и похоронила под собой все стадо и вместе с ним пастуха. Мальчику удалось остаться в живых, но рассказать об этом он смог лишь много времени спустя.

Отсюда можно понять, какую роль в этой истории играет «оно». Оно имеет форму и вместе с тем не имеет формы. Оно имеет индивидуальное выражение и вместе с тем не имеет индивидуального выражения; оно не является злым, так как именно ему был брошен вызов. Оно действительно предупреждало пастуха! Если бы он был такой же мудрый, как мальчик, то смог бы спастись. Следует очень осторожно обращаться с силой, которой обладает «оно».

Есть еще одна легенда, которая родилась в Зилисберге; если вместе со стадом обходить вокруг горы, то на одном повороте стадо каждый раз внезапно исчезает. В этом случае «оно» хочет сыграть с вами злую шутку: если, потеряв свое стадо, вы потеряете голову, закричите и станете паниковать, то можете упасть с горы или с вами случится еще что-то, не менее ужасное. Поэтому существует такое правило: притворитесь, что ваше стадо по-прежнему здесь; вам следует спокойно идти дальше, притворяясь, что вы ничего не заметили, говоря «Ха! Ха! Ха!» своим коровам, и тогда они вдруг снова появятся. В таком случае «оно» не удастся вас обмануть.

Мне однажды захотелось испытать это на себе, и я решила пройти этот горный поворот, но без стада. И должна вам сказать, это *было* потрясающе! Сначала вообще не было видно вершин Альп и Вервальдштаттерзи. Но после того как я прошла поворот, мне открылась потрясающая панорама: горные хребты, вершины и озеро, которое раскинулось внизу и сверкало на солнце. Эта картина вызывала у меня благоговение и трепет, поэтому я могла понять человека, который входил в экстаз и, пребывая в этом состоянии, мог забыть абсолютно обо всем. Я совершенно потеряла представление о своей земной жизни. Когда я прошла поворот, передо мной открылась панорама рая. И хотя жившие здесь крестьяне никогда осознанно не смотрели на открывавшуюся панораму – по крайней мере, их не слишком волновала красота страны, в которой они жили, потому что они завязли в земле по самую шею, – однако они все равно были до глубины захвачены таинственностью этого места. Когда человек поворачивал за скалу и его охватывало это чувство, ему уже нельзя было помочь – он уже находился в совершенно ином мире. Это и было то самое колдовство. Оно могло полностью вывести человека из себя.

Таким образом, можно убедиться в том, что «оно», обитающее в горах Швейцарии, похоже на скандинавских троллей. И в том и в другом случае проявляется таинственный способ, с помощью которого *гений места* оказывает на человека воздействие, из-за которого мы меняемся в лучшую или худшую сторону. Это необъяснимое явление, у нас действительно не возникает никаких разумных мыслей о том, в какой мере мы являемся частью географической поверхности земли и насколько полноценно наша психика на ней существует. Тролли – это воплощение тех локальных сил, которые живут в лесах, горах и речных потоках, особенно там, куда еще не успела дойти человеческая цивилизация – образно выражаясь, откуда мы еще не успели прогнать богов. Ощу-

тив эту странность, эту причудливую таинственность природы, вы вдруг почувствуете себя очень маленьким и совершенно потерянным. Вы не можете закричать, чтобы кого-то позвать на помощь. Вы становитесь беспомощным и одиноким, или счастливым, или дрожащим от холода и переполняетесь нахлынувшими на вас чувствами от преклонения перед величием природы. Это религиозное переживание, возможно, одна из самых ранних форм религиозного переживания, которую испытал человек.

Таким образом, иногда можно получить переживание духа тролля, но в нашей сказке он злой, он околдовал три королевства и лишил людей человеческого облика. Из исландского аналога («Трант, Трант и горные тролли») можно увидеть, что тролли обладают силой, достаточной, чтобы похищать людей из человеческого общества. После возвращения к людям такой человек становится странным и говорит, что больше не верит в Бога. Он не разговаривает с деревенскими жителями, а полностью растворяется в природе. Таково воздействие троллей. В переложении на язык психологии это значит, что тролль является воплощением примитивного духа такой силы, что разрывает и уничтожает любые отношения.

Нам нужно было так далеко зайти, чтобы это понять. В который раз в нашей истории – вплоть до настоящего времени – мы видим, что человек, группа людей или даже целый народ могут быть одержимы примитивной духовной идеей, например, сном о рае. При этом они считают совершенно оправданным без зазрения совести убивать других людей во имя этого идеала. Они становятся бесчеловечными. Если вы попытаетесь вступить в спор с такими людьми, они вам скажут, что совершенно правомерно убивать тех, кто думает и действует вопреки этому идеалу или пытается помешать его воплощению в жизнь. Они утрачивают свои человеческие чувства и человеческое сознание, свои отношения с другими людьми. Будучи одержим идеалом, человек оказывается не на трансцендентном уровне, а наоборот, на совершенно конкретном и земном. Поэтому из нашей сказки мы можем кое-что узнать не только о датчанах, но и о многих других людях.

Наш герой в каждом лесу отламывает ветку и все эти ветки берет с собой, чтобы потом доказать, что он действительно там был. Такой мотив можно обнаружить в «Энеиде» Вергилия при погружении Энея и потусторонний мир. Чтобы получить доступ в мир мертвых, Эней должен достать золотую ветвь. (Именно поэтому Дж. Фрэзер назвал свой двенадцатитомный труд «Золотая ветвь».) Этот мотив говорит и о том, что нам следует интерпретировать серебряный, золотой и бриллиантовый леса как страну мертвых. Заколдованные люди в этих лесах, образно говоря, находятся в царстве Гадеса. Они были околдованы и отлучены от жизни. Они похожи на людей, одержимых идеалом рая: это человеческие существа с мертвой душой.

Чтобы добраться до замка тролля, герой, принцесса и девушка в белом платье садятся в лодку. Герой по-прежнему остается невидимым, ибо, как вы помните, он держит свой посох поднятым. Он садится в лодку, и каждый раз, когда лодка качается, а также когда он отламывает ветки, принцесса начинает нервничать и говорит: «У меня такое чувство, что за нами кто-то идет». Но девушка в белом платье отвечает: «Нет-нет, это всего лишь ветер». Таким образом, можно заметить разницу между ними. Девушка в белом платье, которая принадлежит миру тролля, не ощущает и не осознает присутствия человека. Но принцесса, которая все-таки принадлежит миру людей, хотя и стала несчастной жертвой тролля, чувствует, что за ней кто-то следует.

Поразительно, что у нас все происходит с точностью до наоборот. Если мы находимся на земле и нас преследует дух, то возникает такое же чувство: «За мной кто-то идет!». Можно вспомнить: такое странное чувство, будто вас «что-то» преследует, появлялось в детстве, когда вы оказывались в темноте. Но здесь все происходит наоборот: живой человек так же ведет себя по отношению к духам, как духи – по отношению к живому человеку. Я могу привести много амплификаций из спиритической и парапсихологической литературы. Это очень широко распространенный архетипический мотив, который заключается в том, что страна живых и страна духов взаимно проникают друг в друга. Можно сказать, что обе они присутствуют одновременно, но мы, живые люди, не осознаем присутствия мертвых, за исключением тех случаев, когда нас внезапно охватывает странная дрожь, а по спине ползут мурашки. И вот оказывается, что то же самое происходит у мертвых.

С психологической точки зрения мы можем сказать, что принцесса находится ближе к миру людей, следовательно, она может лучше ощущать присутствие человека, которое девушка в белом платье принимает за ветер. Таким образом, самая подходящая интерпретация этого эпизода заключается в следующем: принцес-

са отчасти утратила осознание происходящего, ибо поступает так, как ей не следует поступать, а затем у нее появляется ощущение, что за ней кто-то идет, кто-то следит, которое является типичным симптомом нарушения сознания. Человек чувствует, что его видят. Это наш высший разум, который за нами наблюдает и присутствие которого мы таким образом ощущаем. А поскольку это чувство не покидает принцессу, мы можем сказать, что она полностью находится во власти тролля, и невидимое присутствие героя только ухудшает ее осознание происходящего.

Злой тролль встречает принцессу и спрашивает, почему она опоздала, и та отвечает, что боялась того, что за ними кто-то следил. Но тролль не верит ее оправданиям. Потом они вместе с принцессой садятся обедать, причем едят из золотой посуды. Когда обед заканчивается, юноша похищает золотую тарелку, золотую вилку и золотой нож принцессы и кладет их в свою котомку, чтобы потом доказать, что он здесь был. Тролль и принцесса не могут объяснить, как исчезли столовые приборы, однако их это не особенно смущает, и они начинают танцевать.

Образно выражаясь, так принцесса приняла колдовское причастие вместе с троллем, а затем они отправились танцевать. Золотые блюда опять свидетельствуют о том, что ее отношения с троллем находятся на божественном или на королевском уровне, словно это не тролль, а тайный властитель или даже божество потустороннего мира, вместе с которым она принимала причастие.

Если на какое-то время переключиться на индивидуальный уровень, то будет интересно отметить, что такая ситуация является одной из самых сложных, ибо в ней приходится иметь дело с женщиной, одержимой негативным Анимусом. В самой основе одержимости негативным Анимусом очень часто можно найти скрытый элемент религиозности. Здесь как будто речь идет о служении или причастии богу или потусторонней силе, причем с выражением абсолютного восторга происходящим процессом. Именно поэтому подобных женщин трудно извлечь из такого процесса. Они просто не могут очнуться и говорят: «Допустим, это негативный Анимус, и что с того? Я сейчас с ним разберусь». Таким образом, возникает вопрос об освобождении духовных и религиозных ценностей, присущих фигуре Анимуса, от их негативного смысла. Негативный смысл обычно появляется вследствие того, что Анимус имеет склонность рассуждать о земных и неземных категориях. Именно в таких случаях женский Анимус оказывает

такое пагубное воздействие. И тогда все суждения о том, что думают и чувствуют другие люди, или о том, что им следует себя вести так или иначе, – все подобные суждения оказываются абсолютно неверными.

Можно достоверно выявить одержимость Анимусом, которая выражается в том, что эти женщины с утра до вечера думают и говорят правильно, только некстати применяют сказанное на деле. Следовательно, вам никогда не удастся переспорить Анимус, потому что он всегда прав. Как правило, Анимус порождает такие общие мудрые фразы, с которыми бесполезно спорить. Можно только сказать: «Да, конечно, *в общем* вы совершенно правы, но взгляните сюда! В данном конкретном случае это не так». Если же вы захотите оспорить общее мнение Анимуса (которое всегда неоригинально), то должны держать ушки на макушке и сконцентрировать все свое внимание – не для того, чтобы определить, где слова этой женщины соответствуют действительности, а где нет, потому что они *всегда правильны*, а соответствуют они действительности или нет *в данном конкретном случае*, о котором она спорит. Именно здесь можно сбиться с мысли.

Итак, можно сказать, что Анимус содержит общие истины или коллективную мудрость бессознательного. Но эти истины нельзя просто безоглядно применять к внешней реальности, особенно к отношениям между людьми. Сам по себе негативный Анимус не может быть совершенно не прав. Существует глубинная мудрость, следуя которой, негативный Анимус порой произносит глубокие, безжалостные истины – «природные истины», которые нельзя просто так сбросить со счетов. Однако следует уметь делать между ними различия.

Среди иллюстраций воздействия тролля на людей, одержимых идеологией, можно найти очень похожий пример. Многие утопические идеалы содержат общую истину. Именно поэтому они кажутся такими эмоционально убедительными для большого числа людей. Но когда мы задумываемся о возможности их практического воплощения, – а именно здесь и зарыта собака, – то сразу тролль протягивает свою лапу. Высвобождаются самые примитивные, криминальные импульсы – искушение захватить власть и т.д. – и сводят на нет все возможности и шансы воплотить этот идеал на земле. Именно поэтому у истоков революций всегда стоят люди, принадлежащие к интеллектуально-идеологическому типу. Они являются идеалистами. Но по мере распространения

революции им на смену приходят преступники, которые стремятся к власти. Так проявляется действие тролля.

Возвращаясь к нашим трем лесам, заметим, что все они созданы из неорганических элементов. По мнению Юнга, лес символизирует тот слой бессознательного, который находится ближе всего к соматическим процессам[21]. Его можно назвать психосоматическим слоем или психосоматической областью бессознательного. Это имеет следующее объяснение: так же, как лес получает питание от неживой материи, так и этот слой бессознательного находится в непрерывном контакте с телесными физиологическими процессами, – образно говоря, с самой материей. Как правило, мы проецируем на свое тело «обычную» сущность своей жизни и личности. Именно поэтому такие символы неорганической материи, как бриллиантовый кристалл или золотая сфера, так часто являются символами Самости, то есть цели индивидуации.

Повторяю: леса, созданные из неорганических элементов, в нашей сказке имеют негативный смысл. Вспомним прекрасное описание символики переноса, в котором Юнг отмечает следующее: если человек, призванный к индивидуации, не осознает проблему индивидуации (а это всегда связано с проблемой переноса), то данный процесс осуществляется негативно[22]. Если человек к нему призван, значит, ему не удастся избежать индивидуации: или человек будет его осознавать, или процесс будет происходить бессознательно.

Юнг говорит о том, что бессознательный процесс индивидуации приводит к крайнему ожесточению и отчуждению человека, который его переживает, тогда как осознанная работа над проблемами индивидуации и переноса приводит к его смягчению, росту сознания, мудрости и связи с другими людьми. Некоторые не слишком умные люди порицают юнгианскую психологию, утверждая, что, погружаясь в нее, люди становятся склонными к солипсизму. Но фактически все происходит наоборот. Чем дальше заходит процесс индивидуации, тем более социально компетентным становится человек и тем более позитивной делается его установка по отношению к другим людям. Но если человек не осознал процесса индивидуации, он становится прекрасным бриллиантом – таким же жестким и ожесточенным. Эта крайняя душевная

[21] Юнг К.-Г. Дух Меркурий // Дух Меркурий. М.: КАНОН, 1996.
[22] «Aion», пар. 125. М.: Рефл-бук, 1997.

ожесточенность будет проявляться по отношению к другим людям. Такой человек может безо всякой причины, только ради развлечения выстрелить в другого человека или казнить миллионы людей в газовых камерах, стремясь воплотить в жизнь свой утопический идеал и не испытывая никаких угрызений совести.

Это трудно понять. По меткому замечанию Конрада Лоренца, большинство животных доходит лишь до определенного уровня агрессии, направленной против представителей своего вида[23]. До столь высокого уровня патологии в своих поступках могут дойти только люди. Отчасти причиной этого являются псевдорелигиозные убеждения, которыми люди вооружаются друг против друга. Например, Чарльз Мэнсон был абсолютно убежден, что является воплощением Сатаны и Антихриста, и, в общем, так оно и было! Он может послужить примером негативного обращения религиозности. Как известно, религиозный инстинкт является одним из основных человеческих инстинктов. Если он деформирован и не достиг осознания (и при этом связан с процессом индивидуации), то приводит к той бесчеловечной ожесточенности, той невероятной, непостижимой жестокости, которую мы видим везде и всюду.

А теперь вернемся к танцам. Здесь мы опять сталкиваемся с элементом религиозности. Как известно из этнологии, танец является одним из самых существенных элементов всех древних культур и религий. В первобытных племенах танцы почти никогда не устраивали для удовольствия (хотя допускалось, что люди могут танцевать и для удовольствия тоже). Танцы всегда имеют глубинный, трансцендентный смысл. Люди танцуют, чтобы помочь взойти солнцу, или посодействовать богам – покровителям плодородия, или с какой-то другой особой целью. Даже в апокрифическом Евангелии от Иоанна Иисус танцует с апостолами мистический танец, тогда как его тело распято на Голгофе[24].

Танец воспроизводит или представляет собой космический ритм. На протяжении средних веков и вплоть до развития современной астрономии вращение всех небесных тел и планет вокруг Солнца считалось частью великого космического танца. Очень часто люди полагали, что эти планеты движутся не сами по себе, а

[23] Лоренц К. Агрессия. М.: Прогресс-Универс, 1994. – *Прим. переводчика.*
[24] Acts of John, 94-96, "Apocryphal New Testament", trans. M. R. James (Oxford: Oxford University Press, 1966).

их приводит в движение какой-то ангел, планетарная или космическая душа. Под планетарную музыку все они движутся в огромном пространстве танца вокруг центра космоса или вокруг божества. Таким образом, большинство ритуальных танцев, с присущим им циклическим движением, служат отражением божественного образа или Самости в ее вечном ритмическом проявлении.

Самость не является статичной. Иногда ее символизирует кристаллический хрусталь или бриллиант, который подчеркивает ее вечную природу и неподверженность разрушению, однако чаще всего Самость символизирует движущийся или танцующий объект. Самость находится в постоянном движении. В китайской философии даосизма постоянные изменения отражают самую суть бытия. Согласно Книге Перемен «И Цзин», вы не можете все время одинаково относиться к Дао; в каждую минуту у вас должно быть к нему разное отношение. Точно таким же является и наше отношение к Самости. Нельзя получить переживание Самости и затем сохранить его раз и навсегда. Хорошо известно, что если у вас есть переживание Самости, то спустя день-два, а может быть, всего несколько часов оно уже исчезнет. Таким образом, цель человека заключается в том, чтобы суметь удержать его в процессе изменения – то есть следовать за ним в танце. Если человек спокойно стоит и говорит: «*Вот оно!*» – в то время как Самость движется, значит, он его уже потерял. Весь секрет заключается в том, чтобы уметь следовать за этим переживанием, танцевать с ним, потому что Самость постоянно исполняет танец – циклическое движение внутреннего обновления. Она постоянно изменяется и вместе с тем остается постоянной.

Другим аспектом танца является человеческая сопричастность. Ничто так тесно не соединяет людей, как танец, в силу того, что ему присуща особая духовность общения. Практически ничто не может выразить тесную эмоциональную близость, как соединение людей в танце. Именно поэтому танец так восстанавливает силы. Он соединяет людей в их чувстве и воодушевлении.

Следовательно, танец отражает движение жизни, и уметь правильно танцевать – значит соответствовать этому психическому движению жизни.

Танцующая принцесса выполняет все эти символические движения вместе со злым троллем. В данном случае то, что могло бы иметь смысл религиозного искупления, поворачивается своей негативной стороной. Ее танец с троллем напоминает один из

танцев ведьм на краю пропасти, где ведьмы устраивают буйные пляски с самим дьяволом. Маргарет Мид и ее соавторы считают, что негативный смысл таких танцев отражает лишь мучительные попытки сохранить пережитки культа плодородной природы-матери, который в процессе христианизации приобрел негативную окраску[25]. На мой взгляд, в этой теории есть истина, но я не верю, что она заключается только в этом. Ибо во всем этом, как во всех великих архетипах, всегда есть как позитивный, так и негативный аспект, и негативный аспект формирует такую же целую часть архетипа, как и позитивный.

Танец с дьяволом – это архетипический мотив, который встречается во всем мире. Можно сказать, что он отражает какую-то негативную одержимость. Крайние проявления такого феномена иногда можно обнаружить в острых приступах кататонии у лежащих в постели шизофреников. Однако после окончания приступа с ними можно побеседовать о том, что случилось, и услышать рассказ о том, что у них были полные экстаза встречи и танцы с разными бесами и духами. Души кататоников, нисколько не похожие на их неподвижные и полумертвые тела, находятся очень далеко от них, кружась в бесовском танце с полудемоническим-полубожественным существом, которому сопутствует ощущение полного экстаза. Таким образом можно увидеть, как религиозный архетип, который сам по себе является позитивным, может оказывать негативное воздействие на людей, не умеющих правильно к нему относиться. Никогда не следует забывать о том, что это тот же самый архетип, который в других отношениях – в случае его ассимиляции и осознания без утраты человечности – может обладать высочайшей позитивной ценностью. Эта особенность делает данные архетипические аспекты крайне парадоксальными.

За двенадцать ночных часов принцесса танцует с троллем двенадцать танцев, в течение которых изнашивает двенадцать пар золотых туфелек. Задача героя заключалась именно в том, чтобы узнать, как это происходит. Как я уже отмечала, в немецком аналоге сказки не одна принцесса танцует двенадцать часов с одним троллем, а двенадцать принцесс танцуют с двенадцатью заколдованными принцами; поэтому в нашем случае число двенадцать

[25] См., например: Margaret Mead, "Coming of Age in Samoa" (New York: William Morrow and Co. Inc., 1928).

распространяется и на сами танцы. В обоих случаях число двенадцать играет существенную роль.

Согласно представлениям египетской религии, бог солнца Ра в течение двенадцати часов движется через верхнюю полусферу земли и неба и через двенадцать часов превращается в двенадцать разных ипостасей. Затем на западе он движется к закату и, опускаясь вниз, снова за двенадцать часов превращается в двенадцать разных ипостасей. За эти двенадцать часов он должен вступить в борьбу с олицетворением зла и тьмы – змеем Апепом, а затем на востоке возродиться как новое солнце, Гор. Таким образом, мы связываем двенадцать часов, о которых говорится в нашей сказке, с двенадцатью ночными часами, которые солнце проводит во мраке.

В своем труде «Mysterium Coniunctionis», в главе, посвященной солнцу, Юнг в значительной мере погружается в мифологию Тени солнца, то есть «черного солнца», или *sol niger*[26]. Наперекор всем астрономическим фактам алхимики говорили о черной Тени солнца или даже о «смоляном черном солнце», которое обладает весьма негативными, разрушительными свойствами. Черное солнце является полной противоположностью луны, которая всегда сочетает себе немного света и немного тьмы; луна становится полной, затем от нее остается месяц, потом она становится новой, а затем снова полной луной. И Юнг в своих комментариях, касающихся солярного и лунного начал, говорит о том, что солярное начало является архетипом последовательного или непрерывного осознания. Оно больше соответствует Логосу и маскулинному, а не фемининному сознанию. Но из-за того, что его свет оказывается очень ярким, оно отбрасывает очень черную тень. Теперь мы начинаем понимать, что у сознания имеется Тень.

Задумайтесь об этом: спустя более двухсот лет после эпохи Просвещения мы практически разрушили земную поверхность. Мы почти уничтожили ее животный и растительный мир и сейчас близки к тому, чтобы уничтожить самих себя. Во имя чего или кого мы *должны* это делать? Скажите ради нашего просветленного сознания! Вполне уместно сделать следующее сравнение: если дерево не растет, мы удобряем почву, и тогда просветленное дерево снова начинает прекрасно расти. Но спустя несколько лет вы осознаете, что погубили его. В той мере, в какой мы являемся проводниками света своего сознания, в той же мере мы отказываемся терпеть неоднозначность, непоследовательность и прерывистость.

Например, когда в наши дни у человека что-то происходит не так, как ему хотелось бы, он сразу собирается с этим «что-то делать», не осознавая того, что чем больше он это исправляет, тем больше становится объем черноты и зла на другой стороне. Вместо этого всегда следует спросить себя: «Может быть, я могу вытерпеть это зло, и тогда, если я его вытерплю, ситуация спустя какое-то время сама придет в равновесие?» Ибо в данном случае ничего не следует с ним делать. Во множестве разных случаев со злом нужно как-то бороться. Однако следует заметить, что сделать нечто рациональное против всего, что является злом, – это дьявольская полумера, которая скорее нарушит общее равновесие, чем улучшит ситуацию. Если бы мы это осознавали, наше солнце не было бы столь ярким, но и его Тень не была бы столь мрачной.

С другой стороны, луна с ее тусклым и переменчивым светом идентифицируется с фемининной сознательной установкой или фемининным началом сознания. Она стремится быть не столько яркой и ясной, сколько смутной и, образно говоря, поэтически туманной. И поэтому она не отбрасывает такую черную Тень. Следовательно, мы можем сказать, что тролль в какой-то мере воплощает ночное солнце, Тень сознания, темное начало. Это должно полностью объяснить его действия по отношению к старому королю, ибо король символизирует управляющую идею, доминирующую в коллективном сознании, тогда как тролль является его Теневой стороной, которая не была осознана и привлекает к себе все, что было отвергнуто управляющей сознательной установкой. И теперь в его власти оказалась сама принцесса, которая танцует по двенадцать часов ночи напролет.

Число двенадцать интересно также тем, что является произведением трех и четырех. Следовательно, в нем содержится соотношение *proportio sesquitertia**, которое, как известно из учения Юнга, является основным в проблеме индивидуации. Кроме того, число двенадцать указывает на временной фактор. Интересно, что в Китае, как и у нас, циферблат часов содержит двенадцать чисел, тогда как на западе практически везде применяется десятизначная система исчисления. В символике чисел двенадцать всегда связано со временем.

---

[26] Mysterium Coniunctionis, пар. 110ff. M.: Рефл-бук, 1997.

* Sesqui-tertius (лат.) – содержащее четыре трети. – *Прим. переводчика.*

Танцы также имеют тесную связь со временем, ибо, когда человек танцует, он должен постоянно сохранять ритм, то есть следить за временем. Как уже отмечалось, точно так же следует следить за временем от одного момента до другого и при движении Самости в процессе индивидуации. Когда наступает осознание, Самость создает совершенно новую установку по отношению к времени. Она приводит к изменению сознательной установки человека: статичная установка меняется на гибкую, то есть человек понимает, что он каждую минуту должен совершать своевременные и правильные действия.

Одна из характерных черт традиционного христианского сознания заключается в том, что христианские догмы всегда считались неизменной совокупностью вечных истин и принципов, которые сами по себе являются абсолютно верными. Но если почитать теологический труд, посвященный казуистике морали, можно увидеть, как изощряются бедные теологи, пытаясь применить эти абсолютные вечные истины в особых конкретных случаях. Тогда это действительно вызывает смех!

Например, к пресуществлению* Духа следует относиться с глубоким почтением. С точки зрения католической доктрины это совершенно очевидно. Но однажды я нашла в книге длинную дискуссию о том, как пастор претворил пресуществление Духа у женщины, в результате чего Дух попал к ней в бюстгальтер! Очень щепетильная проблема: как следует поступить, чтобы исправить положение? Как видите, когда доходит до дела, когда нужно предпринимать конкретные действия, эти поступки становятся такими странными и неэтичными, что просто невозможно! В книге, которую я читала, целых две страницы были посвящены тому, что нужно делать в таких случаях.

То, что совершенно не смущает жителей запада – и в чем древняя китайская цивилизация ушла далеко вперед, – это проработка установки, в соответствии с которой этическое и религиозное начала не считаются абсолютными. Нам следует представить, что применение моральных принципов зависит от контекста, от ситуации, сложившейся в данный момент. Например, в дзен-буддизме делается различие между просветлением как внутренним

* Пресуществление – преобразование, претворение; таинство Евхаристии, Св. причастия, превращение во время литургии хлеба и вина в тело и кровь Христову. – *Прим. ред.*

опытом и тем, что называется «действующим просветлением». Считается, что ученик мастера дзен достиг просветления, если он достиг переживания сатори* и сам стал мастером. Но после того как этот человек достиг просветления, он должен уметь в каждый момент времени правильно вести себя в каждой ситуации. Он не должен ходить вокруг да около, говоря о просветлении как о некоем статичном принципе, которого должны придерживаться другие люди; если он так поступает, значит, свернул с истинного пути.

Таким образом, можно сказать, что в танцах тролля и принцессы содержится компенсаторная форма того, что, видимо, отсутствует в христианском *мировоззрении.*

По-видимому, северные страны не могут в достаточной мере адаптироваться к этой специфической ситуации. Как мы видели из историй об «оно», обитающем в швейцарских горах, и из историй о троллях, люди, которые сталкивались с этими феноменами, испытывали мгновенные религиозные переживания в повседневной жизни, но это были языческие, нехристианские переживания. Подавляя язычество, христианские миссионеры разрушили чрезвычайно живой и позитивный элемент природы – языческие культы. Если почитать о любом внешнем воплощении языческой религии, например, какого-нибудь африканского племени, можно увидеть, что она полностью встроена в его жизнь. Она встроена в каждый момент жизни племени, в то, что эти люди делают каждое утро, каждый день, в каждой ситуации. Происходит полное взаимопроникновение их религиозной и повседневной жизни, с точностью до минуты. Такая религия – не абстрактная метафизическая система доктрин, в которые племя должно верить на уровне теории, но при этом в повседневной жизни вести себя совершенно иначе.

Разумеется, в христианстве делались попытки скорректировать слишком абстрактную, абсолютную установку. Более успешными они были в католических странах, чем в протестантских. Как правило, в католических странах нижний социальный слой населения наполовину живет в сфере католической духовности, а наполовину – в языческой фольклорной духовности, где у челове-

* Сатори (япон. пробуждение, озарение, просветление) – в дзен-буддизме – высшая цель религиозной практики и самопостижения, предполагающая обретение нового видения мира и полной гармонии с ним. – *Прим. ред.*

ка сохранилась какая-то связь с верной религиозной установкой и с тем, как правильно поступать в данный момент времени. Например, человек на страстную пятницу моет бутылку из-под уксуса и начинает новую, так как в пятницу распятому на кресте Иисусу смачивали губы пропитанной уксусом губкой и т.д. В определенные дни следует делать много определенных вещей, которые имеют особый религиозный смысл.

Однако такие практики даже в католических странах быстро вымирают под воздействием так называемого просвещения. А вследствие того, что у нас существует расщепление, с одной стороны, между абстрактным религиозным верованием, а с другой – полностью профанированной и бессмысленной повседневной жизнью, которая по этой причине быстро оказывается во власти какого-нибудь бессознательного архетипа или, иными словами, регрессирует в объятия тролля.

Вернемся к принцессе. После каждого танца ее туфельки рвутся. Может быть, это происходит потому, что танцы оказываются слишком длинными. Но поскольку этот же мотив есть и в немецкой версии, и в других версиях сказки, он должен иметь какой-то особый смысл.

Как правило, обувь ассоциируется с наличием у человека какой-то точки зрения. Например, в Германии, когда имеют в виду, что юноша или девушка стали взрослыми, говорят, что они выросли из своей детской обуви. Или же если сын повторяет жизненный путь своего отца, немцы говорят, что он ходит в отцовских ботинках. Если же муж полностью подчиняется жене, мы говорим, что он находится у нее под каблуком. Как известно, по традиции победитель ставит свою обутую ногу на горло поверженного врага, словно хочет этим сказать: «Теперь ты должен во всем слушать только мое мнение. *Теперь я буду говорить*, как должно быть, и ты должен склонить голову». Таково значение этого жеста.

Итак, у принцессы рвутся все туфельки, что означает: она постепенно все больше и больше утрачивает свою земную, реалистичную точку зрения. Эти буйные ночные эскапады все больше и больше отчуждают ее от реальности. На самом деле принцесса танцует в стране мертвых. Можно сказать, что она поддается чарам этой неоднозначной, если не темной стороны бессознательного и все больше утрачивает связь с реальностью.

Утрата чувства реальности или связи с реальностью может произойти не только у одного человека, но и у целого общества. Например, регрессивная идеологическая одержимость позволяет увидеть, как целые социальные слои населения, зараженные детской фантазией о падении небес на землю, могут утратить ощущение реальности и в процессе реализации этого утопического идеала убивать своих сподвижников. Это хорошо видно на примере развития нацизма. «Благословенный» фюрер и вся его фашистская клика все больше теряли связь с реальностью. И это, естественно, привело их к поражению. Именно так и происходит в процессе развития всех подобных движений: они постепенно утрачивают связь с реальностью и должны защищать свой идеал все более жесткими, даже преступными мерами, пока, окончательно не утратят чувство реальности и не потерпят полное поражение.

Наутро принцесса приносит обратно свои порванные туфельки. Именно это обстоятельство вызывает у короля подозрение. Он думает: «Должно быть, моя дочь ведет себя по ночам как-то странно» – и отдает приказ узнать, что происходит. Наутро после третьей ночи король спрашивает героя, удалось ли тому что-то увидеть. Юноша притворяется, что ничего не видел, и его ведут на казнь. Старый король чувствует себя несчастным, а принцесса, наоборот, торжествует. В этом торжестве проявляется вся ее бесчеловечность. Итак, юношу ведут на эшафот, но перед казнью он спрашивает у короля разрешения рассказать сон, который ему приснился прошлой ночью.

Затем он рассказывает то, что видел, но так, словно все это ему приснилось. Он достает из котомки сорванные ветки в доказательство того, что его сон является реальным; затем золотую тарелку и другие столовые приборы, которые захватил с собой. Он хочет сказать, что хотя его рассказ имеет форму сна, на самом деле речь идет о реальности.

Такой мифологический мотив в сказках встречается очень часто: сон, о котором идет речь, оказывается совсем не сном, а чем-то вполне реальным благодаря тому, что у героя находятся вещественные доказательства. Например, существует северная сказка, в которой пастух заснул под кустом. Ему приснилась крысиная нора. Затем он увидел, как из норы вылезла крыса, которая превратилась в прекрасную принцессу; та повязала ему золотой пояс и сказала, что пастух должен пойти по дороге, войти во дворец и

ее расколдовать. Он просыпается под кустом, принцесса исчезла, но на нем остался золотой пояс. Тогда он понимает, что ему приснился не простой сон, а значит, ему следует пойти во дворец и расколдовать принцессу. Такие сказочные мотивы очень широко распространены и всегда указывают на то, что сон – это больше, чем просто сон. Это реальность.

Я могу сэкономить много времени, закончив анализ этой сказки, ибо вкратце можно сказать, что герой знает о реальности психики. И он может привести доказательства этой реальности, которую обычный человек считает только сном. Юноша демонстрирует свои доказательства, и тогда принцесса приходит в ужас, а король, наоборот, очень радуется и говорит, что теперь наш герой должен жениться на принцессе. Если бы это действительно случилось, то произошла бы ужасная катастрофа, ибо мы совершенно уверены, что принцесса убила бы нашего героя в первую брачную ночь или, в крайнем случае, несколько позже.

Интересно, что в средневековой легенде о Святом Граале одним из основных мотивов является копье. В соответствии с некоторыми версиями легенды этим копьем один из римских стражников нанес рану распятому Христу. А в Чаше Грааля находится кровь Христа. Эти основные священные символы присутствуют в разных версиях легенды о Святом Граале.

В нашей сказке существует похожее сочетание. У нас есть копье, правда, оно очень маленькое, размером с иглу, и есть сосуд – наперсток, но их функции оказываются точно такими же. Эти два символа воплощают маскулинное и фемининное начала. Одно из них пронзает и указывает цель, другое является принимающим, фемининным началом. Так как наперсток является фемининным символом, герой просит его у принцессы. Он должен попросить у нее наперсток, так как ей самой нужно сделать что-то для того, чтобы освободиться от колдовского заклятья. Кроме того, наперсток защищает от уколов иглы; именно поэтому мы надеваем его, когда шьем. К тому же наперсток защищает от колдовских чар.

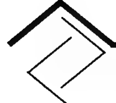
Эти два символа составляют основную сущность Самости: она объединяет, проникает, направляет деятельность и вместе с тем принимает, защищает и сдерживает. Герою требуются оба этих символа, так как он должен собрать кровь тролля, чтобы вернуть к жизни всех людей, которые были лишены человеческого облика.

Часто у троллей не бывает крови, но у этого есть, и тогда у меня появляется мысль, что это может быть кровь, которую он высасывал из своих жертв. У тролля есть кровь, которая отсутствует у его жертв. Я догадалась об этом, потому что, как только герой окропил их каплей крови, они снова ожили. Следовательно, мы можем сказать, что тролль похитил или увлек к себе всю энергию и все эмоции из человеческой жизни, которой они принадлежали, и таким образом принудил всех людей к состоянию одержимости.

Люди, находящиеся в состоянии одержимости, будь это религиозный, политический фанатизм или что-то еще, часто бывают очень бледными. Они выглядят так, словно им действительно не хватает крови. А им и в самом деле не хватает крови в том смысле, что они не испытывают ни теплых чувств, ни нормальных человеческих эмоций. У таких людей нельзя вызвать смех, с ними даже нельзя вступить в дружеские отношения. Фанатизм истощил их жизненные силы. Поэтому они не могут получать наслаждение от жизни. У них нет личной жизни, не бывает даже коротких моментов радости, потому что они не умеют радоваться жизни.

Но как только людям вернули кровь, все три королевства освободились от колдовского заклятья. Одолев тролля, герой становится правителем трех королевств; подразумевается, что позже он может стать правителем и четвертого королевства. Вы, конечно, помните, что ему была обещана половина королевства, и хотя в сказке ничего не сказано о том, что он ее получил, мы можем догадаться, что в конечном счете, после смерти старого короля он будет управлять и четвертым королевством.

Таким образом, герой сначала становится правителем тех королевств, на которые не обращали внимания и потому они попали в лапы тролля. Это значит, что в рамках общей культурной ситуации акцент смещается именно на те сферы и области, которыми раньше пренебрегали и которые теперь стали важными. И может быть, позже произойдет обновление доминирующего в культуре центра. Как видите, процесс обновления и наступления новой жизни приходит не туда, где его больше всего ждут, а в те сферы жизни, которые раньше игнорировали и которыми пренебрегали.

Три гвоздики (Испания)

Следующая сказка – испанская, она называется «Три гвоздики»[27].

Однажды крестьянин возвращался с поля и увидел три очаровательные гвоздики. Он сорвал их и принес своей дочери. Юная девушка очень обрадовалась, но однажды, когда она стояла на кухне и любовалась цветами, одна гвоздика упала на раскаленные угли и сгорела. Вдруг появился юноша и спросил девушку:

– Что с тобой случилось?

Та ничего ему не ответила, и он спросил еще раз:

– Ты не хочешь со мной разговаривать? Хорошо, тогда, если захочешь, можешь найти меня у камней всего мира.

Сказав это, юноша исчез. Тогда девушка взяла вторую гвоздику и бросила ее в огонь. Снова перед ней появился юноша и спросил:

– Что с тобой случилось?

Но девушка опять ничего не ответила, поэтому он еще раз задал вопрос:

– Ты не разговариваешь со мной? Хорошо, тогда можешь найти меня у камней всего мира.

И исчез. Мария – так звали девушку – взяла последнюю гвоздику и бросила ее в огонь. И снова появился юноша, задал те же вопросы и снова исчез.

Мария опечалилась, потому что влюбилась в юношу, который появился последним, и спустя несколько дней решила пойти по белу свету и найти камни всего мира. Она отправилась совершенно одна и шла все дальше и

[27] MDW, Spanische und Portugiesische Märchen, no 5 (Jena: Diederichs, 1940).

дальше, пока случайно не набрела на место, в котором стояли три высоких камня. Мария так устала, что села рядом с камнями и заплакала. Когда она плакала, один камень открылся, прямо из него появился ее возлюбленный юноша и спросил:

– Мария, почему ты плачешь?

А так как девушка продолжала плакать, он сказал:

– Не грусти, а лучше пойди туда, к крестьянскому дому. Войди в него и спроси у хозяйки, не возьмет ли она тебя в служанки.

Девушка так и поступила, и хозяйка взяла ее в служанки. Мария трудилась очень усердно, у нее было доброе сердце, и вскоре она стала любимой служанкой хозяйки. Другие служанки стали ей завидовать. Однажды они пришли к хозяйке и сказали:

– Вы знаете, что сказала Мария?

– А что она сказала?

– Она не понимает, почему у вас так много служанок, ведь она одна может за день выстирать все грязное белье.

– Мария, подойди ко мне, – сказала хозяйка, – ты сказала, что за день можешь одна выстирать все грязное белье?

– Нет, – ответила Мария, – я этого не говорила.

– Но об этом мне сказали другие служанки, и теперь тебе придется это сделать, – сказала хозяйка, – иначе я тебя уволю.

И она приказала отнести к реке все грязное белье.

Бедная Мария не знала, что делать. Она пошла к камням и заплакала. Опять появился тот же самый юноша и спросил:

– Что с тобой случилось? Почему ты плачешь?

И так как Мария ничего ему не ответила, он сказал:

– Хорошо, тебе не стоит беспокоиться о стирке, которую ты должна выполнить для моей матери. Ступай к реке и позови птиц: «Птицы всего мира, прилетите сюда и помогите мне».

Девушка так и сделала, и как только произнесла эти слова, прилетела огромная стая птиц. Птицы начали стирать белье, и через минуту вся работа была выполнена. К полудню все белье высохло. Хозяйка была очень доволь-

на и снова стала любезна с Марией. Но это еще больше разозлило других служанок и они придумали новую хитрость.

У хозяйки болели глаза. Эта болезнь появилась, потому она очень много плакала с тех пор, как три ее сына отправились на охоту, были заколдованы и больше не вернулись домой. А мать даже не знала, где они находятся. Хозяйка позвала к себе Марию и сказала, что узнала от служанок, будто Мария может найти целебную воду, которая вылечит ее глаза. Мария снова отрицала, что она сможет это сделать, но хозяйка сказала:

– Тебе придется это сделать, иначе я тебя уволю.

Мария снова пришла к камням, и опять появился юноша и сказал:

– Не печалься. Возьми стакан, приди на берег реки и позови: «Птицы всего мира, прилетите сюда и поплачьте вместе со мной». Когда они все прилетят, последняя уронит маленькое перышко. Положи его в стакан и, придя домой, дотронься им до глаз своей хозяйки. Тогда она выздоровеет.

Мария так и сделала. Прилетели птицы и стали плакать вместе с ней, а их слезы капали в стакан. Одна из них уронила перышко, которое Мария тоже опустила в стакан. Придя домой, она с помощью птичьих слез и перышка вылечила хозяйке глаза.

Но и этого служанкам показалось мало. Они по-прежнему хотели опорочить Марию в глазах хозяйки и сказали, что девушка может избавить от колдовского заклятья трех ее сыновей. Поэтому хозяйка приказала Марии это сделать. Снова из камня появился юноша и сказал:

– Я знаю, что мать приказала тебе расколдовать нас, но ты не печалься. Отправляйся к ней и попроси собрать всех девушек из ближайших деревень. Скажи, что они должны составить процессию и прийти сюда. Пусть каждая держит в руке горящую свечу, а вся процессия должна обойти три раза вокруг этих камней. Они должны это сделать так осторожно, чтобы не погасла ни одна свеча.

Мария вернулась домой и все рассказала хозяйке. Из ближайших деревень собрались все девушки, и у каждой в руке была горящая свеча. Вся процессия пришла к камням и трижды обошла вокруг них. Но когда девушки обходили камни в последний раз, налетел порыв ветра и потушил свечу у Марии. Девушка заплакала от отчаяния.

– Увы! Моя свеча погасла.

В это время камни открылись и появились три брата, а младший из них сказал Марии:

– Слава Богу, что ты это сказала. Теперь мы избавились от колдовских чар.

В ту же минуту камни исчезли, и юноша рассказал, что, когда они пришли на это место, их заколдовал злой волшебник. Он превратил их в три гвоздики и сказал, что они освободятся от его чар, только если человек, который сожжет эти гвоздики, заговорит возле камней.

Мать и три ее сына очень обрадовались, а младший брат попросил Марию стать его женой. Мария любила его и потому согласилась. Они сыграли свадьбу и были очень счастливы. А служанки больше не устраивали интриг против Марии, попросили у нее прощения, и она их простила.

Среди персонажей этой сказки есть хозяйка и три ее сына. Кроме того, есть много служанок и черный маг, который, как тролль в датской сказке, заколдовал трех сыновей хозяйки. А еще в сказке есть крестьянин и его дочь.

Таким образом, с одной стороны, у нас есть мать и три сына, у которых нет отца, а с другой – отец и дочь, но отсутствует мать. Эти две неполные группы впоследствии объединяются и образуется новая группа, в которой присутствуют оба родителя, три сына и дочь. В сказке ничего не говорится о том, что хозяйка и отец девушки поженились, но молодые люди явно объединяются в группу, и вместе с ними остаются служанки, символизируя некую позитивную вспомогательную энергию.

Вся сказка основывается на взаимодействии семьи крестьянина и его дочери и семьи матери с тремя сыновьями. Очевидно, мать и сыновья достаточно богаты, так как у матери много служанок. В сказке прямо не говорится о бедности крестьянина, но он явно не так богат, как хозяйка.

Заметим, что его дочь, главная героиня сказки, не имеет никаких намерений совершать героические поступки. Ей приходится их совершать под давлением завистливых служанок. Такой мотив является вполне обычным для придворных и королевских

слуг. Существует множество сказок, в которых сказочный герой становится королевским слугой, а затем завистливые министры и придворные льстецы и подхалимы начинают плести против него интриги, которые вынуждают короля послать героя совершать подвиги. Таким образом, из того факта, что подобное обычно случается при королевском дворе, мы можем сделать вывод, что эта хозяйка-фермерша и три ее заколдованных сына принадлежат к более высокому социальному слою, чем крестьянин и его дочь.

Однако действие сказки происходит исключительно в сельской местности. Как правило, в крестьянской среде сказки рассказываются и пересказываются больше, чем в любой другой. Можно сказать, что крестьяне являются носителями традиции; в сельских общинах принято сохранять древние обычаи. Даже слово «язычник» (по-английски *pagan*) произошло от латинского *paganus*, что означает «крестьянин», так как крестьяне сначала не приняли христианство*. Христианство сначала распространялось именно в городах, а в крестьянских общинах значительно дольше сохранялся языческий культ. Так происходит на протяжении всей истории. Крестьяне являются носителями народных традиций.

В повседневной жизни крестьянин часто воплощает обыкновенный здравый смысл. Не будучи здравомыслящим человеком, невозможно стать крестьянином. Крестьянин стоит на земле обеими ногами; как правило, он не сентиментален. Да и не может быть таким: например, чтобы выжить, он должен забивать собственную скотину и рубить парное мясо. Он довольно реалистично относится к своему окружению, а потому существует много сказок, в которых крестьянский мальчик приходит в королевский дворец и благодаря своим подвигам сам становится королем. Обычно этот крестьянский мальчик в сказке оказывается наивным, целеустремленным и прагматичным. Таким образом он компенсирует утонченную, изысканную культуру королевских придворных, которые утратили контакт со своими инстинктами.

То, что крестьяне, а также их семьи и домашние животные живут «по воле судьбы», побуждает их сохранять подлинную

* Следует отметить, что в русской культуре и в русском языке существует довольно запутанная ситуация: вполне вероятно, что слово «крестьянин» является производным от слова «христианин», тогда как русское слово «поганый», то есть языческий, плохой, происходит от латинского *paganus* – сельский житель. Это лишь поверхностное наблюдение, которое, однако, не позволяет считать российское крестьянство носителем христианской традиции. – *Прим. переводчика.*

связь со своими инстинктами. Крестьянин-невротик очень быстро разоряется.

В данном случае в крестьянской семье отсутствует мать. У крестьянина есть единственная дочь, которую он очень любит. Однако этот крестьянин ведет себя весьма необычно. Он приносит домой три гвоздики и дарит их дочери. Как правило, крестьяне никогда так себя не ведут. Человек может подарить цветы своей возлюбленной, но не дочери, особенно если это крестьянин. Поэтому отношения между отцом и дочерью являются очень близкими и по характеру похожи на инцест. Если бы эта история была индивидуальной, мы могли бы сказать, что дочь обречена на то, чтобы у нее развивался отцовский комплекс.

Однако мы не можем рассматривать исходную ситуацию, не принимая в расчет другую семью – хозяйку с ее тремя сыновьями, ибо в ней как раз отсутствует отец, а из того, что мы узнаем позже, очевидно, что эти юноши – «маменькины сынки». Итак, мы имеем дело с расщеплением. В обществе есть два взаимно компенсирующихся сообщества. Оба неполные, и равновесие восстанавливается только тогда, когда они объединяются. Обобщая все сказанное выше, можно заметить, что основная линия сказки заключается в том, чтобы соединить две отдельные области коллективного чувствования и мышления.

Доминирующая установка воплощается в хозяйке и трех ее сыновьях. Она занимает высокое социальное положение и определяет развитие событий, происходящих во второй половине сказки. Несомненно, что в данном случае мы сталкиваемся с матриархальным порядком, то есть с матерью, имеющей власть над тремя своими заколдованными сыновьями и всеми служанками, – с хозяйкой, которая буквально зажимает юную девушку в тиски, причем делает это отчасти насильно, отчасти великодушно. Она хорошо относится к девушке, но вместе с тем слушает своих завистливых служанок, а затем ставит перед ней невыполнимые задачи.

Рассматривая социальную ситуацию в Испании, а также в Греции, Италии и других странах Средиземноморья, можно обратить внимание на странное положение вещей. В политической жизни там доминирует консервативный патриархат. Например, в Италии заметно сильное сопротивление тому, чтобы женщины вели себя слишком независимо или даже обучались в университетах. Мужчины сохраняют за собой право заниматься умственной работой и политикой. Но дома сидит великая мать, где она или

бабушка – *nona** имеет полную власть. *Mama mia!* Это еще заметнее в Испании, где женщины даже не берут фамилии своих мужей. Они по-прежнему остаются сеньорой такой-то и такой-то – ставят сначала свою девичью фамилию, а потом добавляют к ней фамилию мужа. И полностью доминируют дома. Следовательно, мы сталкиваемся с расщеплением. В социальной и политической жизни правит патриархальный дух, тогда как матриархальный дух царит во всех сферах, имеющих отношение к дому, рождению детей, общим материальным проблемам и деньгам. Дела и деньги, по существу, находятся в руках сеньоры, а не ее мужа, которому разрешается работать и приносить заработанные деньги домой.

Крестьянин дарит своей дочери три гвоздики, одна из которых превращается в ее будущего жениха. Мы знаем, что если эти гвоздики сгорят, перед девушкой встанет трудная задача – необходимость избавить трех юношей от колдовских чар. Таким образом, отец бросает дочери вызов, причем в скрытой форме. Три гвоздики, полученные в подарок, выглядят как доказательство любви, но на самом деле отец заставляет свою дочь решать трудную задачу. На индивидуальном уровне мы могли бы сказать, что крестьянин – это мужчина, имеющий искаженную связь со своей фемининностью. В сказке нет ни одного упоминания о его жене; может быть, она умерла. Поэтому теперь требования к дочери, то есть проекции, предъявляет отец – в виде трех красных гвоздик, брошенных к ее ногам. Поступая таким образом, он бросает ей вызов – сформировать свое отношение к проблемам маскулинности.

Из собственного опыта мы знаем, что тесная позитивная связь с отцом развивает в дочери одухотворенность и живость ума, интерес к умственной деятельности и духовные интересы. Юнг отмечал, что такие женщины не похожи на других, которые делают все только для того, чтобы понравиться мужчинам. На самом деле они так поступают потому, что им это нравится.

В данном случае у сказочной героини существует проблема слабого отца, и в таких обстоятельствах подобная проблема является обычной. Если в культуре доминирующее положение занимает мать, то отцы становятся слабыми – по крайней мере, дома. Они находятся «под каблуком» и, как правило, у них развиваются инцестуальные фантазии по отношению к дочерям, так как

* Nona (лат.) – богиня, первая из парок. – *Прим. переводчика.*

жены не разрешают им даже смотреть в окно. Единственная эротическая фантазия, которую они себе могут позволить, – обратить ее на собственных дочерей в собственном доме. Таковы условия, в которых дочери становятся объектами отыгрывания отцовских проблем. И у них возникает проблема поиска настоящего мужчины (каким должен быть этот настоящий мужчина) и появляется желание удовлетворить некоторые свои духовные и интеллектуальные потребности.

В самом начале сказки упоминалось о трех гвоздиках. Гвоздики привезли в Европу с Ближнего Востока около двух тысяч лет тому назад. А так как сначала все сорта гвоздик были телесного (розового) цвета, их стали называли *carnitions*, поскольку это слово является производным от латинского *carnis* – плоть. Поэтому в буквальном понимании гвоздика – это цветок плоти или цветок цвета плоти. Существует средневековая легенда о том, что гвоздики появились на земле, когда Дева Мария плакала по пути на Голгофу. В каждом месте, куда попадали ее слезы, вырастала гвоздика. Следовательно, гвоздика является символом материнской любви, и поэтому в Соединенных Штатах на День Матери дарят гвоздики.

В нашей сказке тоже есть мотив женщины, потерявшей трех своих сыновей. Хозяйка, которая потеряла трех сыновей, чем-то похожа на деву Марию на ее пути на Голгофу. Она так много плакала, что почти потеряла зрение.

Интересно заметить, что девушку зовут Мария. Сказочные героини не часто носят это имя, но нашу героиню зовут именно так, и вполне естественно, что в таких странах, как Испания, это имя ассоциируется с Девой Марией. Итак, наша героиня как бы является человеческим воплощением Пресвятой Девы в ее архетипической роли, а, следовательно, именно она должна восстановить истинное отношение к фемининности и любви. В некоторых энциклопедиях символики цветов сказано, что белые гвоздики являются символом чистой и страстной любви, а также предвестницами женского счастья. Такие истолкования общеизвестны, даже в цветочном магазине вам могут посоветовать выбрать цветы в соответствии с их значением. А белые гвоздики означают прежде всего пылкую и страстную любовь. Далее: «пылкая» значит горячая или горящая – на кухне девушка бросает гвоздики в огонь, и они сгорают. И с этого момента сказочное действие начинает развиваться.

Огонь, особенно в кухонном очаге, находится в родстве с алхимическим огнем. Это огонь аффекта и эмоций, но его разводят и используют для трансформации пищи. В алхимической символике огонь и приготовление пищи означают продолжительное соучастие или заинтересованность, эмоциональную концентрацию на процессе. Но алхимики говорят, что никогда не нужно делать огонь слишком сильным, ибо тогда он сожжет находящихся в реторте любовников. Любовники должны соединиться при умеренном, но постоянном огне. Поэтому когда девушка бросает гвоздики в огонь, это означает следующее: то, что раньше было чистой любовью, теперь становится любовью пылкой и страстной. Таким образом, по натуре Мария должна быть земной и страстной, и эти качества в ней проснулись благодаря вниманию отца. Находясь одна, она сгорает от страстной любви. Именно поэтому девушка сжигает эти цветы.

Тогда впервые появляются три юноши и задают странные вопросы: «Что с тобой случилось?», «Чем ты занимаешься?» Они не просят: «Пожалуйста, освободи меня от злых чар» или «Пожалуйста, сделай что-нибудь для меня». Они спрашивают: «Что с *тобой* случилось?», «Чем *ты* занимаешься?»

Существует несколько противоположных сказочных аналогов, в которых герой приходит в райский сад и срывает там несколько лимонов или апельсинов (есть разные варианты). Когда он их разламывает, появляется девушка и говорит: «Дай мне, пожалуйста, хлеба и воды!» А поскольку у героя нет ни хлеба, ни воды, она говорит: «Хорошо, тогда я вернусь к себе на дерево» – и исчезает. Но когда юноша в третий раз разламывает лимон или апельсин, то уже успевает приготовить хлеб и воду для девушки, которая из него появляется, и на этот раз она остается в человеческом облике. Потом он на ней женится.

В этих сказках возникает вопрос о том, чтобы дать женщине немного хлеба. Это должно означать ее перевоплощение и оказание некой психологической помощи. Но в нашей сказке есть другой – обходной – путь. Юноши спрашивают: «Что с *тобой* случилось?», «Чем *ты* занимаешься?». Но почему они задают эти вопросы, мы узнаем только в самом конце, – потому что девушка должна заговорить. Нам неизвестно, что могло бы произойти, если бы она заговорила раньше. Наверное, мог бы завязаться диалог, и юноши могли бы попросить Марию освободить их от колдовства. Но так как она не отвечала, юноши просто исчезали. Мария еще

не могла избавить их от злых чар. Сначала ей следовало совершить странствие.

Мы знаем: чем более «горячей» является проблема, тем более замкнутыми и молчаливыми мы становимся. Чем мы эмоциональнее, тем труднее нам выразить, в чем заключается суть дела. Это можно наблюдать в процессе эксперимента с вербальными ассоциациями, когда слово-стимул затрагивает эмоционально заряженный комплекс. В таком случае люди не дают ответа в течение двух-трех секунд и даже дольше. В крайних случаях за абсолютным мутизмом* кататонического шизофреника нередко можно обнаружить *пылающий* огонь эмоций, настолько сильный, что этот человек может только неподвижно лежать на кровати, не в состоянии сказать ни единого слова. Конечно, это крайний случай, но нечто подобное, правда, в существенно меньшей степени, испытываем все мы. Чем глубже у человека травма, тем ниже его реактивная способность.

Итак, у нашей героини страстная, пылкая натура, но она не может выговорить ни слова. Точно такая же проблема возникает в целой цивилизации, где женщинам запрещено учиться и развивать свои умственные способности. Она становится еще более острой, если такие женщины обладают теми или иными способностями, ибо им запрещается внешне выражать то, что в них заложено природой. Поэтому все нереализованные возможности остаются запертыми внутри них в виде очень сильных эмоций, которые проявляются в форме раздражения, истерии, молчания или болезненной зависти. Как будто в груди подобных женщин спрятан волшебный шарик, который они не могут использовать и от которого не могут избавиться.

На языке юнгианской психологии крайняя раздражительность женщины интерпретируется как симптом одержимости Анимусом. Бывает «разговорчивый» Анимус, болтающий слишком много чепухи, и бывает «молчаливый», болезненный Анимус, то есть ригидная установка, за которой обычно скрывается очень страстная женская натура, остающаяся невыраженной.

Итак, наша девушка не может отвечать. Она не поддерживает диалог, поэтому юноша говорит: «Хорошо, тогда можешь най-

* Мутизм (от лат. mutus – немой) – отказ от речевого общения при отсутствии органических поражений речевого аппарата. В основе мутизма лежит реакция организма на резкий психический раздражитель (испуг, обида и т.п.). – *Прим. ред.*

ти меня у камней всего мира». После того как девушка совершит долгое странствие, мы увидим, что далеко-далеко она найдет камни «всего мира». Это просто три больших камня, возле которых она «случайно» присела, когда устала, и где снова появился заколдованный юноша. То же самое выражение – «всего мира» – упоминается в связи с птицами, которые прилетели, чтобы помочь ей выполнить порученное задание. Так что выражение «всего мира» может иметь какой-то особенный смысл.

Природная сущность фемининности, будь то женщина или мужская Анима, заключается в ее индивидуальности. Индивидуальным является эрос; он означает отношение. Относиться же всегда можно только к чему-то или к кому-то. Под индивидуальным я имею в виду не только отношение между двумя людьми; человек может иметь индивидуальное отношение к кастрюле, к своему дому, саду и т.д. Но сущность фемининности заключается в том, чтобы обращать внимание не на общие черты, а на конкретные или индивидуальные. И если у мужчины Анима оказывается достаточно развитой, у него тоже появляется такая способность.

С другой стороны, обретение женщиной некой общей, *надличностной* истины относится к сфере Логоса или, если говорить конкретнее, Анимуса. В своей изначальной, непроработанной форме внешнее проявление Анимуса можно заметить по тому, что женщина начинает употреблять слово «всегда». Женщина, одержимая Анимусом, редко скажет: «То или другое происходит так-то и так-то. Она скажет: «То или другое *всегда* происходит так-то и так-то». Иначе говоря, Анимус любит обобщать. Именно в таких случаях он становится на ложный путь – то есть обобщает то, что является индивидуальным. Но позитивная сторона обобщения заключается в том, что у женщины становится шире круг интересов, связанных с духовными ценностями и истинами. Она начинает борьбу за свое освобождение от той абсолютно фемининной жизни, когда была замкнута в тесном кругу: муж, дети, кошки, собаки, занавески, мебель. И дальше этого круга она не видела. Таким образом, мы узнаем, насколько эти два начала – логос и эрос – оказываются нужными друг другу.

Мария была лишена этой полноты, но благодаря отцовскому комплексу ей было предназначено судьбой найти то, что принадлежит «всему миру», – то, что позволит расширить горизонты и обогатить свою личность чертами, которые выходят за границы ее индивидуальности. В некоторых семьях стран Средиземноморья,

где доминирует *нона* или сеньора, можно заметить отсутствие именно этой черты – способности обогащать свою личность. Часто в такой семье царит очень теплая, интимная атмосфера, но у человека, который в ней оказался, возникает ощущение, что ему невозможно дышать. Там остановилось время. Там существует такое консервативное психическое поле, которое состоит из мнений Анимуса матери или бабушки, и только из них. В таких случаях (а следовательно, и в случае Марии) особенно необходимо присутствие и признание духа «всего мира», то есть фантазии, творчества и т.д.

Юноши каждый раз говорят: «Ты не хочешь со мной разговаривать? Хорошо, тогда можешь найти меня у камней всего мира». Поэтому Мария идет все дальше и дальше. Похоже, она инстинктивно движется в правильном направлении, так как вдруг находит место, где может сесть на землю и заплакать от усталости и отчаяния. И место, где она решила присесть, случайно оказывается именно тем местом, где стояли три высоких камня – заколдованные юноши. Как вы помните, в сказке говорится, что юноши охотились, и в том самом месте их заколдовал злой волшебник.

Это очень странное обстоятельство: все случается в одном отдельно взятом месте. Когда три юноши охотились именно здесь, то оказались заколдованы. Далее, в том же самом месте девушка «случайно» села и заплакала от отчаяния, в том же месте снова появился юноша и заговорил с ней. Таким образом, можно предположить, что это место находится на пути к колдуну, так как именно там он ожидал юношей, чтобы заколдовать их.

Колдун в сказке упоминается только однажды. Как о девушке в белом платье в датской сказке, о нем говорится лишь вскользь, и больше мы о нем ничего не узнаем. Нам неясно, почему он заколдовал трех сыновей, непонятно, какими он руководствовался причинами и вообще о нем больше ничего неизвестно. Мы просто знаем о том, что он есть, что он заколдовал трех юношей, а затем исчез. Но, несмотря на его неуловимость, мы должны признать факт его существования: точно так же мы поступили с девушкой в белом платье.

Правда, о том, кто заколдовал юношей, говорится, что он был колдуном, следовательно, это мужской персонаж. Можно предположить, что этот персонаж является неким подобием плохого отца юношей. По крайней мере его поступки очень похожи. В таком

случае он одновременно является «злым мужем» нашей хозяйки. Или же мы можем предположить его связь с крестьянином, отцом главной героини; тогда он воплощал бы Тень любящего отца – ибо тот хотя и является любящим отцом, тем не менее странным образом ставит перед дочерью очень трудную задачу, а потому может и не быть таким уж любящим отцом, каким кажется сначала. Мы можем сказать, что колдун существует в теневых отношениях; он мог бы оказаться теневым отцом по сравнению со слишком наивным крестьянином. А также мог быть теневым отцом трех сыновей хозяйки.

Однако то, что в нашей сказке есть волшебник, а не тролль, далеко не случайно. Как правило, в культуре Средиземноморья злые персонажи – это либо великаны, пожирающие людей, либо – чаще всего – колдуны и ведьмы. Тролль является британским природным персонажем, не слишком утонченным, тогда как колдун воплощает все, что присуще черной магии. Если вспомнить сказку Апулея об Амуре и Психее*, можно понять, как широко была распространена черная магия в культуре Средиземноморья и какую она играла роль, может быть, начиная с каменного века. Даже в наше время в нее верит много простых людей. Некоторым итальянцам, которых мне приходилось анализировать, к моему большому удивлению, почти всегда снились черные маги или теневые духи, связанные с оккультизмом. По-видимому, в этих странах они являются любимой формой Тени. Иными словами, агрессия и стремление к власти проявляются не столько непосредственно, то есть в грубой форме, сколько в форме утонченной – в виде интриг или колдовства. Я сталкивалась с большим количеством сновидений, в которых этих персонажей вызывал «черный папа», оказывавшийся оккультным черным магом, как бы теневой фигурой настоящего папы.

Во время прихода к власти фашистов Гитлер заставлял Муссолини преследовать евреев в Италии так же, как он сам их преследовал в Германии, но этого просто не делали. Порой этим занимались итальянские власти под давлением сверху, но народ никогда их не поддерживал. Следовательно, можно сказать, что та холодная жестокость Тени, которая проявилась в Германии, в Италии наружу не прорвалась. С другой стороны, Тень в странах

* Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел. – М.: Худ. литература, 1969. – (Библиотека всемирной литературы).

Средиземноморья совершает свои хитрые проделки преимущественно в форме политических интриг и коррупции – то есть не столько в форме открытой агрессии, сколько в форме коварных коррумпированных интриг. Я не считаю это суждение оценочным, а просто хочу сказать, что разным нациям присущи разные типы или формы Тени. Какую из них предпочесть, зависит от индивидуального вкуса. Обе они являются темными. Но если вам снятся черные маги в обличье «черных пап», значит, они воплощают Тень коллективной управляющей установки.

В странах Средиземноморья в XX веке преобладающим *вероисповеданием* стало католичество. А его Тенью должен быть черный маг, связанный с оккультизмом, в образе которого содержатся религиозные языческие элементы, подобно тому, как в образе тролля могут найти отражение элементы скандинавского язычества.

Таким образом, можно сказать, что если маскулинное начало подавляется, становится психологически совершенно измученным политическими интригами и ригидно повторяет старые культурные паттерны, то вся творческая фантазия погружается в область Тени и принимает черты пагубной черной магии. А самое главное, что в основном отсутствует в этих странах и что постоянно подавлялось официальной религией, – это индивидуальная фантазия. Как заметил Юнг, в этих странах формирование индивидуальных символов было подавлено церковью и заменено официально признаваемой символикой. Поэтому любая потребность психики в формировании индивидуальных символов попадала в область Тени и раскрывалась там в виде черной магии.

Именно черная магия встала на пути трех сыновей. Именно она отрезала им путь к жизни и превратила их в камни. Это означает, что вся сущность маскулинного начала в буквальном смысле слова окаменела.

По мнению Юнга, бессознательное населения католических стран было ограничено богатой символикой католической религии, а потому люди были в какой-то мере защищены от негативного влияния бессознательного. Это действительно так, однако следует помнить о том, что наши сказки представляют собой компенсаторные сновидения всего общества. Иначе говоря, нам редко указывают на то, что является позитивным, – в основном на то, что представляет собой проблему. Таким образом, в нашей сказке выявляется проблема, связанная с подавлением творческого нача-

ла в области создания индивидуальных символов. Если у человека хорошо развита творческая способность к созданию символов, которые не находят своего выражения, то он может погрузиться в бессознательное, и тогда появится черный маг, который будет чинить препятствия его дальнейшему развитию.

Самыми распространенными в мире злыми существами являются великаны. Они не были сосредоточены исключительно в странах Средиземноморья, но появлялись там и воплощали или символизировали пожирающий аспект, присущий любому бессознательному комплексу. Как известно, человека может поглощать страсть, идея или фантазия. Любое энергетически заряженное, но неосознаваемое содержание бессознательного способно поглотить нас – то есть подчинить и получить над нами власть. Великаны символизируют эту общую черту любого бессознательного содержания. Они не так локализованы, как черные маги, которые часто встречаются в странах Средиземноморья. И хотя обычно черные маги появляются на смену всем остальным злым духам природы, великаны, пожирающие людей, остаются.

Младший сын говорит Марии, что ей следует отправиться в один крестьянский дом (потом выяснится, что это дом его матери) и наняться на работу служанкой. Она так и поступает и становится служанкой.

Пребывание сказочного героя или героини слугой или служанкой является общим сказочным мотивом. Даже Геракл, который совсем не был похож на слугу, какое-то время находился в услужении у Эврисфея*. Этот мотив связан с тем, что герой или героиня должны проявить себя и доказать свою преданность и трудолюбие.

Любое исторически ценное культурное обновление декларировало, что может изменить мир, но никогда не начиналось с ниспровержения прежнего порядка. Буддизм не стал развенчивать ни одной прежней политической или религиозной системы. Христианство – по крайней мере сначала – не ставило своей целью развалить Римскую империю. Все новые веяния до поры скрывали свои ценности, но у всех у них было нечто более важное, чем борьба с прежней системой. Им было гораздо важнее создать духовную

* Эврисфей – в греческой мифологии царь, любимец Геры, у которого Геракл состоял на службе и, выполняя его поручения, совершал свои подвиги – *Прим. переводчика.*

основу будущего, чем разрушать то, что имело ценность для прежнего порядка. Таким образом, стремление сказочных героев и героинь в течение какого-то времени доказывать свою ценность вполне типично для их поведения.

Наличие хозяйки в нашей сказке свидетельствует о существовании матриархата. Мария выросла без матери, поэтому она плохо осознает позитивные и негативные стороны материнского архетипа. Но теперь ей приходится с ним взаимодействовать. Она, так сказать, должна оказаться в его власти и суметь освободиться от нее, прежде чем продолжит свое движение. Видимо, это подтверждает мое предположение, что злой волшебник, который заколдовал сыновей, имел какое-то отношение к хозяйке-матери. Между ними должна быть какая-то связь, ибо к Марии не обращались с прямой просьбой уничтожить волшебника и таким образом расколдовать сыновей. Ей было сказано совершенно иначе: пойти к матери, чтобы пережить и выстрадать вместе с ней все трудности, чтобы освободить сыновей от злых чар. На мой взгляд, этот волшебник имеет немалое отношение к духовности хозяйки, скрытой в ее глубине, то есть к ее Анимусу. Об этом отношении нигде не говорится прямо, но о нем можно догадаться, читая сказку между строк.

Теперь обратимся к мотиву завистливых служанок, которые сообщают хозяйке о том, что Мария способна творить чудеса, чего она на самом деле совсем не может делать. Служанки подговаривают хозяйку приказать Марии совершить эти чудеса. Все происходит так, словно у Марии было недостаточно собственных побудительных причин или словно она сама не знала, на чем ей следует сосредоточить свои силы, чтобы решить задачу. Ее приходится заставлять это делать.

Как уже отмечалось, этот мотив столь же часто относится и к сказочным героям, когда, например, завистливые придворные вынуждают короля послать героя решать неразрешимые задачи или выполнять невыполнимые поручения. Этот же мотив часто встречается в мифологии, когда герой становится героем только против собственной воли. Он ни за что не стал бы героем, если бы не крайняя необходимость. Вспомним о Геракле: он никогда не стал бы Гераклом, если бы Гера не преследовала его всю жизнь. Именно поэтому его имя означает «прославляющий Геру». Именно под давлением своего безжалостного врага, богини-матери Геры, Геракл совершил все свои великие подвиги.

Видимо, в этом и заключается истинная сущность настоящего героя: у него нет амбициозных намерений сделаться великим, на самом деле он хочет только одного – быть честным по отношению к самому себе и своим чувствам. И тогда в результате сражения с миром или другими противоборствующими силами он достигает своей цели. Всегда полезно посмотреть, как люди себя ведут в безвыходных ситуациях, поскольку именно тогда проявляется их истинная натура. Как раз в таких ситуациях становится видно, есть ли у человека внутренний стержень или нет. Таким образом, герой – это человек, которого сама судьба вынуждает совершать великие подвиги.

Это не противоречит тому, что человек может чувствовать призвание или иметь особую цель в жизни, но именно обстоятельства заставляют его раскрыть свои возможности. Будучи молодым, Уинстон Черчилль уже знал, что наступит время, когда он совершит нечто великое для своей страны. Именно поэтому он подвергал опасности свою жизнь в сражении при Омдюраме и в других боях; он так себя вел не потому, что был очень мужественным, а потому что знал: он не должен умереть такой смертью. И эта уверенность позволяла ему рисковать своей жизнью. Но когда ему предложили стать премьер-министром в самые тяжелые дни Второй мировой войны, он знал точно: «Вот оно. Именно поэтому я до сих пор оставался в живых. Теперь я должен это себе доказать». Именно сложившиеся обстоятельства побудили Черчилля применить свои способности на практике. Он не пытался совершить это по собственной инициативе – возможно, в глубине души ему даже не нравилось этим заниматься, так как в конце концов у него появилось чувство: «Теперь я занимаю место, находясь на котором, должен показать, кто я такой и что я достиг того, что мне было предназначено в жизни».

Итак, завистливые служанки сначала говорят хозяйке, что Мария может выстирать в реке огромное количество грязного белья, но на самом деле она этого сделать не может. Ей в этом помогают птицы «всего мира».

Грязное белье – некое подобие теневой грязи, которую мы незаметно для себя создаем каждый день. Отчасти эту грязь производим мы сами, когда потеем или пачкаем его своими выделениями. Отчасти наше белье становится грязным, потому что пачкается в той обстановке, в которой мы находимся. Поэтому грязь на нашем белье воплощает животную сторону нашей личности, а

также Тень, которая к нам пристает в результате контактов с другими людьми. Мы, так сказать, все время пачкаемся, взаимодействуя со своим окружением.

В немецком языке есть выражение «стирать грязное белье»; оно означает, что люди, которые до этого поссорились, теперь обсуждают свою ссору с третьим лицом или лицами. Тогда происходит приблизительно вот что: «Я сказал...» – «Нет, ты сказал... И *неправда,* что я сказал...» и т.д. Именно это в Германии называют «стирать грязное белье», и обычно такой стирке не видно конца*.

Часто решение героической задачи, связанной с избавлением от мелкой, вредной теневой грязи, вызывает отчуждение людей друг от друга: мелочный эгоизм, глупые проекции и т.д. все время заражают все общество и все межличностные отношения. Люди думают, что они действительно выясняют отношения, когда вступают в спор и обмениваются репликами: «Я сказала...», «Ты сказал...». Но это не имеет ничего общего с выяснением отношений. В нашей сказке показан более удачный способ, а именно: нужно позвать себе на помощь птиц всего мира. Птиц в первую очередь! Мысль о том, что птицы могут своими лапками и клювами постирать белье, кажется очень странной! Но птицы это делают, и не только стирают белье до чистоты, но и высушивают его за один день.

В комментарии к гексаграмме 16 Книги Перемен «И Цзин», которая называется «Юй. Вольность», говорится, что в обществе не может быть никаких успехов, пока людей не соединит великое чувство или идея[28]. Можно сказать, что, следуя этой парадигме, присутствуя на музыкальных или драматических представлениях или спектаклях, китайцы участвуют в отправлении древних культов своих предков, которые очищают их психику от всяких мелочей, засоряющих ее. Происходит активизация психики на более высоком уровне. Людей вдохновляет новое ощущение смысла жизни, «вымывая» все их негативные и мелочные взаимные проекции друг на друга.

* В русском языке есть два похожих аналога, каждый из них имеет несколько иной смысл, который российскому читателю известен и без дополнительного объяснения. Речь идет о следующих выражениях: «копаться в грязном белье» и «выносить сор из избы». Копаться в грязном белье – не значит стирать его, а выносить сор из избы – не значит от него избавляться. – *Прим. переводчика.*

[28] И Цзин. М.: Эксмо-Пресс, 2001, с. 135. – *Прим. переводчика.*

Я сама неоднократно сталкивалась с тем, насколько полезно бывает показать человеку Анимус, Тень или какой-то другой комплекс, чтобы очистить его, «выстирав грязное белье». Но лучше всего просто помочь людям найти смысл, ради которого они живут. Когда у них появляется *такой* интерес, они совсем перестают обращать внимание на мелочную ерунду. Когда у человека возобновится основной поток жизненной энергии – например, проявится интерес к творчеству, – он больше не будет целыми днями висеть на телефоне и жаловаться брату, сестре, другу или подруге, что он или она были не правы. У него просто не останется на это времени, он скорее подумает: «Хорошо, пусть так. Это неважно. Возможно, я был не прав, поэтому давай помиримся». Потому что жизнь продолжает идти. Если человек осознает смысл своей жизни, это окажет очищающее воздействие на проблемы, связанные с «грязным бельем».

Таким образом, можно понять, почему именно птицы помогают Марии: птица воплощает фантазию, а в данном случае они, несомненно, воплощают творческие фантазии. В нашей сказке были блокированы именно творческие фантазии Марии, которые формируют символы. Следовательно, с помощью птиц Мария может покончить со всей чепухой, которая накопилась во время застоя в ее жизни.

Однако завистливые служанки не удовлетворяются и в следующий раз побуждают хозяйку приказать Марии раздобыть лекарство, способное вернуть ей зрение. Марии снова приходится идти к реке – первичному потоку жизни – и снова позвать птиц: «Птицы всего мира, прилетайте сюда и поплачьте вместе со мной». Она собирает их слезы в стакан, туда же кладет перышко и таким образом возвращает хозяйке зрение.

В мифологии принято считать, что слезы обладают очищающим, освобождающим или исцеляющим воздействием. Если вам когда-нибудь приходилось помогать людям, «окаменевшим» от страданий, вы знаете, насколько свободнее они себя почувствуют, если смогут заплакать. Когда человек доходит в своих страданиях до определенного предела, он часто больше не может плакать, а просто застывает в своем горе. И тогда его ждет серьезная опасность.

Однажды я читала работу американского психиатра, который исследовал реакции людей, находившихся в английском госпитале после того, как в их дом попала бомба. Зачастую сами эти люди не получали тяжелых ранений, но как только они приходили в сознание, то узнавали, что их муж, или их дети, или вся их семья погибли, искалечены и т.п. И бессердечный психиатр – я до сих пор не могу понять, как этот человек мог так поступать, – просто наблюдал за реакциями несчастных людей и пришел к выводу, что большинство из них в течение трех дней теряли самообладание. Они или сразу начинали плакать, или просто становились белыми от ужаса, но рано или поздно в течение трех дней теряли самообладание и начинали плакать.

Спустя десять лет психиатр вновь наблюдал этих людей, и хотя они по-прежнему испытывали скорбь и тяжелую депрессию, ни у кого из них не было серьезных невротических проблем. Однако среди его пациентов было несколько человек, которые не потеряли самообладания, не заплакали, а просто оцепенели от ужаса и продолжали оставаться в таком состоянии. Они говорили: «Спасибо, что вы мне об этом сказали». Некоторые так никогда и не вышли из оцепенения. Они вообще не плакали. А когда десять лет спустя их снова наблюдал психиатр, он обнаружил то, что можно назвать тяжелым психозом войны, тяжелой травмой.

Отсюда можно сделать вывод, что слезы и плач являются исцеляющей реакцией. Слезы нужны человеку, чтобы он осознал свою боль, и, видимо, их природная функция заключается в том, чтобы снимать оцепенение, вызванное воздействием шока. Они помогают людям расслабиться и возвращают их обратно в мир человеческих отношений.

Кроме того, слезы оказывают индуцирующее воздействие на окружающих. Когда человек плачет, он таким образом зовет на помощь окружающих, у которых возникает ответное чувство. Вполне возможно, что по происхождению эта реакция на плач связана с многообразными призывами о помощи, существующими в животном мире. У диких собак, обезьян и т.д. есть особые звуки, которые служат только для того, чтобы обратить внимание соплеменников на свое плачевное положение и позвать на помощь. Это действительно крики о помощи. Весьма вероятно, что и человеческие слезы имеют ту же функцию, поэтому они лечат и вместе с тем привлекают внимание окружающих. Мы более или менее привыкли к тому, что при малейшей неприятности маленькие дети кричат во всю мощь своих легких, а потому не считаем их плач чем-то ужасным. Но если напротив нас сидит взрослый человек и плачет, нас это задевает и мы чувствуем себя очень нелов-

ко. Я всегда чувствую себя просто *ужасно*. Я думаю: «Боже мой, сейчас я должна выразить сочувствие, но *как это сделать*?» В таких случаях возникает чувство, что никакие слова и никакие разумные доводы человеку не помогут. В данном случае помочь может только какой-то жест или поступок одного человека по отношению другому. Плач – это призыв к оказанию немедленной помощи.

Теперь мы знаем, что в нашей сказке сыновья окаменели – причем в буквальном смысле слова, – а не превратились в животных или в каких-то иных существ. А мать, как греческая Ниоба*, лишенная своих детей, выплакала все глаза. «Выплакала глаза» – это значит, что она плакала до полного изнеможения, до тех пор, пока у нее не иссякли слезы. Тогда человек приходит в состояние полной покорности смерти. Таким образом, хозяйка хотела получить сочувствие у птиц, то есть сочувствующей, понимающей фантазии, которую могла вызвать только Мария. Если у человека отсутствует воображение, значит, у него отсутствует и эмпатия, ибо обычно страдания одного человека не похожи на страдания другого. Как правило, мы понимаем страдания других людей, даже если сами не испытывали подобных переживаний. У нас есть воображение и фантазия, которые и позволяют нам быть эмпатичными. И это все, что нам нужно, ибо способствует «исцелению зрения».

В алхимии магическую воду, из которой изготовляли философский камень, называли *меркурием* (то есть ртутью), вечной бессмертной водой и многими другими именами. Ее относили к *prima materia***. В переводе на язык психологии *prima materia* означает жизнеспособность психического бессознательного. Одно из ее названий – *collyrium philosiphorum* – философский «водяной глаз». Меркурий – это философский водяной глаз. Во многих текстах воздается хвала этому алхимическому веществу.

Так вот, Мария тоже может констеллировать нужный способ понимания. Она способна вызывать фантазии, которые помогут ей

* Ниоба – в греческой мифологии дочь Тантала. У нее было шесть сыновей и шесть дочерей. Ниоба возгордилась перед богиней Лето, у которой было только двое детей – Аполлон и Артемида. Разгневанная Лето пожаловалась на Ниобу своим детям, которые стрелами из луков убили всех детей Ниобы: Аполлон поразил юношей, Артемида – девушек. Потрясенная Ниоба окаменела от горя. – *Прим. переводчика.*

** Первоматерия (лат.) – *Прим. переводчика.*

понять свою хозяйку и таким образом вылечить ее. Есть много алхимических историй о попытках алхимиков найти птицу Феникс. Например, хорошо известный Мишель Майер мог схватить только одно перо, а затем с помощью единственного пера творить чудеса и исцелять людей.

По существу, перо чудесной птицы, которая живет на краю света, является алхимическом мотивом, который распространяется на весь европейский фольклор. Можно даже найти немецкие сказки, в которых герою требуется разыскать перо птицы Феникс. Эти сюжеты заимствованы непосредственно из алхимического символизма[29].

Юноша говорит Марии, чтобы она взяла только одно перо, а не всю птицу. Это фактически означает, что перо – это *pars pro toto*, часть вместо целого. Но одновременно это означает, что у нее есть только предчувствие или интуиция, а не идея целиком. Если у вас есть только перо птицы Феникс, значит, вы не уловили все психологическое таинство целиком, выраженное в символике птицы. У вас есть только *один* аспект, только предчувствие этого таинства. Но даже одно перо чудесно исцеляет, а потому Мария отчасти понимает свою хозяйку. Сначала она работала служанкой у матери юношей. Раньше девушка никогда не выполняла такую работу, и постепенно у нее формируются личные отношения с хозяйкой.

Последняя задача связана с освобождением от колдовства трех сыновей хозяйки. На этот раз процессия девушек из окрестных деревень с зажженными свечами должна трижды обойти вокруг камней. И ни одна свеча не должна погаснуть, прежде чем юноши будут расколдованы.

Здесь опять речь идет о большой группе женщин, как и в случае завистливых служанок. Мы не знаем, сколько именно девушек находится в каждой группе, но совершенно очевидно, что их взаимодействие является компенсаторным. Мария не только созывает птиц всего мира, но и собирает все доступные ей коллективные фемининные силы. Для этого важного финального действа они должны собраться вместе и сосредоточиться. Не только птицы, которые воплощают творческую фантазию бессознательного, но и вся фемининность, существующая в человеческом облике в бессознательном или в социуме, должна собраться и сформировать

[29] См.: Misterium Coniunctionis, гл. 3. М.: Рефл-бук, 1997.

процессию. Эта процессия должна трижды обойти вокруг камней. Во всех мировых религиях такое действо обладает магической силой, концентрируя все силы психики в одной точке.

В данном контексте горящие свечи явно связаны с католическими обрядами. Они представляют собой тот небольшой свет, который должен привнести каждый человек в решение проблемы. Процессия не является изобретением католической церкви. Подобные процессии были частью античных культовых обрядов, их использовали египетские жрецы и служители многих других мировых религий. Как правило, они связаны с идеей обновления и призваны вовлечь всех людей в религиозное действо. В древнем Египте на великом празднике Сета фараон покидал свой дворец, и люди несли позади него четырнадцать *изображений божеств* в виде штандартов. Он направлялся к храму, где участвовал в ритуале, похожем на ритуал смерти и возрождения. Эта процессия означала духовное обновление всего государства. Кроме того, египтяне, участвовавшие в этой процессии, несли к Нилу все имеющиеся у них статуи богов, омывали их в реке и таким образом осуществляли их обновление.

Во всех религиях боги живут в священных пещерах и храмах – таким образом они хотят несколько отделиться от людей, например, как король отделяется от народа в своем дворце. Боги живут в своих храмах, и время от времени с ними можно вступать в контакт, совершив жертвоприношение. Иначе с человеком может случиться беда. Именно поэтому время от времени эти великие силы появляются среди людей. Это архетипический мотив. Даже короли должны иногда совершать такое движение; благодаря ему они становятся *подвижными* – в психологическом смысле слова. Иначе король и все, что он символизирует, не сможет привести в движение свой народ.

Католические процессии также связаны с распределением благодати между всеми священными местами, где они останавливаются. В таких местах люди читают определенные молитвы и украшают статуи святых, например, распятие или статую Девы Марии. В подобных случаях даже Святого Духа переносят в скинии по улицам, тогда как обычно он пребывает в церкви, сохраняющей его таинство.

Участвовать в процессии – значит находиться в движении. Процессия также символически выражает идею о том, что коллективное бессознательное не является статичным. Оно постоянно

движется от одного места к другому. Движение бессознательного символически воплощается в идее процессии. Поэтому если в данном случае нужно исцелить оцепенение, процессия по самой своей сути должна быть направлена против магии; таким способом она возвращает жизни движение.

Итак, когда процессия девушек с горящими свечами в руках совершала обход вокруг камней, налетел порыв ветра и потушил свечу Марии. «Увы! – в отчаянии заплакала девушка. – Моя свеча погасла». В это время камни открылись и появились три брата. Младший из них сказал Марии: «Слава Богу, что ты это сказала. Теперь мы избавились от колдовских чар». Таково было условие избавления от колдовства: они от него освободятся, если человек, который сожжет эти гвоздики, заговорит рядом с камнями.

Этот мотив очень странный и вызывает недоумение. Обычно предполагается, что одного ритуального обхода с зажженными освященными свечами уже вполне достаточно, чтобы вернуть к жизни заколдованных сыновей. Здесь же получается, что ритуал, который является средством избавления от колдовства, был совершен неправильно. Следовательно, нам нужно обратиться к аналогам этой сказки.

Мне не удалось найти сказки, в которых ошибка в предписанном ритуале выполняет спасительную функцию, но я обнаружила одну сказку, в которой сакральные свечи играют негативную роль. Это северогерманская сказка «Три черные принцессы»[30]. В ней речь идет о том, что отец продал своего сына дьяволу. Дьявол забрал юношу с собой в ад, но по пути тому удалось убежать и скрыться в большом лесу на высокой горе. Гора разверзлась, и юноша попал в большой заколдованный замок, в котором все было задрапировано и покрыто черным. Ему явились три принцессы, одетые во все черное. Они сказали юноше, что заколдованы и только он может их освободить от злого заклятья. Он должен находиться рядом три года и ни разу не заговорить с ними. Юноша поклялся это сделать, но только после того, как сходит домой и навестит свою мать. Принцессы очень испугались, так как считали, что, навещая свою мать, юноша подвергается большой опасности. Но он все-таки отправился домой. Мать сказала ему, что здесь таится что-то недоброе и что он должен взять с собой освя-

[30] Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. литература, 1978, с. 393. – *Прим. переводчика.*

щенную восковую свечу, зажечь ее и капнуть принцессам на лица растопленным воском.

Вернувшись к принцессам, юноша последовал совету матери и капнул воском им на лица, когда они спали. И тогда принцессы стали наполовину черными, наполовину белыми и закричали на него: «Проклятый пес, наша кровь взывает о мести!.. У нас есть три брата, они скованы семью цепями, но разорвут их, а потом и тебя разорвут на куски!» Вдруг раздался страшный грохот, и юноша еле успел выскочить через окошко; он спасся, но сломал себе ногу. Замок тут же опустился под землю, за ним закрылась гора, и теперь никто не знает, что этот замок вообще был.

В данном случае вы видите, что использование освященных свечей для ритуального изгнания злых духов приводит к отрицательному результату. Мы можем догадаться, почему – потому что сказочному герою так посоветовала сделать его мать. Она не хотела допустить, чтобы ее сын освободил от заклятья фемининное начало, и, желая предотвратить это, использовала священный атрибут церкви. Можно сказать, что ее Анимус использовал церковные свечи для достижения своих эгоцентричных целей. Юноша отыгрывает свой материнский комплекс, и поэтому ему не удается изгнать злых духов.

Так происходит довольно часто: если неправильно совершать религиозный ритуал, то он вызывает негативные последствия и воздействует наподобие черной магии. Например, мне вспоминается одна девушка, у которой был очень сильный негативный материнский комплекс. Ее мать была настоящим драконом и очень пагубно на нее влияла. В раннем детстве девочке приснился следующий сон: она лежала на кушетке и вдруг услышала, как ее мать ходит в соседней комнате. Девочка встала и заглянула в дверную щель. Она увидела, как к ее матери приближается черный маг. А мать была ужасно набожной и каждый вечер перед сном читала Библию. Мать взяла Библию, стала ею защищаться от черного мага, и колдун исчез. Девочка проснулась вся в поту от ужаса, но не потому, что испугалась черного мага, – наоборот, она пришла в ужас, увидев, как мать участвовала в магическом действе.

Согласно этому сновидению, у матери был абсолютно дьявольский Анимус и склонность к самоубийству. Она постоянно говорила своим детям: «Я думала, что не выйду замуж и у меня не будет детей!» Так что можете себе представить, какой она была матерью!

Можно сказать, что мать состояла в тесной связи с дьяволом. Она все время боялась страшной гибели и использовала свою так называемую набожность для защиты собственного дьявольского Анимуса. По существу, набожность матери действительно служила ее дьявольскому Анимусу. И сновидение маленькой девочки, которой в то время было около трех лет, пыталось показать ей, какова была бессознательная подоплека отношения ее матери.

Нам важно отметить, что и в данном случае существует магическое действие, в котором позитивный религиозный символ используется в ложных целях. Поэтому его воздействие становится пагубным и ужасным. Есть китайская пословица, в которой этот феномен отражается очень точно: «Хороший инструмент в плохих руках работает плохо, тогда как плохой инструмент в хороших руках работает хорошо». Она также подтверждает, что христианское учение и христианское мировоззрение, а в нашем случае и христианский ритуал могут неправильно применяться либо в эгоцентричных целях, либо для того, чтобы избежать внутреннего конфликта. Тогда они выполняют точно такую же функцию, как черная магия. Таким образом, мы можем предположить, что в нашей сказке религиозная процессия и троекратный обход камней с горящими свечами, которые являются чисто христианскими ритуалами, имеют негативное содержание. Следовательно, порыв ветра, который тушит свечу, по сути, является освобождающим.

Ветер – одна из внешних форм проявления Святого Духа. Вспомним, что на Троицу Святой Дух снизошел в виде ветра, который наполнил всю комнату, а затем над головами апостолов появились нимбы. Святой Дух становится продолжением концепции *Руах-Яхве* – Духа Божия и отождествляется с Духом Божиим, который носился над водою, как сказано в Книге Бытия, стих 1[31]. В таком случае нам следует спросить себя: «В чем разница между ветром и горящей свечой?»

Очевидно, что горящая свеча связана с сознанием. Как правило, когда люди несут свечи или ставят их на могилу умершего человека (что до сих пор происходит во многих католических странах), свечи символизируют свет индивидуального сознания

[31] Клюгер Р.Ш. Глубинная психология в Священном писании. Идея избранного народа и другие эссе. М.: Инфра-М, 1999.

этого человека, словно таким образом люди хотят сказать: «Может быть, этот человек сохранит свой свет во мраке смерти». Это ритуальное действо имеет именно такой смысл. И когда в церкви вы зажигаете свечу, то тем самым показываете Богу, что готовы ему служить всеми силами своего индивидуального сознания – этого небольшого светоча, который вы проносите через мировую тьму.

Ветер же, наоборот, больше связан с вдохновением, с одухотворенным эмоциональным состоянием. Слово «вдохновение» (inspiration) произошло от латинского *spirare* – дышать. Это явление связано не столько с сосредоточением сознания, сколько с одухотворенностью, одушевлением, вдохновением, то есть движением под воздействием бессознательного, охваченным религиозным переживанием. Ветер исходит из бессознательного, а в некоторых ситуациях даже гасит свет сознания.

Теперь, наконец, мы вплотную подошли к объяснению того, почему трое юношей оцепенели и превратились в камни. При доминировании коллективного сознания, которое компенсируется этой сказкой, исполнение христианских ритуалов лишается одухотворенности и становится неким подобием механической магии. В этом заключается опасность всех ритуалов, основанных на конкретных действиях и предписанных молитвах: они становятся повторяющимися действиями, лишенными жизни, которые оказывают магическое воздействие. А затем люди начинают их бездумно воспроизводить, чтобы защитить себя от сил бессознательного.

Юнг часто отмечал, что церковный ритуал служит тому, чтобы защитить человека от внезапного воздействия коллективного бессознательного и потенциальной опасности, которая с ним связана. Но, несмотря на то, что ритуал чаще играет позитивную роль, порой она бывает и негативной. Когда ритуал становится автономным, привычное действие, которое бездумно повторяется, вступает в контакт с бессознательным. А если он слишком часто прерывается, то делается слишком формальным и механическим. И в этом смысле он становится антирелигиозным – то есть мешает человеку полностью погрузиться в религиозное переживание. В таком случае ритуал в буквальном смысле слова прерывает связь церкви со Святым Духом.

Раньше мы видели, что колдун, который опутал чарами трех юношей и превратил их в камни, был мастером оккультной черной магии – антипапой, теневой фигурой, символически воплощающей сознательную управляющую установку. Теперь мы можем видеть, в чем заключается ее воздействие. Это темная, теневая сторона христианской установки, которая привела к такому оцепенению, ритуализации содержания, которое больше не имеет никакого духовного смысла и отрезает человека от переживания бессознательного, вместо того чтобы перекинуть мост к нему. Именно поэтому, когда ветер *гасит* зажженную свечу, мы можем освободиться от колдовских чар. Это, так сказать, момент наступления тьмы – пауза в ритуале, в которую может проникнуть Святой дух. Обычно, когда в религиозном ритуале происходит движение по кругу, люди очень следят за тем, чтобы предотвратить такие паузы и промежутки, ибо считается, что в эти моменты может проникнуть дьявол. Но в данном случае в ритуал хочет проникнуть Бог или Святой Дух, который был отторгнут из-за того, что ритуал соблюдался чисто механически. Именно об этом говорит Мария, заплакав от отчаяния.

Человек, находящийся «в строгих рамках» институциализированной религии, испытывает огромное искушение бездумно принять все «истины», которые проповедуют религиозные деятели, позволив себе в повседневной жизни чисто механически воспроизводить соответствующие действа. Такой человек больше не ведет духовный поиск и не испытывает личных страданий, связанных с религиозными проблемами, ибо это уже совершили другие люди, жившие много лет тому назад. Такой человек просто верит в то, что ему говорят. Поступая таким образом, он может избежать сильных душевных страданий, ибо, задавая вопросы о Боге или о смысле жизни в процессе духовного поиска, он обязательно погрузился бы в глубину и испытал мучительные страдания. Именно поэтому люди часто вытесняют подобные вопросы. Как говорится в одной христианской пословице, «чтобы стать хорошим человеком, оставь Бога в покое». Они не трогают Бога и не задают «жгучих» вопросов о том, кто Он, и как мы, самые обыкновенные люди, можем с Ним соединиться.

Свеча Марии погасла, и это стало для нее знаком, указывающим на то, что для нее значило пройти через муки отчаяния. Через это страдание она должна обрести новую жизнь, новую сознательную установку. Ее психологические страдания избавили от заклятия трех заколдованных юношей.

Теперь мать и три ее сына обрели счастье. Мария вышла замуж за младшего, так как полюбила его, и простила служанок, ко-

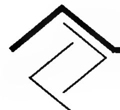
торые ей завидовали. Таким образом происходит соединение противоположностей, которое часто становится завершением многих сказок: объединение сознания и бессознательного. Темная сторона психики и ее светлая сторона соединяются, а темная сторона даже в какой-то мере интегрируется, так как злых служанок прощают и не наказывают.

Как и во всех сказках, это *является* решением, но его вряд ли можно назвать превосходным. Как во многих других сказках, сначала появляется ощущение, что это прекрасное решение. Но затем оно начинает вызывать у нас недоумение. Мы недоумевали от развязки предыдущей сказки и то же самое испытываем сейчас, ибо со злым колдуном так ничего и не случилось! По существу, окончание этой сказки является даже еще более искусственным, чем окончание датской сказки о злом тролле, ибо там, по крайней мере, тролль был убит и с помощью его крови удалось освободить от злых чар заколдованных им людей. Но в данном случае колдун, который в сказке так не появляется, а только упоминается, благоразумно остается на заднем плане. Таким образом, можно ожидать, что в любом удобном случае он снова протянет свою лапу.

Иначе говоря, в данном случае происходит воссоединение ритуальной религиозной установки с некоторыми индивидуальными аспектами личности: эмоциональной сферой человека и его духовностью. Но проблема зла по-прежнему остается нерешенной; более того: неизвестен даже путь ее решения. Мы лишь скользнули по ее поверхности. Глубинная проблема никогда не находит своего разрешения: именно об этом свидетельствует прощение злых служанок. Меня бы нисколько не удивило, если бы они снова стали завидовать и творить зло.

Исторически эта ситуация соответствует периоду францисканской реформации католической церкви. Во времена Франциска Ассизского церкви угрожала серьезная опасность абсолютного вырождения, превращения в чисто формальный институт, а также скрытого доминирования черной магии и борьбы за власть. Введенные Св. Франциском Ассизским законы способствовали ее реформации и очищению: восстановилась связь с одухотворенностью Святым Духом и непосредственным религиозным переживанием. Но и в данном случае проблема зла тоже, по существу, осталась нетронутой. Образно говоря, францисканцы вернули церкви душу, но по-прежнему не обратили внимания на проблему зла. Они только вскользь коснулись ее.

Такие движения возникают снова и снова, и у меня нет ни малейшего намерения очернять их. В сказке «Три гвоздики» показано чрезвычайно позитивное компенсаторное развитие, направленное к существующему коллективному сознанию. Вместе с тем всегда существует то самое «но», которое мы ни при каких обстоятельствах не должны упускать из виду.

Отвергнутая принцесса (Китай)

Сейчас мы совершим очень большой прыжок и окажемся в Китае. Эта сказка взята из сборника Ричарда Вильгельма, который одновременно является его издателем. Сказка называется «Отвергнутая принцесса»[32].

Во времена династии Тан жил один человек по имени Лю И, которому не удалось пройти испытание, чтобы стать врачом. Поэтому он решил вернуться домой. Он проскакал миль шесть или семь, как вдруг на поле внезапно вспорхнула птица. От неожиданности его лошадь отпрянула в сторону, а потом понесла и проскакала десять миль, пока ему не удалось ее остановить. Когда лошадь успокоилась, Лю И оглянулся и совсем недалеко увидел женщину, которая пасла овец на склоне горы. Женщина была очень красива, но ее лицо выражало глубокую печаль.

Лю И спросил ее, что случилось. Она заплакала и сказала:

– Судьба отвернулась от меня. Но так как ты проявил ко мне доброту, я тебе все расскажу. Я младшая дочь короля-дракона озера Дантин и замужем за вторым сыном короля-дракона Гин Чу. Мой муж был очень легкомысленным человеком: спутался со злой служанкой и выгнал меня из дома. Я пожаловалась свекру и свекрови, но они так слепо любили своего сына, что ничем мне не помогли, а наоборот, отправили пасти овец.

Женщина снова заплакала и продолжила свой рассказ:

– Озеро Дантин находится очень далеко отсюда, но, насколько мне известно, по дороге домой ты будешь мимо

[32] MDW, "Chinesische Volksmärchen", No 53 (Jena: Diederichs, 1919).

него проезжать. Сможешь ли ты передать письмо моему отцу? Или ты этого не сделаешь?

Лю И ответил:

– Твой рассказ глубоко меня тронул, и если бы у меня были крылья, я улетел бы вместе с тобой. Конечно, давай свое письмо, я передам его твоему отцу. Но озеро Дантин очень большое. Как мне его найти?

Она ответила:

– На южном берегу озера растет апельсиновое дерево. Люди называют его священным. Когда ты до него доберешься, сними с себя пояс и оберни его три раза вокруг ствола апельсинового дерева, и тогда кто-нибудь появится и проводит тебя. Скажи отцу, как велико мое отчаяние.

Женщина достала из своих одежд письмо и отдала его Лю И. Затем она поклонилась ему и обратила лицо к востоку. Лю И заплакал. Он взял письмо и, уезжая, спросил ее:

– Я не знаю, почему ты должна пасти овец. Разве боги овец не убивают?

– Это не обычные овцы, – ответила она, – это слуги дождя.

– А что значит слуги дождя?

– Это бараны грома, – ответила женщина.

Когда Лю И внимательнее посмотрел на овец, он увидел, что это действительно очень гордые и красивые животные, совсем не похожие на обычных овец. Он отправился в путь, но, уезжая, добавил:

– Если когда-нибудь ты в радости вернешься домой в Дантин, не считай меня больше чужим человеком.

Женщина ответила:

– Как же я смогу считать тебя чужим? Ты будешь моим лучшим другом.

И на этом они расстались.

Спустя месяц Лю И добрался до озера Дантин, нашел на берегу апельсиновое дерево и сделал все, как ему было сказано. Как только он трижды обернул свой пояс вокруг дерева, из озера вышел воин и спросил:

– Откуда ты взялся?

Лю И ответил:

– У меня есть важное послание королю.

Воин сделал ему знак, потом подал знак, повернувшись к озеру. Тут же прямо из воды появилась твердая дорога, и воин по ней повел Лю И вглубь озера. Там он увидел дворец дракона, в котором была тысяча дверей. Вокруг дворца цвели чудесные цветы и росли диковинные травы.

Воин привел Лю И в огромный зал, дал знак отойти в сторону и попросил подождать. Лю И спросил:

– Где я нахожусь?

Воин ответил:

– Это зал для гостей.

Лю И посмотрел вокруг и увидел много драгоценных камней и всяких сокровищ из мира людей. Колонны в этом зале были сделаны из яшмы, кресла из коралла, а занавеси из хрусталя. В зале стоял странный запах и, казалось, что все пространство постепенно переходило в темноту.

Лю И долго ждал появления короля. Воин сказал ему, что в данный момент его величество вместе со жрецом солнца находится в коралловой башне и обсуждает Священную Книгу Огня, но скоро должен вернуться.

– А что такое Священная Книга Огня? – спросил Лю И.

Воин ответил:

– Его величество – дракон. Драконы являются великими благодаря силам воды. Одной волной они могут накрыть все горы и долины. Жрец солнца – человек. Величие жрецов заключается в силе огня. Одной свечой они могут поджечь величайшие дворцы в мире. Огонь и вода постоянно борются между собой, потому что у них разная сущность. Поэтому сейчас их величество беседует со жрецом: они хотят сделать так, чтобы огонь и вода дополняли друг друга.

Не успели они закончить разговор, как в зал вошел мужчина в пурпурном облачении. Воин сказал:

– Это мой господин.

Лю И поклонился ему, и король-дракон спросил:

– Похоже, ты простой смертный? Зачем ты сюда явился?

Лю И назвал себя и ответил:

– Я был в столице, хотел стать врачом, но не прошел испытание. А когда я проезжал реку Гин Чу, то увидел вашу

прекрасную дочь, которая в дикой степи пасла овец. Ее волосы развевались на ветру, а одежды были мокрыми от дождя. Она пребывала в глубокой печали. Она рассказала мне, что муж выгнал ее из дома, и плакала. Она попросила меня передать вам письмо. Поэтому я оказался здесь.

Он отдал королю письмо. Прочитав его, тот сказал:

– Это я во всем виноват. Я нашел ей плохого мужа. Я хотел, чтобы моя дочь рано вышла замуж, а теперь вижу, что это сделало ее несчастной. Я тебе очень благодарен.

Он заплакал, и все присутствующие заплакали вместе с ним. И даже спустя некоторое время еще можно было услышать плач, который раздавался и за стенами дворца.

Тогда король испугался и сказал одному из своих слуг:

– Пойди к ним и скажи, чтобы они не плакали так громко, потому что их плач может услышать Цзян Тан.

– А кто такой Цзян Тан? – спросил Лю И.

– Это мой любимый брат, – ответил король-дракон. – Раньше он был правителем реки Цзян Тан, но недавно его сместили.

– А почему он не может слышать плача?

– Он такой буйный, поэтому я боюсь, что если он услышит, может случиться великая катастрофа – как, например, потоп, который он вызвал много лет назад. В то время мой брат разгневался на Императора Небес, поэтому вызвал потоп, который затопил пять высоких гор и продолжался целых девять лет. За это господин на него разозлился, и с тех пор он остается прикованным к тополю в моем дворце.

Но как только король рассказал об этом, послышался ужасный гром, который разорвал небо на части. Затряслась земля, весь дворец заходил ходуном, и появился красный дракон. У него была тысяча ног, горящие глаза, язык и шкура цвета алой крови и ярко-огненная борода. Он тащил за собой колонну, к которой был прикован. Затем раздался раскат грома, и он улетел на небо.

Лю И от страха упал на пол, но король помог ему подняться и сказал:

– Не бойся. Мой брат в ярости полетел к Гин Чу, и скоро мы узнаем хорошие новости.

И он устроил праздничный обед. Снова установилась хорошая погода, и они прекрасно провели время.

Вдруг во дворец вошел молодой человек в пурпурных одеждах и высокой шляпе. В руке у него был меч. Он казался очень смелым и мужественным, а за ним шла девушка неземной красоты. Увидев ее, Лю И сразу узнал в ней принцессу, дочь дракона, которая повстречалась ему по пути. Ее встретили очень хорошо, а она представила всем молодого человека, который стоял с ней рядом:

– Это Цзян Тан, мой дядя.

[Иными словами, свирепый дракон, который улетел на небо, превратился в молодого человека, который вернул свою племянницу ее отцу, во дворец короля-дракона.]

Король спросил его:

– Ты убил этого ужасного дракона? [Он имел в виду мужа принцессы.]

– Да, конечно!

– А сколько людей ты погубил?

– Шестьсот тысяч человек.

– А сколько загубил полей и угодий?

– На протяжении восьмисот миль!

– А что случилось с ее злым мужем?

– Я его съел.

Тогда король сказал:

– Никто не смог бы вытерпеть то, как вел себя легкомысленный муж моей дочери, но ты поступил с ним слишком жестоко. Впредь ты не должен так себя вести.

И Цзян Тан пообещал ему больше так не делать.

Вечером во дворце состоялся чудесный пир, на котором было великое множество разных блюд и напитков, а также всевозможных развлечений. Лю И получил много драгоценных подарков из жемчуга, кораллов и нефрита, а кроме того, его потчевали разными винами. На этом празднике Лю И находился в центре внимания, он учтиво принимал подарки и был очень счастлив и благодарен. Когда пир закончился, он остался спать во дворце, полном застывшей роскоши.

На следующий день состоялся другой пир, но Цзян Тан все еще был немного пьян, а потому не слишком сдержан в поведении. Он сказал Лю И:

– Дочь дракона озера очень красива. Муж выгнал ее из дома, и теперь ее брак распался. У нее должен быть другой муж. Если хочешь получить выгоду, можешь на ней жениться. Если же ты не захочешь на ней жениться, то можешь идти домой, но если мы снова встретимся, я не скажу тебе ни слова и сделаю вид, что даже не знаю тебя.

Лю И был очень раздражен тем, как высокомерно обратился к нему Цзян Тан. Кровь ударила ему в голову, и он ответил:

– Я привез сюда письмо принцессы, потому что мне стало ее жалко, а не для того, чтобы получить выгоду. Порядочному человеку не подобает убивать мужа женщины, а ее уносить из дома. Кроме того, я обыкновенный человек, поэтому скорее умру, чем сделаю так, как ты говоришь.

Цзян Тан встал и смиренно извинился. Даже король-дракон умолял Лю И простить эту бесцеремонность, и больше никто из них не заговаривал о свадьбе. На следующий день, когда пришло время Лю И уезжать домой, дракон озера устроил в его честь еще один пир. А королева сказала ему:

– Моя дочь очень благодарна вам, но сейчас мы не можем отплатить вам добром за добро. Нам очень жалко, что вы нас покидаете.

Затем она приказала принцессе поблагодарить Лю И. Принцесса сказала:

– Неужели мы с тобой больше никогда не увидимся?

И заплакала. Лю И был в гневе и сопротивлялся Цзян Тану, но, увидев слезы прекрасной принцессы, он почувствовал невероятную жалость. И все-таки повернулся и уехал.

Когда Лю И вернулся домой, оказалось, что благодаря сокровищам, которые ему подарили в замке, он стал богаче всех своих соседей, хотя большую их часть он уже продал или потратил. Он два раза женился, и обе его жены почти сразу же умерли. Поэтому теперь он жил один в самой столице.

Лю И захотел жениться третий раз, и сваха сказала ему, что на севере живет одна вдова, у которой есть прекрасная дочь.

– Ее отец был даосом.

[К тому времени ее отец унесся в облака и не вернулся.] Они жили в большой бедности, но девушка была очень красивой. Лю И был счастлив. Быстро устроили свадьбу. А вечером после свадьбы, когда невеста сняла с себя вуаль, он увидел, что она очень похожа на дочь дракона. Он спросил девушку, действительно ли она *была* дочерью дракона, но та лишь улыбнулась и ничего не ответила.

Спустя год она родила сына. На следующий день после его рождения она сказала мужу:

– Теперь я тебе открою всю правду. Я – принцесса озера Дантин. Когда ты отказался от предложения, которое тебе сделал мой дядя, от тоски по тебе я заболела и чуть не умерла. Мои родители хотели тебя позвать, но побоялись, что ты будешь потрясен от самой мысли, чтобы иметь от меня детей, потому что я дочь короля-дракона. Поэтому родители одели меня в обычную одежду и все устроили так, чтобы я вышла за тебя замуж. До этого момента я не решалась открыть тебе правду, но теперь, после того, как я родила тебе сына, надеюсь, что твоя любовь к нему перейдет и ко мне, его матери.

Лю И словно очнулся от глубоко транса и был очень счастлив. С тех пор они очень любили друг друга. Но однажды его жена сказала:

– Если ты хочешь жить со мной всегда, мы должны покинуть мир людей. Мы, драконы, живем десять тысяч лет, и нужно сделать так, чтобы мы старели одинаково. Поэтому, пожалуйста, давай вернемся в озеро Дантин.

Прошло десять лет. Никто не знал, куда исчез Лю И. Но однажды один из его двоюродных братьев случайно пришел на озеро Дантин. Вдруг из воды выросла голубая гора. Все рыбаки, находившиеся на озере, сказали:

– В этом месте нет никаких гор. Наверное, это водяной.

Когда они это говорили и оглядывались вокруг, из недр голубой горы появился корабль, с борта которого на воду спустили маленькую шлюпку. Вдоль бортов шлюпки сидели феи, а посередине стоял мужчина. Это был Лю И. Он помахал рукой своему двоюродному брату и позвал его в шлюпку. Как только тот оказался в шлюпке, она повернула назад и скрылась внутри горы, на вершине которой оказался великолепный дворец. Внутри дворца с роскошным убранством, сверкавшим всеми цветами радуги, в окружении музыкантов находился Лю И. Поздоровавшись с двоюродным братом, Лю И сказал:

– Разница в возрасте между нами составляет всего несколько минут, а у тебя уже седые волосы.

На что двоюродный брат ответил:

– Ты – благословенный бог, а я простой смертный. Такова моя судьба.

Тогда Лю И дал брату пятьдесят горошин и сказал:

– Каждая горошина будет продлевать твою жизнь на год. Когда эти годы кончатся, покинь земную жизнь, полную отчаяния и скорби, и возвращайся сюда.

Он отправил своего брата обратно через озеро, а сам исчез. Двоюродный брат Лю И вернулся в мир людей, но через пятьдесят лет, когда съел все горошины, тоже исчез, и с тех пор его больше никто никогда не видел.

Как видите, это очень хорошо продуманная, весьма изысканная история, то есть типичная китайская сказка. Читая ее, невольно испытываешь очарование. Эту сказку вообще нет необходимости интерпретировать, ибо все нюансы говорят сами за себя, а потому я сосредоточу внимание только на ее основной структуре.

В ней главным героем является мужчина, который не прошел профессионального испытания. Ни в одной другой сказке я не сталкивалась с таким эпизодом, но в Китае, для того чтобы занять высокий государственный пост, необходимо было иметь высокое образование и выдержать очень строгие экзамены. Человек должен был учиться много лет, прочувствовать и понять сердцем все классические книги и т.д. Только выполнив все это и сдав очень трудные экзамены, студент мог стать соискателем высоких постов и должностей при императорском дворе или в армии.

Провалив экзамены, Лю И закончил свою социальную карьеру. Ему оставалось лишь уволиться с государственной службы и жить как частное лицо (если у него были деньги) или же он мог стать чиновником низшего разряда. Среди сказок других стран можно найти аналоги, в которых герой тоже оказывается в самом низу социальной лестницы. Например, он может быть

самым младшим сыном, которого считают глупцом. Или, например, существует много европейских сказок, в которых главным героем является солдат-дезертир: он был на военной службе, потом она ему надоела, и он дезертировал из армии. Таким образом, он стал человеком вне закона, который не знает, куда ему пойти и к кому обратиться. Встречаются сказки про солдата, которого ранили, а потом уволили из армии из-за негодности к военной службе. Этот искалеченный солдат ходит по миру без гроша кармане, пока не попадает в волшебный мир, в котором становится великим героем.

Здесь можно сразу обнаружить разницу между самим архетипом и архетипическим образом. Архетипический образ героя – это образ социального неудачника, но в каждой стране он имеет свои характерные черты, которые отличают его от неудачников из других стран. Однако за этими характерными чертами скрыта основная структура, общая для всех.

В данном случае человек попадает в тупик и не знает, как из него выйти. Как отмечает Юнг, так обычно и бывает в самом начале индивидуационного процесса. Все происходит так, словно бессознательное специально заставляет потерпеть полную неудачу тех, кто призван стать героем и достичь более высокого уровня осознания или решить особую внутреннюю проблему. Поэтому провал Лю И на экзамене указывает на этот зов бессознательного, то есть на то, что ему предназначено совершить некое внутреннее странствие.

Можно представить себе всю глубину отчаяния молодого человека, лишившегося социальной карьеры. Когда он возвращается домой, с поля взлетает птица, которая пугает его лошадь, и та в испуге скачет без остановки десять миль – разумеется, не в том направлении, куда ему нужно.

В появлении этой птицы следует видеть предзнаменование. Как известно, неожиданное появление птиц или их необычное поведение – знак, исходящий от богов. Например, римские легионеры предпочитали разбивать лагерь именно в том месте, над которым кружил орел, особенно неподалеку от орлиного гнезда. А при наблюдении за птицами важно замечать, как и откуда подлетает птица – справа или слева, где она летает кругами, где садится и т.п. Знание всех этих особенностей у этрусков было частью целой науки, у древних римлян наблюдение за птицами также считалось наукой. То же самое относится и к германской цивилизации: вороны Вотана должны были что-то вещать, появление орла как-то истолковывалось и т.д. В Китае были свои приметы: например, если человек видел летящего дикого гуся, это считалось хорошим знаком.

В нашей сказке неизвестно, какая именно птица неожиданно взлетела, но мы точно знаем, что ее появление – это типичный знак, исходящий из бессознательного. Образно говоря, птица служит воплощением внезапного появления определенной интуитивной мысли. Лошадь Лю И испугалась внезапного появления некоего духовного содержания.

Нечто подобное случается очень часто: людей приводит в ужас первый намек на то, что бессознательное *реально существует*. Юнг часто приводил сон одного профессора теологии, который стал проходить у него анализ. В одном из своих первых сновидений тот увидел, что идет через лес к темному озеру. Оно совершенно спокойно и находится в полном мраке. Внезапно налетает порыв ветра, поверхность озера покрывается мелкой рябью и по ней бегут небольшие волны. Профессор проснулся, крича от ужаса, а затем прекратил анализ. Его паника оказалась слишком сильной.

По мнению Юнга, то, что происходило во сне, было похоже на чудо озера Бечеда*, на явление Святого Духа. Это наводит на мысль о том, что теолог был глубоко тронут и очарован. Совершенно очевидно, что этот человек любил порассуждать о таких вещах, но пришел в смятение, столкнувшись с ними в реальности.

Другой случай, о котором рассказывал Юнг, произошел с мужчиной, который не мог заставить работать свое воображение. Он вообще не мог приблизиться к бессознательному. Наконец, после трех недель бесплодных попыток у него возникло видение козерога – дикого горного козла. Здесь, в Швейцарии, это особенное животное. Когда у мужчины возникло видение козерога, Юнг сказал: «Все в порядке, очень хорошо. Теперь посмотрите на этого козерога. Обратите внимание на то, как он себя ведет». Но козерог не двигался. Каждый раз, приходя на анализ, мужчина говорил, что он смотрел на козерога, но тот не двигался с места. Но однажды в полночь у Юнга зазвонил телефон, и когда он взял трубку, то услышал, как голос, полный ужаса, произнес: «Козерог пошевелил головой!»

* Бечед – верховный бог аварцев. – *Прим. переводчика.*

У мужчины началась страшная паника. Он прекратил работать с активным воображением, и ничто не смогло заставить его продолжать эту работу. Как видите, ситуация может оказаться очень жестокой: содержание, которое, как казалось человеку, должно существовать только в его воображении, стало действовать автономно. Не смейтесь! Немало людей попадали в подобные ситуации. Когда бессознательное становится реальным и проявляется, как привидение, люди испытывают сильный страх.

Во всяком случае птица, испугавшая лошадь Лю И, была порождена бессознательным, чтобы устроить его встречу с принцессой-драконом, которую он увидел в облике женщины, пасущей овец.

В Книге Перемен «И Цзин» есть гексаграмма, которая может трактоваться так: «Летящая птица приносит весть»*, поэтому в Китае, как и во всем остальном мире, летящая птица символизирует весть. И в нашей сказке именно птица приносит Лю И первую весть. Не сдав экзамены, он возвращается домой в подавленном состоянии духа, а теперь из бессознательного навстречу ему приближается его истинная судьба. Как только лошадь Лю И остановилась, он сразу же повстречал принцессу-дракона, пасущую овец. От нее он узнал, что это не обыкновенные овцы, а «слуги дождя» и «бараны грома». Ответ достаточно странный, и Лю И задает вопрос: «А что значит слуги дождя?» Принцесса отвечает, что они бараны грома, и на этом ее объяснение заканчивается. Это очень красиво, потому что похоже на сон. Вот так происходит в сновидениях: вы задаете человеку вопрос, касающийся какой-то загадки, и получаете еще более таинственный ответ. Во сне это вас вполне удовлетворяет, но, проснувшись утром, вы снова не можете найти объяснения. Так мы обнаруживаем, что Лю И уже начал соскальзывать в мир сновидений.

Интересно отметить, что в том же сборнике есть другая сказка о принцессе-драконе, которая просит у человека помощи. В той сказке случилось страшное бедствие, и одному горожанину пришлось судить множество людей, которые в это тяжелое время занимались мародерством. Но однажды, сидя в кресле судьи, он заснул крепким сном. И тогда ему на помощь пришла принцесса-дракон. Кто-то ранил ее, и судья собрал сильную армию и победил врагов принцессы-дракона. Сказка продолжается еще на нескольких страницах, а потом вдруг обрывается: мужчина внезапно проснулся! Таким образом, в самом конце мы узнаем, что сказку нам рассказывали как сон. Сказка про Лю И не рассказывается как сон, но она словно вводит нас в мир сновидений.

* И Цзин. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001, с. 46. – *Прим. переводчика.*

Перейдем к символическому смыслу дракона, который имеет ключевое значение на протяжении всей сказки. В отличие от европейской мифологии, дракон в Китае является положительным образом. Он воплощает Ян – мужское начало космического миропорядка. Он символизирует творчество, динамику, силы движения и осознания. Именно поэтому дракон присутствует во всех символах энергии, особенно электрической. Когда дракон летит по небу, начинается гроза. Дракон является причиной всех явлений природы и природных аномалий; в нашей сказке это брат короля-дракона Цзян Тан, который заставляет идти дождь и град, вызывает гром и молнии. Он символизирует все творческие, но вместе с тем и опасные силы, которые существуют в природе.

В Книге Перемен «И Цзин» дракон относится к триграмме «Цинь» – небо. На первой гексаграмме – «Творчество» каждая черта говорит о драконе: первая черта – это нырнувший дракон, вторая черта – дракон, который появляется на поле, на пятой позиции дракон, полный сил, летит в небе и т.д. А к самой нижней позиции дается такое толкование: «Возгордившийся дракон. Будет раскаяние»[33]. Это единственная черта на первой гексаграмме, дающая негативное толкование образа дракона, где он символизирует огромную силу, которая зашла слишком далеко, то есть речь идет об инфляции мужского начала. (Дракон не раскаивается из-за отсутствия феමининного начала, которое появляется только на второй гексаграмме.)

Высокомерие дракона проявляется и в нашей сказке. Вспомните о том, как ведет себя дядя принцессы и брат короля-дракона после пиршества, на котором он выпил лишнего; как он высокомерно и пренебрежительно обращается к нашему герою и как его поведение вызывает сопротивление и протест у Лю И. Но, с другой стороны, драконы чрезвычайно великодушные божества. Они являются покровителями рек, озер и таких явлений природы, как дождь, снег и гроза.

В Китае и других странах овцы также ассоциируются с облаками. Есть даже такое выражение – «кудрявые облака»; в сказках

[33] И Цзин, с. 13.

братьев Гримм они называются *Lammen Völkchen* – «овечьи облака». Здесь главная идея заключается в том, что плывущие по небу облака похожи на стадо овец. Еще одним интернациональным мифологическим образом являются тучи или грозовые облака, которые ассоциируются с баранами. Таким образом, принцесса-дракон демонстрирует, что даже в том унизительном и плачевном положении пастушки, в котором девушка оказалась, она по-прежнему сохраняет свою функцию и статус природной богини. Принцесса рассказывает нашему герою Лю И, что она вышла замуж за второго сына короля-дракона Гин Чу и что муж предпочел ей злую служанку. Муж отверг ее, а родители мужа послали отвергнутую невестку пасти овец. Позже нам становится известно, что она вышла замуж за принца Гин Чу по совету своего отца, который, руководствуясь ложными соображениями, настоял на этом неудачном браке.

Сначала такое содержание кажется совершенно не похожим на основную структуру европейских и восточных сказок, но чуть позже мы убедимся в сходстве структуры, если внимательнее вчитаемся в сказку.

В других странах есть много сказок, в которых отец в глубине души не хочет отдавать свою дочь замуж, а потому выдвигает ее будущему мужу тяжелые и необычные условия. Например, в туркестанской сказке «Волшебная лошадь»[34] отец откармливает вошь, пока та не достигает размеров слона. Затем он убивает ее, и из шкуры шьет обувь. Потом ставит следующее условие: «Только тот, кто сможет догадаться, из какой кожи сделана эта обувь, получит в жены мою дочь». На этот вопрос не мог ответить ни один человек, зато у него во дворце оказался злой дух, который питался людьми. Он догадался, что обувь сделана из шкуры вши, и получил в жены принцессу. Некоторые короли запирали своих дочерей в медную башню или башню из слоновой кости и т.п. Они загадывали загадки, которые должны были отгадать претенденты на руку дочери. Но поступали они так, втайне надеясь помешать своей дочери вообще выйти замуж.

Следует сказать, что наш король-дракон ведет себя совершенно иначе. Он лишь сказал о том, что захотел выдать замуж свою дочь слишком рано, поэтому у нее возникли неприятности. Как правило, свадьбу в Китае устраивали исключительно на основе социального соглашения между семьями жениха и невесты. Это соглашение всегда достигалось с учетом фактора власти, денег и с помощью интриг. В данном случае отец испортил жизнь своей дочери главным образом из-за своего участия в политической интриге: весьма вероятно, что он хотел установить родственные связи с семьей Гин Чу. Поэтому принцесса, как и Лю И, стала жертвой социальной катастрофы: он провалился на экзамене, она – вследствие неудачного брака. Принцессам запрещалось делать карьеру так, как обычные люди, поэтому ее лишили королевского статуса и изгнали из озера ее свекра короля-дракона. Несмотря на то, что она оказалась в униженном положении в мире людей, это положение возвеличивало ее в мире богов.

Таким образом, мы видим действие компенсации: отчуждение от мира человеческого сознания в направлении бессознательного компенсируется движением от бессознательного состояния к осознанию. В некоторых европейских сказках принцессам, к которым так же плохо относились их отцы, встречался простой карлик, который принадлежал к самому низкому социальному слою; затем этот карлик избавлял принцессу от колдовства и становился принцем. В таких сказках мы тоже сталкивались с «встречным» движением: понижением уровня сознания в направлении бессознательного и одновременным движением от бессознательного к осознанию. Второе направление движения в нашей сказке проявляется в том, что принцессу-дракона изгоняют из королевства Гин Чу.

Теперь нам следует обратить внимание на то озеро, из которого принцесса появилась, то есть на ее родной дом. В другой сказке, которая называется «Принцесса-дракон» (в том же самом сборнике), один рыбак проваливается в глубокую трещину в земле, попадает в подземную пещеру и надолго исчезает из мира людей. В этой пещере он живет вместе с драконами, питаясь зелеными водорослями, которые по вкусу напоминают рис. Вернувшись в мир людей, рыбак рассказывает о том, что с ним случилось. Его рассказ вызывает интерес у китайского императора, который спрашивает совета у мудреца, и тот объясняет, что произошло. У этой подземной пещеры есть четыре коридора или туннеля. Первый туннель ведет к юго-западному берегу озера Дантин. Второй – к долине четырех ручьев. Третий выходит на поверхность в одной горной долине, а четвертый – на острове в Восточном море.

[34] MDW, “Märchen aus Turkestan und Tibet”, no 9 (Jena: Diederichs, 1923).

Как видите, есть подземная пещера, которую подземный туннель соединяет с озером Дантин. Далее, в море есть остров, который типологически соответствует четвертой функции, существующей отдельно от остальных. Еще есть горы и долина. То есть имеют место противоположности: огонь, вода, равнина, гора. В одном случае – заполненная водой трещина в твердой земле; в другом – остров посреди моря. Таким образом, у нас получилась подземная разновидность структуры мандалы, и в соответствии с китайским образом мысли озеро Дантин находится на одном из ее концов.

В датской сказке о принцессе и золотых туфельках мы сталкивались с похожей структурой, в которой были четыре разных королевства; существует и много других подобных сказок. Четыре королевства символизируют четыре «отделения» или области бессознательного. Правда, китайские королевства находятся в воде; они не похожи на страны, в которых живут люди. Таким образом, они относятся к четверичной структуре Самости. Поэтому можно считать, что на берегу озера Дантин Лю И повстречался с неким аспектом архетипа Самости.

Я пропустила часть содержания сказки, чтобы показать общую структуру, но, как мы увидим позже, беда случилась не только на озере Гин Чу, где злой муж выгнал из дома принцессу-дракона; великое несчастье случилось и на озере Дантин. Вспомним, что в то время, когда Лю И прибыл во дворец, король вместе со жрецом солнца находился в коралловой башне и обсуждал с ним серьезную проблему. Жрец солнца был человеком, а не духом и не драконом. Они говорили о Священной Книге Огня, обсуждая, как они могут примирить огонь и воду.

Таким образом, оказывается, что существует еще более серьезная – космическая проблема, которая намного глубже проблемы отвергнутой принцессы-дракона, а именно – проблема борьбы воды и огня. А это значит, что нам следует узнать, что символизируют в Китае огонь и вода.

В книге «И Цзин» вода представлена триграммой «Кань. Бездонное», о которой говорится:

> «Триграмма *Кань* означает погружение. Сильная Ян-черта помещена между двумя слабыми Инь-чертами, как поток, который мчится меж обледенелых берегов. Триграмма Кань также обозначает среднего сына... Это образ воды, которая сходит сверху, течет по земле потоками и в реках, давая начало всей жизни на земле»[35].

Следовательно, движение воды также похоже на дракона, который символизирует движение:

> «В мире людей *Кань* воплощает сердце, запертую в теле душу, скрытый в темноте свет – то есть разум. Сама гексаграмма имеет дополнительное значение «Повторная опасность». Таким образом, гексаграмма означает объективную ситуацию, к которой следует привыкнуть, а не субъективное отношение. Ибо опасность субъективного отношения вызывает либо безрассудство, либо коварство. В качестве символа опасности здесь тоже используется бездна; находясь в такой ситуации, человек похож на воду в ущелье и, как вода, может избежать опасности, если будет вести себя правильно»[36].

Прочитав комментарии ко второй части «И Цзин»[37], вы увидите, что *Кань* означает также сердечную болезнь или плохой слух. Она связана с темной страстью и с опасностью страстной натуры, а говоря на языке психологии – с динамической, творческой стороной бессознательного, а также с ее ужасной близостью к инстинктам и страстям.

Триграмма огня *Ли* выявляется в «И Цзин» на гексаграмме 30*, которая называется «Крепкая хватка». Если *Кань* является маскулинной фигурой, вторым сыном в семействе небесных триграмм, то огонь в изображении триграммы *Ли* является фемининным. Это означает приспособляемость, зависимость, а также покой и сияние. Но на китайском языке *Ли* имеет гораздо больше значений – в частности, порядок, но не в смысле рационализма, как привыкли считать мы, а в смысле упорядоченности природы. В китайской культуре идея «порядка» связана не с тем упорядочиванием, которое человеческое сознание производит с природой, а с тем порядком, который оно извлекает из природы или считывает с нее. Таким образом, это порядок, присущий таинству природы.

Триграмма *Ли* связана с понятием *паттерна или структуры*, и одним из самых древних паттернов или структур, в которых

---

[35] «И Цзин», с. 114–115.
[36] Там же, с. 115.
[37] Там же, с. 277–278.
* «И Цзин», с. 235. – *Прим. переводчика.*

китайцы выявили порядок, была поверхность панциря черепахи. Панцирь черепахи представляет собой грубую мозаику, состоящую из маленьких квадратов, и если положить его на огонь, он трескается вдоль границ составляющих его квадратов. В соответствии с треснувшим на огне панцирем черепахи китайские священники предсказывали будущее и сообщали человеку, что ему следует делать. Такова была древняя форма предсказаний, которая существовала задолго до стеблей тысячелистника, о которых упоминает «И Цзин». Исторически это самая древняя форма предсказаний, существующая в Китае, и структура на поверхности панциря черепахи тоже называется «*Ли*».

Итак, *Ли* представляет собой тот таинственный природный паттерн, в который вы можете вложить пламя своего участия и своего интереса. И когда вы это сделаете, данная структура треснет и укажет вам конкретный путь. «Темная линия держится за две светлых линии, одна из которых находится сверху, а другая снизу»[38]. Отлично, мы уже знаем, что такую же структуру имеет *Кань* – знак воды. Но, соединившись с *Ли*, *Кань* становится

> «образом пустого пространства между двумя сильными чертами, там, где две сильные черты становятся сияющими. Триграмма символизирует среднюю дочь. Творческое поглощает центральную черту Принимающего, и таким образом развивается *Ли*. В образном представлении это огонь. Огонь не имеет определенной формы, а хватается за горящий предмет и таким образом он сияет»[39].

Есть искушение рассматривать огонь скорее как динамичную, маскулинную силу. Но китайцы акцентируют внимание на том, что огонь зависит от материала, за который он «цепляется». Если у огня заканчивается материал, он сразу же гаснет, а значит, его зависимость является пассивной. Таким образом, следуя китайскому стилю мышления, он имеет фемининную природу. «Как вода сходит с небес, так огонь исходит из земли. Тогда как *Кань* означает запертую в теле душу, так *Ли* означает природу в ее полном сиянии»[40]. Вода, *Кань*, характеризуется движением вниз, а огонь, *Ли* – движением вверх. Поэтому их совмещение – очень важная задача.

[38] Там же, с. 118.
[39] Там же.
[40] Там же.

Если вы посмотрите на гексаграмму 63 в «И Цзин», то увидите воду, расположенную над огнем. Это свидетельствует о том, что они находятся в равновесии. Эта гексаграмма относится к периоду времени, наступившему после завершения – после того, как произошло соединение противоположностей. Но это состояние приведет вас к несчастью: когда наступает полная гармония, лучше смотрите вокруг!

А на последней 64-й гексаграмме вы увидите прямо противоположную ситуацию: вода находится под *Ли*, а огонь теперь находится внизу. Такое расположение снова говорит о несчастье. Прежде мы видели единство огня и воды, но в самой гармонии заложен ее распад. Теперь, в силу того, что вода естественно стремится вниз, а огонь вверх, они отдаляются друг от друга все больше и больше и уже не образуют гармонии.

Так складывается ситуация согласно описанию гексаграммы 64 «Вэй-цзи. Еще не конец!»*, на которой противоположности не объединены, но могут быть объединены. В нашей сказке мы находимся именно на этой стадии отсутствия гармонии: огонь и вода не пришли к согласию.

Интересно отметить, что в сказке есть нечто такое, чего нет в самой Книге Перемен. В «И Цзин» и *Кань*, и *Ли* представляют собой исключительно природные силы, которые в естественных условиях иногда объединяются между собой, а иногда отделяются друг от друга – согласно ритму Дао. Но наша сказка несколько отличается тем, что в ней сказано: *Ли* – это упорядоченность, фемининность, огонь – то, что относится к миру людей; *Кань* – это вода, творческая динамика – то, что относится к миру дракона. Таким образом, мир людей отделен от мира богов, а эти два мира нужно объединить. Вот какую проблему обсуждал король-дракон со жрецом солнца.

Как видите, солнце относится к *Ли*, а это означает, что огонь – не используемое динамическое явление, а природа во всем ее сиянии. *Ли, огонь,* гораздо больше связан со светом культурного сознания, тогда как дракон – с природой бессознательного. В коралловой башне король-дракон обсуждал проблему соединения человеческого сознания с глубочайшими, бездонными силами бессознательного – не больше и не меньше.

* «И Цзин», с. 479. – *Прим. переводчика.*

Следует полагать, что на этот раз (как часто случалось в истории Китая) цивилизованный мир стал слишком утонченным, слишком ярким, слишком дифференцированным, слишком изощренным и потому произошло его отделение от базовой инстинктивной природы человека[41]. Китайская цивилизация периодически достигала очень высокого уровня. Для нее была характерна несколько искусственная сложность, изощренный артистизм и избыточный формализм. Но, как правило, за такими периодами следовали периоды разрушительного революционного движения или вторжения войск северных варваров. Иначе говоря, в китайской культуре существует тенденция к сверхутонченности, сверхэстетизму и избыточному формализму. В этом можно убедиться, даже читая описания в китайских сказках, в которых герои ведут себя чрезвычайно вежливо по отношению друг к другу. С одной стороны, это замечательно, но с другой стороны, можно сказать, что эта вежливость подавляет и душит грубую человеческую натуру. И на стадиях сверхцивилизованности и сверхизысканности искусства, музыки, философии и т.п. появился слишком большой социальный зазор между высшими и низшими слоями населения. Подобная утонченность привела к такому положению вещей, когда единственными представителями цивилизованной культуры оказались лишь некоторые привилегированные семьи и кланы, тогда как бедные крестьяне, выращивающие на полях рис, не получили от нее ничего. Они по-прежнему живут в культуре, соответствующей фольклорным традициям эпохи неолита, и не достигли такого высокого уровня изысканности, который присущ высшим слоям общества.

Таким образом, то, что на субъективном уровне проявляется в виде отделения культурного сознания от инстинктивных сил бессознательного, внешне выражается как слишком большое социальное различие между верхним и нижним слоями населения, а следовательно, всегда приводит к таким кризисам, которые периодически потрясали китайскую историю. А подобные кризисы обычно связаны с самыми базовыми психологическими проблемами.

---

[41] В романе XVII века «Сновидение Красной комнаты» [«Dream of the Red Chamber», trans. Chi-chen Wang (New York, Anchor Books, 1932)] можно найти интересные мысли об утонченности китайской цивилизации, хотя в книге описан гораздо более поздний период времени по сравнению с данной сказкой.

Сущностная проблема в нашей сказке заключается в объединении сознания с бессознательным, мира людей и мира природы, а также в объединении маскулинной и фемининной противоположностей. Эта базовая сущностная проблема и является основной причиной того, что произошло в семье короля-дракона, то есть что его дочь рано выдали замуж и этот брак оказался несчастливым. Как вы понимаете, если фундаментальные силы *Кань* и *Ли* не находятся в гармонии, то все происходит вне Дао. Тогда отец *будет* неправильно себя вести по отношению к дочери, а дочь *будет* торопиться вступить в неудачный брак, и то же самое относится к миру людей. Например, непохоже, что Лю И провалился на экзамене, потому что не проявил своих способностей. Он человек избранный. Весь человеческий мир не сдал экзамен по культуре общения; сам экзамен был некорректен. Вполне возможно, что в те времена китайское общество требовало слишком много *Ли* – особых утонченных знаний в узкой области. И ни один человек, обладавший высоким потенциалом для индивидуации или способный совершить героические подвиги, не мог молча согласиться с требованиями таких экзаменов.

Таким образом, весь человеческий мир живет неправильно, а значит, и в бессознательном царит хаос. Это великая катастрофа, но она происходит в бессознательном. И теперь именно король-дракон занимается объединением противоположностей. Появление в этой ситуации Лю И похоже на разрыв бомбы. Лю И привозит плохую весть о том, что с дочерью короля-дракона случилось несчастье, и тогда весь королевский двор начинает в отчаянии рыдать.

Интересно, что именно появление обычного человека в мире дает начало развитию процесса. С точки зрения индивидуальной психологии можно сказать, что если в сознании присутствует невротическая установка, то в бессознательном проявляется компенсаторная односторонность, то есть тоже нездоровая установка. Такое состояние вызывает невроз. Но если мы не установим связь с бессознательным, то ни мы, ни бессознательное не сможем двигаться вперед, ибо бессознательное тоже окажется блокированным. Чтобы создать исцеляющие силы, бессознательному необходимо наше участие. Иначе ему приходится формировать невроз, чтобы мы обратили внимание на бессознательное, а затем установили с ним связь. Само бессознательное эту связь установить не может. Оно бесконечно пытается это сделать, посылая нам снови-

дения. Но положение, в котором мы обычно находимся, не дает возможности заметить их, а потому бессознательное не может проявить свою исцеляющую силу.

Следовательно, только после того, как Лю И передал в бессознательное информацию о том, что несчастную принцессу выгнали из дома, бессознательное взбудоражилось и потеряло над собой контроль, что привело к большой беде. И только после этого оно смогло осознать свое несчастье.

Иногда люди, обладающие сильной волей и способностью справляться с неблагоприятной обстановкой, на протяжении многих лет с огромным терпением и мужеством переносят невроз, не допуская до своего сознания даже мысль о том, насколько они несчастны. И только когда приходят на анализ, испытывают тяжелую депрессию или острый внутренний конфликт, которые все это время пребывали в латентном состоянии, ибо все это время их не хотели признавать. Именно поэтому иногда в начале анализа состояние таких людей ухудшается, и кто-то из близких обязательно говорит: «Боже мой! Он начал проходить анализ, и теперь ему стало гораздо хуже, чем раньше!» Такая эмоциональная реакция возникает, лишь когда человек осознает, в чем заключается истинная причина его несчастий.

То же самое может происходить и на коллективном уровне. Иногда на протяжении очень многих лет некоторые социальные слои терпеливо, не жалуясь, живут в очень тяжелой экономической и социальной обстановке. Это происходит везде, но особенно на Востоке, где от людей требуется соблюдать спокойствие, долгое время находясь в очень тяжелых, а порой просто невыносимых условиях. Но естественно, наступает момент, когда терпение людей лопается и происходит революция.

И когда Лю И сообщает плохие новости о принцессе, весь гнев и страдание выходят на поверхность: Цзян Тан, пребывающий в обличье яростного дракона, окончательно теряет терпение и отправляется мстить за дочь своего брата. Во время его освобождения небо закрывают грозовые облака, разражается страшная буря, гремит гром и идет град. В Китае драконы символизируют водную стихию, дождь и грозовые тучи. Они воплощают динамические силы природы (мы бы добавили: и силы бессознательного). В Китае динамика дождя и облаков означает также сексуальный союз; отсюда можно прийти к такому выводу: то, что принцесса, фигура Анимы, пасет слуг дождя и баранов грома, свидетельствует о том, что в ней скрыт огромный эротический потенциал. Этот вывод может послужить герою намеком на то, что она должна быть богиней.

Затем Лю И получает трудное задание – передать в мир драконов послание принцессы о ее отчаянном положении. Вспомним о том, как Лю И добрался до дворца драконов, как его там приняли и как ему пришлось ждать короля-дракона, который в это время находился в коралловой башне и обсуждал проблему объединения огня и воды со жрецом солнца.

Вспомним, что в китайской цивилизации означают огонь и вода. Вода, *Кань*, является мужским началом, которое имеет преимущественно динамическую природу. Кроме того, оно символизирует страстную человеческую природу. Чуть позже мы увидим, как в сказке проявляются вспышки ярости страстной натуры дракона Цзян Тана и к каким последствиям они приводят.

Огонь, *Ли*, в китайской мифологии представляет фемининное начало. Оно означает уступчивость, старшую дочь в семействе триграмм, а также зависимость, покорность обстоятельствам. Больше всего в природе огня китайцев поражает то, что он зависит от горящего материала. Как только заканчиваются солома или дрова, огонь сразу же гаснет. Деревья и растения, которые тоже относятся к стихии *Ли* и служат горючим материалом, также являются зависимыми. Их корни должны находиться в почве. Поэтому существует целая система возможностей, обусловливающая зависимость *Ли*, огня, от горящего материала, без которого огонь не может существовать.

Ли воплощает источник культурного сознания. Он означает сияние природы. Кроме того, он служит воплощением порядка, упорядоченности мира сознания, но в типично китайском стиле – то есть постоянно зависящего от фундаментальной основы. Мы могли бы сказать, что он зависит от бессознательного; китайцы сказали бы, что он зависит от природы. Это значит, что в китайской цивилизации, как и у нас, сознание никогда не станет независимым началом, направленным против природы, хотя бы отчасти. Мы же использовали и развивали сознание, направленное против природы. Оно насилует природу и порабощает ее, исправляет и реорганизует природу с помощью грубой силы. Мы думаем, что сознание существует для того, чтобы *подчинить* себе природу, тогда как китайцы мыслят гораздо глубже: по их мнению, сознание *дополняет* природу. Такая точка зрения больше

похожа на алхимическую идею: *arc naturum perficit* – сознание служит природе и максимально ее познает. Оно постоянно помогает природе бороться с нарушениями ее равновесия. В этом смысле сознание, *Ли*, является фемининным, пассивным, уступчивым началом.

Маскулинное, эмоциональное, активное начало относится к *Кань* – водной стихии. Ее «дикая» природа (так мы ее называем) находит свое воплощение в том, что в Китае *Кань* также означает кровь и красный цвет. Так, согласно описанию, у дракона, дяди нашей принцессы, были «горящие глаза, язык и шкура цвета алой крови и ярко-огненная борода». Как и у нас, кровь считается символом эмоциональной натуры, основанием эмоциональных психических реакций. В Китае она тоже соотносится с *Кань* – водой. Естественно, изучая сказки разных народов, вы должны принимать во внимание мифологическую символику этих народов. Например, нельзя амплифицировать китайскую сказку с помощью европейских или англосаксонских ассоциаций. Анализ сказки всегда следует начинать с учетом традиций той культуры, в которой рождалась сказка.

Как и в подавляющем большинстве сказок, примирение огня и воды означает, что происходит нарушение космического равновесия человеческого сознания и бессознательного. Тогда у нас появляется стареющий король со своими несчастьями и бедами своего королевства, который затрагивает проблему объединения противоположностей.

Восемь триграмм в «И Цзин» имеют две упорядоченности. Первый, старший небесный порядок, был введен легендарным Фу Ши; младший небесный порядок приписывается Кин Вэну. Далее: в структуре восьми триграмм, созданных согласно старшему небесному порядку, сверху находится небо, а внизу земля. А согласно младшему небесному порядку, сверху, на севере, находится *Кань*, а внизу *Ли*.

Старшая структура триграмм существует вне пространства и времени. Этот небесный порядок вечен. Он служит невидимой основой космического порядка, но не вмешивается в него. Но младшая структура восьми триграмм существует в трехмерном пространстве и является временной. В Китае время считается циклическим. Следовательно, если небесный космический порядок имеет циклическую форму, значит, это младший порядок. *Кань* – вода занимает место *Цянь* – неба, а *Ли* – огонь занимает место

Кунь – земли. (Это может показаться несколько сложным, но мне нужно объяснить этот порядок для рассмотрения некоторых проблем, с которыми мы столкнемся несколько позже, в частности, почему дядя принцессы-дракона был прикован к колонне.)

Вспомните: когда Лю И отдал письмо королю-дракону, тот фактически признал свою вину. Будучи отцом принцессы, он почувствовал, что к неудачному браку дочери привела именно его поспешность. Он захотел, чтобы дочь как можно раньше вышла замуж за дракона озера Гин Чу и, по существу, поступил весьма типично, отдав собственную дочь, чтобы усилить свое могущество. Теперь он об этом очень сожалеет.

Нередко и обычные люди отдают дочерей замуж по расчету – для достижения каких-то политических целей. Но поразительно, что даже драконы, которые воплощают архетипические силы бессознательного, должны поступать точно так же. Как же архетип может делать такие ужасные вещи?

Вы можете сказать, что это проекция китайского коллективного сознания, но, на мой взгляд, это весьма поверхностное объяснение. По-моему, здесь скорее можно увидеть такое указание: когда у сознания есть ложная установка по отношению к бессознательному, когда мы не управляем своим сознанием, то бессознательное может достичь своей цели только с помощью интриг, то есть причиняя ущерб.

Например, нечто подобное случается, когда приходится анализировать слишком высокомерного, заносчивого и самоуверенного человека. Поскольку такие люди не прислушиваются к бессознательному и ничего не хотят знать о своей Тени, бессознательное устраивает так, что человек спотыкается – и бам! – падает лицом в грязь. Например, он может влюбиться в совершенно неподходящую для него женщину. Бессознательное будет это делать, чтобы унизить высокомерное сознание и заставить его прислушаться, чтобы человек стал думать и поступать иначе.

Такие «интриги» бессознательного иногда вызывают серьезную тревогу: они не воспринимаются правильно. Если смотреть издалека или с точки зрения стороннего наблюдателя, такие происшествия кажутся особенно прискорбными, но, несмотря на то, что человек осознает, это единственная возможность бессознательного проникнуть под панцирь такой личности. В конечном счете это бессознательное оказывается тем несчастным, к которому не прислушиваются и которое не принимают всерьез, поэтому

нетрудно понять, почему оно вынуждено заявлять о себе таким окольным путем.

Еще один способ, с помощью которого бессознательное выносит на поверхность свои цели, заключается в том, что оно способствует физическому заболеванию человека. Или может устроить ужасную автомобильную аварию, или еще что-то подобное – чтобы мы попали в катастрофу, которая, наконец, заставит прислушаться к тому, о чем нам говорят наши сны. Поэтому когда человек становится невротичным, мы можем предположить, что именно бессознательное устроило так, что он заболел; оно просто заставило человека следовать ложной сознательной установке.

Таким образом, можно сказать, что поступок отца-дракона, который фактически «продал» свою дочь, имеет более глубокое объяснение – это отсутствие гармонии между огнем и водой. Между сознанием и бессознательным нет гармоничной связи, поэтому и мир драконов, который воплощает бессознательное, тоже не может правильно действовать. Он тоже встревожен. Если у человека существует ложная и тревожная сознательная установка, то его бессознательное тоже становится ложным и тревожным. Из-за гиперкомпенсации оно выходит из равновесия. Но на этом мы не остановимся, а погрузимся на еще более глубокий уровень.

Услышав о несчастье, постигшем принцессу-дракона, все придворные зарыдали и запричитали. Тогда король-дракон сказал своему слуге: «Пойди к ним и скажи, чтобы они не плакали так громко, потому что их плач может услышать Цзян Тан». Лю И спрашивает: «А кто такой Цзян Тан?». Король-дракон отвечает: «Это мой любимый брат. Раньше он был правителем реки Цзян Тан, но недавно его сместили». – «А почему он не может слышать плача?» – спрашивает Лю И. Король Дракон отвечает:

> «Он такой буйный, поэтому я боюсь, что если он услышит, может случиться великая катастрофа – как, например, потоп, который он вызвал много лет назад. В то время мой брат разгневался на Императора Небес, поэтому вызвал потоп, который затопил пять высоких гор и продолжался целых девять лет. За это господин на него разозлился, и с тех пор он прикован к тополю в моем дворце».

Вот теперь мы замечаем, что мир драконов, оказывается, не такой уж и могущественный. Драконы – самые могучие силы китайского космоса. Над ними властвует Небесный Император по

имени Тьен Ти. Его имя не упоминается в нашей сказке, но он воплощает самую основу космического миропорядка. Его также часто называют «волей небес», существующей в некоторых китайских философских системах, а иногда и в даосизме тоже (как вы уже догадались, это даосская сказка.) «Воля небес» имеет отношение к тому аспекту, который упорядочивает все космические миры и сохраняет этот порядок.

Итак, в трехмерном временном мире существует не только дисгармония между огнем и водой, между культурным сознанием и коллективным бессознательным; существует и более глубокая и древняя дисгармония – между младшим небесным порядком и его правителем и старшим небесным порядком и его правителем. Этот конфликт гораздо глубже конфликта между огнем и водой. Временный порядок космоса не подчинился воле небес, и за это Цзян Тин был прикован к колонне.

Величайшая задача китайского императора заключалась в сохранении порядка календарных чисел. Он был создателем календаря, и должен был следить за тем, чтобы дни календаря точно соответствовали воле небес. В культуре Китайской империи каждый день календаря имел свой астрологический смысл. Каждому дню соответствовал свой ритуал, своя пища; каждый день во дворце императора, во дворце управляющего, во дворце мандарина и в доме крестьянина совершались свои обряды. Каждый день в году они должны были носить определенную одежду, приносить определенные жертвы, слушать определенную музыку, есть определенную пищу. Иными словами, все было привязано ко времени. Например, в этот конкретный день вы не можете есть похлебку из бобов. Похлебку из бобов вам следует есть только на следующий день. Даже такие банальные дела были строго регламентированы. Сохранилось меню из императорского дворца: что все придворные должны есть и когда именно следовало готовить пищу. Кроме того, нам известно, сколько одежд они должны были носить, какого цвета, какую музыку должны были исполнять, а какую музыку и в какие дни им исполнять запрещалось. Все это было записано в священной книге, которую очень хорошо знал человек, следивший за соблюдением обрядов. Все это продолжалось на протяжении периода правления целой династии. Когда одна династия распадалась и возникал хаос, правитель, с которого начиналась новая династия, проводил реформы календаря. Как говорится в тексте книги, «он должен был

снова привнести в календарь гармонию в соответствии с волей небес».

Когда в империи случалось несчастье, по моим ощущениям, поступки императора не соответствовали Дао. Если положение вещей было очень плохим, это говорило о том, что император должен был реформировать календарь до тех пор, пока временный миропорядок не совпадал с вневременным центром Вселенной. Таким образом, в нашей сказке описано как раз время катастрофы, когда священный порядок календаря оказался нарушенным, а Цзян Тан, брат короля-дракона озера Дантин, восстал: *Кань* восстало против воли небес. Китайский народ оказался в очень сложном положении.

Теперь с точки зрения китайского мировоззрения все становится совершенно ясным. Но как нам перевести свое понимание на язык психологии? Мне думается, есть только один способ, хотя он ведет нас к трудностям в понимании и к парадоксу; это значит, что старший небесный порядок является именно тем, что Юнг называет Самостью. Тогда младший небесный порядок относится к коллективному бессознательному, которое констеллируется в *определенный момент времени* (и у каждого отдельного человека в *определенный момент времени*).

Однако это приводит нас к парадоксу, который заключается в том, что Юнг определяет Самость как единство коллективного бессознательного. Следовательно, в этом смысле он не делает различий между понятиями коллективного бессознательного и Самости. Но в другом смысле мы должны их различать, так как знаем, что Самость – это высший регулирующий центр индивидуального и коллективного бессознательного, являющийся ключевым фактором по отношению к коллективному бессознательному, которое констеллировалось в определенный момент времени. Это объясняется тем, что при констелляции коллективного бессознательного или при появлении его констелляции в определенный момент времени, оно может быть односторонним – ибо в любой конкретный момент оно может быть гиперкомпенсировано односторонностью сознания.

Когда бы это ни произошло, Юнг советует нам бездумно не следовать советам сновидений или бессознательного. Мы не можем просто сказать: «Мне приснился такой-то и такой-то сон, поэтому я должен делать то-то и то-то», – словно обращаться к своим снам – единственное, что нам нужно делать. Поступив таким

образом, мы пойдем на уступку бессознательному, делая все, что оно от нас хочет в данный момент, тогда как все это может идти вразрез с волей небес или с тем, что в данный момент хочет Самость. Воля небес или Самость может проявляться у человека, если его Эго тоже достаточно крепкое. Эго может занять критическую позицию по отношению к тому или иному конкретному проявлению бессознательного.

На одном из своих семинаров Юнг обсуждал подобную ситуацию. У него была пациентка, сверходухотворенная дама среднего возраста, с довольно специфической теософией. Она жила в духовной «стратосфере» и никогда не осознавала, что у нее есть тело или что рядом с ней может существовать нечто ужасное и грязное, например, секс. Соответственно, она была очень невротична. Когда пациентка Юнга начала проходить анализ, ей стали часто сниться пьяные проститутки, которые шатались и валялись в притонах. А Юнг сказал: «Да, конечно, понимаете, это ваша сестра. У каждого человека есть эта сторона личности. Вам следует отнестись к ней серьезно и ни в коем случае не отвергать ее. Возлюбите свою ближнюю, как саму себя!» Но его совет остался без внимания. Пациентка была слишком далека от того, чтобы это принять; вполне возможно, такое принятие вызвало бы у нее тяжелое потрясение.

Вскоре после этого Юнг должен был отправиться в путешествие. Он знал, что эта дама имеет привычку совершать длительные лесные прогулки, и подумал, что для данной констелляции совершать такие прогулки не слишком мудро. Он сказал ей об этом и взял с нее слово, что во время его отсутствия она не будет гулять по лесу. Однако пациентка нарушила обещание, все-таки пошла гулять в лес и во время прогулки подверглась сексуальному насилию. Она была серьезно травмирована и вынуждена была лечь в госпиталь с переломами нескольких ребер и тяжелым психическим потрясением. Как видите, если констеллируется тень проститутки с зазывающим взглядом «иди сюда», в такой ситуации женщина становится сексуально привлекательной.

Так вот, нельзя с уверенностью утверждать, что если этой женщине приснились пьяные проститутки, значит, она должна пойти куда-нибудь, чтобы напиться и подцепить мужчину. Это означало бы оказаться во власти *Кань*, а не следовать воле небес. Как это ни смешно, но я снова и снова обнаруживаю эту ошибку у студентов, изучающих юнгианскую психологию. Они соверша-

ют самые невероятные поступки и говорят: «Но я видел сон, который мне сказал об этом». На это я отвечаю: «Хорошо, хорошо! Теперь осталось выслушать эго-сознание!» Принимая в расчет такие сны, не следует извиняться за то, что мы обращаемся к своей критической точке зрения и моральным суждениям. Мы должны твердо стоять на своем и осознавать такие послания, исходящие из бессознательного, а потом разумно на них реагировать. Речь вовсе не о том, чтобы слепо и примитивно отыгрывать свои сны. Нам следует слушать Самость, но мы не должны подчиняться одномоментным констелляциям бессознательного.

Вы можете спросить: «Хорошо, но как научиться безошибочно отличать одно от другого?» Только при изучении целой серии сновидений. Именно поэтому абсолютно аморально интерпретировать отдельные сны человека или поступать в соответствии с каким-то одним сновидением. Воля небес или, говоря на языке психологии, цель Самости – как раз то, что можно узнать только с помощью критического взгляда, а не путем немедленного отыгрывания сновидений. Нам следует подождать и проследить целую серию сновидений, делая лишь очень небольшие шаги, пока мы не почувствуем, что нашли именно то, что нужно.

Все это поможет объяснить на языке психологии, почему китайцы различают два представления о всеобщем порядке бессознательного: временный и моментальный, которому свойственны сезонные изменения, и вневременный, то есть вечный. Только вечному порядку человек должен абсолютно подчиняться, ибо такова воля небес. В китайской философии воля небес – это самая высшая власть. Ей не может сопротивляться никто: ни бог, ни дьявол, ни гений, ни простой человек. Но, с другой стороны, человек может оставлять за собой какие-то права по отношению к временному порядку. Он может считать такой порядок временной констелляцией, не имеющей абсолютной достоверности. Эту временную достоверность можно принимать в расчет, однако она не должна быть единственным или последним аргументом в принятии решений.

Вернемся к нашему примеру. Дама, которой приснилась проститутка, не может просто сесть и сказать: «Ах, да, это моя Тень» – и опечалиться. Этого совершенно недостаточно, ибо ее Тень требует гораздо больше, чем просто теоретического признания. Однако побудить ее к отыгрыванию, как, собственно, и поступила эта дама, – значит дойти до крайности в совершенно другом направлении.

Все это свидетельствует о том, что в нашей сказке говорится о какой-то недавней катастрофе. Можно предположить, что это была одна из больших политических катастроф, так как сказка относится к VII–IX вв., то есть ко времени после эпохи общего расцвета и расцвета культуры. В этот период цивилизация уже отдалилась от космического миропорядка, и тогда случился потоп, который в сказке символизирует взрыв ярости дракона Цзян Тан.

Многим из вас известно, что великие китайские реки время от времени выходят из берегов, вызывая страшные потопы. Раньше такие потопы никогда не считались чисто природными катаклизмами; люди полагали, что такова реакция природы на отступление от человеческого порядка и космического миропорядка.

Например, в историографии Китая существует такая летопись:

> «В год Зайца императрица флиртовала с первым военачальником. В связи с этим в таком-то и таком-то озере видели дракона. Река Янцзы Киань вышла из берегов и затопила рисовые поля. Император решил провести в августе некоторые обряды, чтобы восстановить поля. Он не спит со своими женами. Музыкантов прогнали из дворца. Он носит темные одежды и ест только то и это. После этого, в сентябре...»

Дальше можно прочитать о том, как происходила политическая реставрация императора.

Здесь вы можете увидеть простое и ясное синхронное мышление. Естественно, в действительности китайцы вряд ли думали, что река Янцзы Киань вышла из берегов, *потому что* императрица флиртовала с первым военачальником. Для них эти два события были не больше взаимосвязаны, чем для нас. Но, как считает Марсель Гране, у них «каждый год представлял собой последовательность событий, которая в целом создавала важное представление о том, какого рода события происходят вместе»[42].

Если западные ученые интересовались тем, что является причиной, а что следствием, то у китайцев тоже имелась настоящая наука, правда, основанная на совершенно ином, но вполне правомерном вопросе: «Какие события "любят" происходить вместе?» Китайцы очень хорошо знали принцип каузальности и применяли его в практической жизни, но вместе с тем думали, что каузаль-

[42] "La Pansée Chinoise" (Paris: Albin Michel, 1968).

ность совсем не интересна с научной точки зрения по сравнению с вопросом о том, как понимать синхронные события, даже каузально не связанные между собой. Именно поэтому, записывая исторические факты, происходящие в каждом году, они пытались создавать смысловую картину этого года, его констелляцию. Такова суть китайского синхронного мышления[43].

Итак, мы можем предположить, что в тот же самый год Зайца, когда река вышла из берегов, дракон тоже перешел свои границы. Он явно был призван отомстить людям за некоторые их грехи, но зашел слишком далеко. В нашей сказке должна быть отомщена принцесса-дракон, и у меня такое чувство, что она будет отомщена. Но Цзян Тан загубил слишком много полей и земельных угодий и убил слишком много людей, а кроме того, съел неверного мужа принцессы. Это уж действительно слишком!

Таким образом, Цзян Тан воплощает страстную сущность водной стихии *Кань*, кроваво-красную натуру, которая стремится выйти за пределы своих границ. В этом заключается один из великих конфликтов китайской цивилизации: в своей сознательной жизни они придавали слишком большое значение формализму и точному соблюдению правил. Они переоценивали вежливость, правила поведения и то, что называется стремлением любой ценой «сохранить лицо». Но при этом они, являясь нормальными людьми, вытесняли в бессознательное и накапливали слишком много сильных и беспорядочных страстей, которые время от времени вырывались наружу – как на индивидуальном, так и на политическом уровне. Они слишком подавляли свое внутреннее «буйство», уделяя чересчур много внимания соблюдению формальных правил.

Мой отец, несколько лет живший в Манчжурии, однажды наблюдал сцену, которая может послужить прекрасной иллюстрацией тому, о чем я сказала выше. В 1905 году он принимал участие в русско-японской войне. Его подразделение было расквартировано к китайской деревне, а его самого поселили в сельском

[43] Более подробно эта тема обсуждается в книге М.-Л. фон Франц "On Divination and Synchronicity: The Psychology of Meaningful Chance" (Toronto, Inner City Books, 1980), pp. 7ff. В Северной Америке такой способ мышления выражается в попытках предсказать изменения курсов акций и других ценных бумаг; нечто подобное обычно происходит в год чемпионата мира по футболу, или при розыгрыше суперкубка, или в так называемый месяц голубой луны (второго полнолуния) и т.д. – *Прим. изд.*

доме манчжурского крестьянина. В этом доме было недостаточно комнат, поэтому одному из сыновей крестьянина пришлось жить вместе со скотиной, в маленьком сарае рядом с домом. Крестьянские сыновья ночевали в этом сарае по очереди.

Мой отец не слишком хорошо знал китайский язык, поэтому мог только догадываться, о чем шел разговор, но однажды он подслушал: старший брат заявил, что настала очередь младшего брата спать в сарае, несмотря на то, что старший брат вернулся слишком рано. Разумеется, эти слова не слишком обрадовали младшего брата, и у них началась ссора. Старший брат схватил младшего за косичку (тогда они еще носили косички), а это считалось самым жестоким оскорблением для китайского мужчины. Поэтому младший брат просто взорвался от гнева! Он достал топорик и направился к старшему брату. Мой отец решил, что они собираются убить друг друга. Но тут из дома приковыляла бабушка и схватила *старшего* брата за косичку. Она не произнесла ни слова, лишь одним жестом показав молодому человеку, что он должен убраться вон. И старший брат, еще секунду назад готовый в ярости убить младшего, смиренно склонил голову, глубоко вздохнул и вернулся в сарай к скотине. Так закончилась эта ссора.

Этот инцидент иллюстрирует постоянное напряжение в психике китайцев: во внешнем поведении они проявляют вежливость и любезность (в данном случае конфуцианское сыновнее благочестие). Но в глубине скрывается буйная и страстная натура, которая остается подавленной и время от времени прорывается наружу в виде неистовых приступов ярости. Если говорить в масштабе всей страны, то в истории Китая вы увидите периодически повторяющуюся жуткую, неистовую резню. По-моему, для этого даже не стоит обращаться к современным событиям: все мы знаем, что так происходит до сих пор.

Поэтому Цзян Тан действительно является символом страстной природы бессознательного, которое в Китае слишком подавлено, а потому неистово пытается вырваться наружу. А затем, естественно, проявляется совершенно иное поведение. После опустошения земель, убийства людей и пожирания бывшего мужа принцессы Цзян Тана не сажают в тюрьму; наоборот, он принимает участие в вечернем праздничном пире. Все присутствующие напиваются, а Цзян Тан становится *очень* пьяным. На следующее утро он оскорбляет Лю И, заносчиво и высокомерно предложив

ему жениться на своей племяннице, принцессе-драконе. Такое обращение унижает гордость Лю И, и он отказывается. Он даже на следующий день не уступает, хотя королева озера Дантин искренне выражает свое сожаление, а принцесса-дракон плачет и ясно показывает, что она любит его.

Такой конфликт происходит в сказках очень многих стран, но в нашей он имеет интересный, «специфически китайский» поворот. Как известно, в Китае считалось (а зачастую и продолжает оставаться) совершенно естественным поведение, которое позволяет «сохранить лицо». На взгляд европейца предложение Цзян Тана не кажется обидным, однако если бы Лю И принял его, это означало бы, что он потерял лицо. Согласно принятым правилам поведения, он не должен был его принимать, даже если сердце ему говорило, что принцесса его любит и сам он любит принцессу. И, как известно из содержания сказки, именно здесь он совершает роковую ошибку. Ему следовало пожертвовать своей гордой Персоной ради любви, но вместо этого он продолжал придерживаться формальных правил, свойственных китайскому стилю жизни. Он упустил свой шанс, поэтому страдающей принцессе-дракону пришлось последовать за ним в мир людей и искать окольных путей, чтобы быть вместе с возлюбленным.

Все, что случилось в нашей сказке до сих пор, является вариациями того, что происходит в многочисленных китайских романах и народных сказках. Лю И совершил роковую ошибку; такие же ошибки мы можем найти и в европейских аналогах, когда, например, возвращаясь домой, герой забывает о своей невесте, которую он нашел в Запредельном, или на обратном пути крепко засыпает, а невесту в это время похищают злые силы.

Это основной архетипический мотив: герой должен найти божественную фигуру своей Анимы, а затем снова ее потерять. Этот мотив можно обнаружить в многочисленных версиях сказок разных народов мира. Но в данном случае нюанс состоит в том, что герой теряет Аниму из-за своей гордой Персоны. Подобный мотив я больше не встречала нигде. Это специфическая китайская черта – преувеличивать роль Персоны в своей жизни и фанатически следовать заповеди «никогда не терять лицо». Но это лишь вариация универсального конфликта, существующего внутри каждого человека, – конфликта между властью и эросом.

Власть и эрос полностью исключают друг друга. Юнг пишет: «Там, где правит любовь, нет места стремлению к власти; а там, где первично стремление к власти, отсутствует любовь»[44]. Эти два аспекта нельзя соединить; приходится выбирать либо один, либо другой. По мнению Юнга, ни один мужчина не может ни ассимилировать свою Аниму, ни даже узнать, что она собой представляет, пока не преодолеет власть – то есть схематические представления об отношениях с женщинами: чисто сексуальное влечение или чисто эстетический интерес. До тех пор, пока мужчину интересует в женщине ее сексуальная привлекательность, или ее внешняя привлекательность, или, быть может, ее банковский счет, речь идет не о любви. И таким образом снимается вопрос о том, чтобы хотя бы узнать, что такое Анима.

С женщиной такое может случиться, если она теряет нить в поисках истины. Позитивная сущность Анимуса заключается в том, что он является исцеляющим духом, духом истины. Поэтому, если женщина нарушает свой внутренний поиск истины, вовлекаясь в игру за обладание властью или проявляя настойчивый интерес к мужчине только потому, что у него есть деньги, может случиться такая же катастрофа. Например, вы поступаете в университет и должны написать диплом. Вы имеете представление о том, какой у вас должен быть диплом, но знаете, один ваш профессор его не примет. Если вы не станете писать на эту тему, потому что вам важнее получить степень, чем написать о том, что вы считаете истиной, то тем самым вы предадите свои взгляды и убеждения – как мужчина предает свою любовь, узнавая о банковском счете любимой женщины. Это тоже стремление к власти.

Таким образом, Лю И отказался жениться на принцессе-драконе, потому что была уязвлена его гордость, а дракон Цзян Тан вел себя крайне высокомерно. А теперь снова вернемся к самой верхней черте первой гексаграммы из Книги Перемен «И Цзин», о которой говорится: «Возгордившийся дракон. Будет раскаяние»*. Оказывается, принципу дракона в Китае свойственна внутренняя опасность – его гордость или высокомерие препятствует включению фемининного начала и соединению с ним. Раскаяние означает переход на следующую стадию, то есть ко второй гексаграмме – «Принятие»** (которое относится к земному, фемининному началу). Но если первоначало дракона сопро-

[44] "Two Essays in Analytical Psychology", CW 7, par. 78.
* «И Цзин», с. 13. – *Прим. переводчика.*
** Там же.

тивляется энантиодромическому* соединению с фемининностью из-за своего высокомерия или если сказочный герой находит свою судьбу, свою истинную невесту, а затем о ней забывает или бросает ее и по хорошо известным причинам (деньги, социальный статус, что-то еще) увлекается другой могущественной принцессой (лженевестой), – то в последний момент истинная невеста возвращается (иногда это происходит у дверей церкви перед самым обрядом венчания), чтобы напомнить жениху об их любви[45].

Если рассматривать этот вопрос с точки зрения проблемы мужской Анимы, то он в конечном счете сводится к выбору между любовью (сердцем человека, его чувствами) и социальным статусом или некоторыми другими общеизвестными ценностями. Тем самым мы затрагиваем очень глубокую проблему, которая сталкивает между собой аналитиков и пациентов и ставит перед ними серьезную дилемму. В автобиографии Юнг говорит об абсолютной несовместимости групповой идентичности и индивидуации:

> «...Выделить себя из массы людей и встать на ноги – это по-настоящему индивидуальная задача. Любая коллективная идентичность, например, членство в организациях, приверженность любым "-измам" и т.п., мешает выполнению этой задачи. Такая коллективная идентичность – костыль для хромого, щит для трусливого, постель для ленивого, детские ясли для безответственного и убежище для несчастного и слабого»[46].

Однако в других своих трудах Юнг объясняет, что он вовсе не советует людям становиться антисоциальными эксцентриками. Он всегда настаивал на том, чтобы пациенты адаптировались к реальности, а не скрывались в бессознательном.

---

* Энантиодромия – понятие, сформулированное Гераклитом и введенное Юнгом, которое в самых общих чертах означает превращение любого аспекта в свою противоположность. – *Прим. переводчика.*

[45] Подробнее о мотиве истинной невесты и лженевесты можно прочитать в книге Натана Шварц-Саланта «Нарциссизм и трансформация личности» (М.: Независимая фирма, «Класс», 2007), а также в книге Дэрила Шарпа «Кризис среднего возраста. Записки о выживании. Часть 2» (М.: Независимая фирма «Класс», 2007). – *Прим. переводчика.*

[46] Юнг К.-Г. Воспоминания, события, размышления. Мн.: ООО «Харвест», 2003.

Итак, в данном случае мы сталкиваемся с одним из таких кажущихся противоречий или источников конфликта, которые возникают в процессе любого анализа. С одной стороны, человеку явно необходимо (особенно когда он соприкасается с бессознательным) оставаться в контакте с реальностью и сохранять социальную адаптацию. Если вам приходилось работать с пограничными состояниями, то вы знаете, как важно, чтобы человек старался сохранить свою Персону. У меня были пациенты, которые, расставаясь на время аналитической сессии со своей Персоной, действительно становились абсолютно сумасшедшими. Но в конце сессии они постепенно прекращали плакать, вытирали слезы, снова находили свою Персону и уходили, приняв вид совершенно нормальных людей. И это им очень помогало, так как со временем их так называемое сумасшествие или проходило совсем, или принимало более легкую форму. Но пока это происходило, социальная адаптация, как корсет, удерживала их личность, так что она – по крайней мере внешне – не распадалась. Позже происходила нормализация их внутреннего состояния, и эти внутренние соединяющие связи были гораздо более существенными по сравнению с Персоной, но в то время даже Персона играла очень позитивную роль и могла спасти им жизнь. Я говорю об экстремальных случаях, но мы всегда видим, что социальную адаптацию следует поддерживать – как в интересах отдельного человека, так и в интересах всего общества.

И вместе с тем здесь мы сталкиваемся с настоящим парадоксом – то есть с полной противоположностью того, что должно называться истиной. В каждом аналитическом процессе есть ключевые моменты, когда приходится делать выбор между Богом и миром. Иными словами, человек должен выбрать: либо следовать зову своей индивидуации, либо сохранить свою социальную адаптацию. Бывают такие ситуации, когда неизбежно приходится выбирать между двумя взаимоисключающими возможностями. И человек, который делает выбор в пользу социальной адаптации, теряет все. Юнг считал, что в такие моменты эти две возможности абсолютно несовместимы.

Но бывают ситуации еще хуже: если в такой ключевой момент человек делает ложный выбор, предпочитая социальную адаптацию, он покупает эту адаптацию ценой невроза, который длится всю жизнь. Юнг сравнивает его с мифологическим эпизодом, в котором говорится о том, как Иаков боролся с ангелом, и

делает следующее замечание: «...Ведь нет никаких доказательств, что ангел тоже не захромал»[47]. Как видите, ангел не был сильнее Иакова. Поэтому, когда возникает вопрос о борьбе с посланником Бога, когда человек приходит к критическому моменту процесса индивидуации, он должен знать, кто сильнее. И хотя человек свободен в своем выборе, ему становится ясно, что, отдав предпочтение социальной адаптации, он потеряет все.

Именно в такой ситуации оказался Лю И. Он не мог уйти, ибо считался женихом принцессы-дракона. По воле рока погибли обе женщины, ставшие его женами, с которыми он пытался избежать своей судьбы. И теперь с ним снова встречается принцесса-дракон, называя себя дочерью даоса.

Очевидно, что эта сказка написана буквально как даосская притча. Так вот: алхимия, которая в то время была распространена в Китае, практиковалась в даосских кружках, поэтому даосизм и китайская алхимическая философия – практически тождественные понятия. И даосская религиозная философия повлияла на китайскую алхимию следующим образом: ее целью стало не получение золота, как в западной алхимии, а создание бессмертного человеческого тела.

В западной алхимии философский камень тоже трактовался как воскресшее тело. Согласно официальной христианской доктрине, после смерти наше физическое тело сгнивает в могиле, но в конечном счете мы воскреснем в другом теле. Такое вероучение постоянно ставило людей в тупик.

Но алхимики придерживались совершенно иной точки зрения. Они считали, что воскресшее тело чем-то похоже на тонкое тело, которое постепенно формируется внутри физического тела, или человек может его осознавать в процессе медитации на протяжении всей своей земной жизни. Это позволяет человеку в течение жизни переместить свою душу из смертного физического тела в бессмертное воскресшее тело, так что в момент смерти физическое тело распадется, как ореховая скорлупа, и из нее появится человек, который с этого момента становится обладателем бессмертной телесной оболочки. Но они были убеждены в том, что даже бессмертной душе нужна некая материальная основа. Именно эту основу они назвали философским камнем, который изображали с помощью символов мандалы и разной другой сим-

[47] Там же.

волики, о которой можно прочитать в трудах Юнга, посвященных западной алхимии[48].

Значит, можно утверждать, что восточная или китайская алхимия имеет такую же базовую структуру, как и западная алхимия, только китайцы называют воскресшее тело алмазным телом. В одном из их текстов – в «Тайне золотого цветка»[49] – дан подробный совет, как человек посредством медитации может создать это алмазное тело на протяжении своей жизни. Считалось, что великие мудрецы и алхимики-даосы не умирают в прямом смысле слова; по существу, их душа перемещается в тонкое – алмазное – тело. Затем происходит распад их физического тела, оно просто превращается в прах – разумеется, так, что никто этого не видит. Существует множество народных сказок, в которых старые мудрецы просто удаляются или исчезают. Кто-то видит, как они уносятся в небо на колеснице, запряженной драконами, а затем навсегда исчезают. Так старцы обретают бессмертие. Они присоединяются к многим другим бессмертным в китайском Запредельном, и тогда их смерть становится совершенно незначительным и неважным моментом, когда прах смертного тела спадает с достигшего полного расцвета алмазного тела, в оболочке которого они вознеслись на небо.

В нашей сказке утверждается, что принцесса-дракон является дочерью такого даоса. Рассказывая об этом, сваха намекает, что может познакомить Лю И с выдающейся личностью, дочерью полубожественного отца. Но больше она не говорит ничего, так как не хочет признаваться, что эта девушка – принцесса-дракон. Поэтому наш герой женится на принцессе-драконе, которая приняла человеческий облик. И только через год, родив ему сына, принцесса набирается смелости и рассказывает, кто она такая на самом деле. Она говорит: «После того, как я родила тебе сына, надеюсь, что твоя любовь к нему перейдет и ко мне, его матери».

Таким образом, мы видим, что на протяжении всего этого времени принцесса-дракон чувствовала себя отвергнутой. Сначала ее отверг первый муж, а затем Лю И. Она была так глубоко

[48] Прежде всего см.: Aion. М.: Рефл-бук, 1997; Психология и алхимия. М.: Рефл-бук, 1997; Mysterium Coniunctionis. М.: Рефл-бук, 1997; Психология переноса. Практика психотерапии. М.: Рефл-бук, 1997, а также “Alchemical Studues”, CW 13.

[49] Trans. Richard Wilhelm; commentary C.G. Jung (New York: Causeway Books, 1975); Jung's commentary is also in “Alchemical Studues”, CW 13.

уязвлена, что сомневалась в его чувствах к ней. В каком-то смысле она имела основания сомневаться, потому что в прошлый раз он предал ее из-за своей глупой гордости. Поэтому принцесса-дракон попыталась снова вернуть Лю И – и здесь опять проявляется китайский стиль отношений, – на этот раз родив ему сына.

Если вам известно, что значит в Китае иметь сына, то вы можете понять, почему принцесса-дракон рассчитывала, что Лю И изменит к ней отношение. Так как в Китае культ предков является краеугольным камнем религиозного ритуала, каждому мужчине чрезвычайно важно иметь сына, который бы его пережил и затем смог бы совершать жертвоприношения предкам. Если в семье нет сына, то есть опасность, что дух умершего отца станет безымянным, неизвестным; живые люди перестанут сохранять о нем память, и тогда он рассеется в космическом пространстве. И только те, кто не зависит от ритуалов культа предков, являются даосскими бессмертными. Они достигли самого высокого уровня сознания и стали обладателями алмазного тела, а потому их загробная жизнь больше не зависит от культа предков. Но загробную жизнь обычных людей поддерживает только сохранившаяся о них память людей живых. Поэтому любой китайский мужчина жизненно заинтересован в том, чтобы иметь сына.

Этот архетипический мотив не является базовым. Он специфичен именно для Китая. Вне Китая мне никогда не встречались сказки, в которых любящая женщина «выкупала» обратно своего мужа, родив ему сына. В европейских сказках она, как правило, «выкупает» себе право провести три ночи в спальне своего возлюбленного. Например, спрашивает лженевесту, сможет ли она провести три ночи с ее женихом, и обычно расплачивается за это всеми земными сокровищами, которыми владеет. Затем ночью она всячески умоляет своего суженого проснуться или изо всех сил пытается пробудить в нем воспоминания о ней и осознать, что именно на ней он должен жениться. Как правило, лженевеста дает своему жениху снотворное, поэтому первые две ночи он ничего не слышит. Но в последнюю ночь он начинает что-то подозревать и отказывается выпить зелье. В последней момент жених пробуждается и снова возвращается к своей бывшей возлюбленной. В европейских сказках это самый распространенный метод, с помощью которого любящая женщина преодолевает все препятствия, чтобы вернуть своего мужа. Но в нашей сказке она надеется вернуть его любовь благодаря рождению сына.

Итак, Лю И, словно очнувшись от глубокого сна, решил, что он и его жена очень любят друг друга. Нам неизвестно, сколько времени продолжалась их счастливая жизнь на земле, но однажды женщина сказала: «Если ты хочешь всегда жить со мной, мы должны покинуть мир людей. Мы, драконы, живем десять тысяч лет, и нужно сделать так, чтобы мы старели одинаково. Поэтому, пожалуйста, давай вернемся в озеро Дантин».

Они вернулись в озеро Дантин, а десять лет спустя к этому озеру пришел двоюродный брат Лю И. Он был свидетелем того, как Лю И исчез в озере. Можно предположить, что они прожили там некоторое время, сын Лю И вырос, у них родилось еще несколько детей, но обо всем этом в сказке не упоминается.

Итак, принцесса-дракон хочет наделить своего мужа долголетием. Это не совсем бессмертие, ибо в сказке говорится о конечном, хотя и очень длительном сроке жизни. Но аспект долголетия также относится к концепции даосской алхимии. Алхимики не только владели необходимыми средствами и искусством медитации, чтобы создавать бессмертное тело; у них к тому же был особый эликсир бессмертия, благодаря которому они могли сколько угодно продлять человеческую жизнь. В западной алхимии у философского камня есть и другое название – эликсир жизни. Например, некоторые эликсиры назывались *aurum potabile* – «питьевое золото». Существовало поверье, что человек, который выпьет такой эликсир, сможет дожить до очень глубокой старости. Люди полагали, что некоторые алхимики, употреблявшие «питьевое золото» или эликсир жизни, могли прожить не только 10000 лет, но и 150000, и 200000 лет.

В алхимии даосизма эликсир обычно дозировался в виде красных пилюль или горошин, изготовленных из ртути. Как известно, ртуть была основным мистическим элементом как в китайской, так и в западной алхимии. Проглотив такую горошину, человек мог жить сотни или даже тысячи лет. Известно много китайских рецептов, практически полностью аналогичных рецептам западной алхимии, в которых для изготовления эликсира долголетия почти всегда используется некая смесь ртути с золотом или каким-то иным веществом. В нашей сказке эти продляющие жизнь горошины, которые иногда называют жемчужинами, при-

надлежали драконам. В этом нет ничего необычного, ибо в искусстве Китая часто встречаются изображения небесного дракона, который держит в лапах жемчужину бессмертия.

Таким образом, в нашей сказке вся даосская алхимия связана с мифологией драконов, воплощающих водную стихию. В китайской цивилизации алхимия сформировала глубинную даосскую философию. Ее основная цель заключалась в поддержании контакта с тем, что мы называем бессознательным. Юнг говорил, что западная алхимия была не антихристианским движением, а, наоборот, глубинным компенсаторным течением, сохранившим многое из того, от чего христианство избавлялось, что было забыто или недооценено в процессе развития христианского мировоззрения. В Китае было два великих течения – даосизм и конфуцианство. В рациональном социальном мире конфуцианство официально предпочитали даосизму. Конфуцианство было философской основой, на которой в Китае строилась вся внешняя социальная жизнь, тогда как у даосизма более сложная история. В истории Китая были такие периоды, когда даосизм подвергался преследованиям, а изучали его нелегально. Вместе с тем даосизм всегда считался таким глубинным течением, которое сохраняет контакт с динамичным развитием коллективного бессознательного, в отличие от поверхностных рациональных норм поведения. Именно поэтому его идеи остались в фольклоре и сохранили свою связь с алхимией.

На мой взгляд, даосизм, не соединившись с конфуцианством, стал несколько отрешенным от мира. В нем крайне идеализируется практика отшельничества где-нибудь высоко в горах и последующее возвращение (вместе с возлюбленным или возлюбленной) к жизни в мире людей. Многие то же самое ставят в упрек юнгианским психологам, обвиняя их в антисоциальности и сосредоточенности только на индивидуации, а также в пренебрежительном отношении к социальной ответственности. На мой взгляд, такие обвинения абсолютно беспочвенны. Однако они оказываются справедливыми по отношению к даосской философии и алхимии. Это чрезвычайно интровертированные, индивидуалистические дисциплины, которые проповедуют постепенное движение к полной отрешенности от повседневных забот видимого, социального человеческого мира.

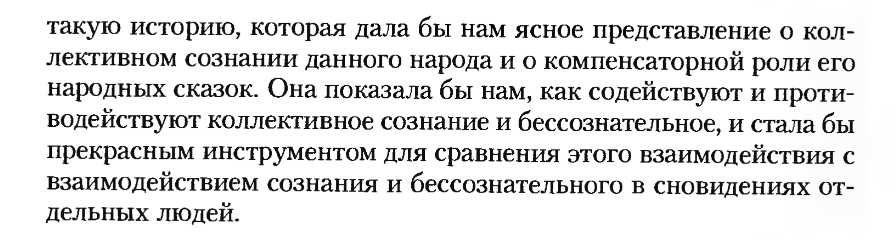
Именно в этом смысле принцесса-дракон уводит Лю И в свой сверкающий вечный мир драконов. Спустя несколько лет его

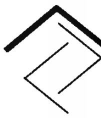
двоюродный брат узнал, что Лю И действительно стал бессмертным и остался жить в глубине озера Дантин. Двоюродный брат был всего лишь свидетелем его исчезновения, но и ему тоже пришлось уйти в этот мир, навсегда покинув мир людей.

Уход из социального мира людей – одностороннее решение. Мы можем обнаружить его и в некоторых западных сказках. Например, волшебник Мерлин исчезает из мира в любовных объятиях водяной феи. Юнг называет это идеалом отшельничества одинокого человека, который следует процессу индивидуации и покидает мир, чтобы продолжать жить в своем собственном хаосе. На мой взгляд, установка, которая передается через содержание нашей сказки, начинает себя оправдывать, по крайней мере, у очень пожилых людей. Я замечала, что в сновидениях старых людей, которым оставалось недолго жить, бессознательное совершает именно такой поворот, чтобы сосредоточиться на создании алмазного тела, на умирании, которое, по существу, есть только избавление от бренного тела, и на переживании смертельного шока, находясь в определенном состоянии сознания. Но я никогда не наблюдала ничего подобного у людей моложе 60–65 лет. Поэтому для очень пожилых людей, покидающих этот мир, такая установка кажется как бы естественной, правильной, этически и социально оправданной.

С другой стороны, такой уход от жизни в молодом возрасте кажется слишком односторонним, чересчур интровертированным. Но огромное напряжение между конфуцианством и даосизмом, которое существует в Китае (в конечном счете оно является напряжением между экстраверсией и интроверсией), проходит через всю сказку и ощущается в этой сказочной форме. Оно даже преувеличено, ибо на вопрос о том, что случилось с сыном Лю И, не дано никакого ответа. Этот аспект входит в очень серьезное противоречие с рациональной китайской точкой зрения.

Таким образом, эта сказка играет такую же компенсаторную роль для официального коллективного сознания китайцев, как для нас европейские сказки. Разумеется, чтобы узнать это, нам следует выяснить официальную коллективную точку зрения, а затем провести сопоставление. Именно поэтому я считаю, что целой группе специалистов понадобится лет сто проводить исследования, чтобы описать историю появления национальных особенностей сказок и существующих между ними национальных различий. Но, проведя такие исследования, мы смогли бы построить

такую историю, которая дала бы нам ясное представление о коллективном сознании данного народа и о компенсаторной роли его народных сказок. Она показала бы нам, как содействуют и противодействуют коллективное сознание и бессознательное, и стала бы прекрасным инструментом для сравнения этого взаимодействия с взаимодействием сознания и бессознательного в сновидениях отдельных людей.

Сказка о девяти братьях-барашках и их сестре (Франция)

В этой главе я хочу рассмотреть французскую «Сказку о девяти братьях-барашках и их сестре»[50].

Жили-были девять братьев и сестра, и были они сиротами. Они жили в старом дворце, находящемся в лесной чаще, и были очень богаты. Сестру звали Левене, и она была самой старшей из них. Когда умер их отец, она взялась вести домашнее хозяйство, и братья слушались ее, как родную мать. Они постоянно охотились в лесу и так добывали себе пищу.

Однажды, загоняя лань, братья увидели хижину, построенную из сучьев и кусков земли. Раньше они никогда ее не видели. Братьям очень хотелось пить, поэтому они решили войти и попросить воды. Они заглянули в хижину и увидели там старуху.

Зубы у нее были такой же длины, как руки, а язык можно было девять раз обернуть вокруг туловища. Братья очень испугались и хотели сразу убежать, но старуха спросила:

– Входите, дорогие дети. Что вам нужно?

– Бабушка, мы хотим немного воды, – ответил старший брат.

– Дорогие дети, я дам вам чистой воды, а вы не бойтесь и проходите в дом.

Старуха дала им напиться, а потом схватила за волосы и проскрипела:

[50] MDW, “Franzцsische Volksmдrchen”, vol 2, no 34 (Jena: Diederichs, 1923). См. также: Французские сказки. М.: БИМПА, 1992, с. 194.

– А теперь вы должны мне заплатить за то, что я выполнила вашу просьбу.

– Бабушка, у нас нет денег, – сказали братья.

– Мне не нужны деньги, – ответила старуха, – я хочу, чтобы самый старший из вас женился на мне.

Бедный юноша так испугался, что ничего не ответил. Тогда старуха повторила:

– Отвечай! Или я не гожусь для того, чтобы стать твоей маленькой женой?

– Я не знаю, – сказал старший брат. – Мне нужно спросить сестру.

– Хорошо, – ответила старуха, – завтра я сама приду во дворец за ответом.

Бедные дети вернулись домой, дрожа от страха, и старший брат спросил сестру, должен ли он жениться на старой ведьме. Но Левене сказала:

– Нет, мы еще посмотрим, чья возьмет.

На следующее утро колдунья пришла во дворец, и ей ответили, что старший брат не собирается на ней жениться. Старуха очень разозлилась. Ее глаза стали похожи на два раскаленных угля. Все девять братьев задрожали от страха, но продолжали стоять на своем. Тогда старая ведьма взяла сук, пробормотала колдовское заклятье, и дворец разрушился. Не осталось и камня на камне. Она произнесла второе колдовское заклятье, и девять братьев превратились в барашков. Затем она сказала девушке (которая сохранила человеческий облик):

– С этого дня ты будешь пасти своих барашков, но никому не говори, что они твои братья; а если скажешь, то сама превратишься в овцу.

Ведьма громко расхохоталась и убралась восвояси.

Прекрасный дворцовый сад и огромный лес вокруг него превратились в засушливую степь. Оставшись с братьями, Левене попыталась найти для них хоть немного свежей травы. Девушка уговаривала их так, словно они ее понимали. И ей казалось, что барашки действительно понимали ее. Один барашек был крупнее других. Это был старший из братьев.

Из камней, земли и мха Левене построила небольшую хижину, в которой пряталась во время дождя; там она пела песни своим братьям и читала молитвы. Однажды молодой и благородный юноша по имени Гульден отправился поохотиться в эти места. Вдруг он услышал прекрасный голос, который доносился из хижины, и обнаружил в ней девушку. Он так влюбился в деревенскую пастушку, что стал часто приезжать к ней. В конце концов он убедил ее выйти за него замуж, и они отпраздновали пышную свадьбу.

Девять барашков привезли в дворцовый сад. Левене проводила с ними много времени, украшала цветочными гирляндами и делала для них все, что могла. Ее мужа это изумляло – ведь он не считал животных разумными существами. Он пытался узнать у нее, настоящие ли это барашки, но Левене ничего ему не отвечала.

Прошло время, и Левене забеременела. У нее была служанка, влюбленная в садовника, которая тоже была беременна. На самом деле служанка была дочерью той старой ведьмы, которая превратила братьев в барашков, но и об этом тоже никто не знал.

Однажды Левене наклонилась над садовым колодцем, а служанка схватила ее за ноги и сбросила вниз. Затем поднялась в комнату Левене, легла в ее постель и задернула полог. Она хотела притвориться, будто у нее начались родовые схватки.

В то время мужа Левене не было дома. Вернувшись, он не увидел жены рядом с барашками и поднялся в спальню.

– Что с тобой случилось? – спросил он у женщины, которая лежала в постели.

– Я очень больна, – ответила служанка, оставаясь в полумраке. – Пожалуйста, не открывай шторы, я не выношу света.

– А где твоя служанка?

– Не знаю, я ее не видела, – ответила ведьмина дочь и добавила: – Послушай, я очень голодна, и только одно может меня исцелить. По-моему, мне нужно съесть кусок мяса большого белого барашка, который бегает у нас в саду. Только это поможет мне снова встать на ноги.

Муж Левене пошел к садовнику и велел ему зарезать большого белого барашка и зажарить для жены кусок его мяса. Садовник попытался поймать барашка, но тот все

время бегал вокруг колодца, да так быстро, что садовник никак не мог его догнать. Тогда муж Левене спросил:

– Что происходит? Что там, в колодце?

Он заглянул в колодец и увидел на самом дне свою жену. Он быстро вытащил ее оттуда, и она тут же родила ребенка – очень красивого мальчика. Левене сказала:

– Нам нужно сразу окрестить нашего сына, а большой белый барашек будет его крестным отцом.

– Что?! Крестным отцом нашего сына не может быть барашек! – возмутился муж.

– Но я так хочу, – настаивала Левене, – поэтому, пожалуйста, больше ни о чем меня не спрашивай!

Мужу Левене оставалось только согласиться с ней, хотя он и продолжал недоумевать.

Они пошли в церковь. Большой белый барашек чувствовал себя очень счастливым, оказавшись рядом с отцом и крестной матерью, которой была прекрасная принцесса. За ними следовали остальные восемь барашков. Все люди были изумлены, увидев, что они пришли в церковь. Тогда отец сказал священнику: «Пусть тебя не смущает, что крестный отец похож на ребенка. Окрести нашего сына».

Священник не сказал ни слова, потому что в те времена подобные превращения были не таким сверхъестественным явлением, как сейчас, и стал совершать обряд крещения. Барашек встал на задние ноги, а передними держал ребенка, и все прошло очень хорошо. Как только произошло крещение, барашек, который был крестным отцом, снова превратился в человека, и все люди поняли, что этим ягненком был старший из братьев Левене. Тогда она рассказала всю правду о том, что случилось.

Теперь, когда колдовские чары разрушились, ведьма уже не имела над ними власти.

– Стало быть, другие барашки – твои братья? – спросил священник.

И старший брат ответил:

– Да, они мои братья, и теперь они могут снова принять человеческий облик. Вы должны накрыть их епитрахилью и прочитать над ними молитву, и тогда они снова превратятся в людей.

Священник сделал так, как сказал ему старший брат, и остальные восемь братьев тут же снова превратились в людей. Затем старший брат рассказал о том, что сделала служанка, и о том, что она дочь ведьмы. Восемь братьев вернулись во дворец, а старший поехал за ведьмой и привез ее из леса. Когда все вернулись домой, ведьму, ее дочь и садовника привязали к хвостам четырех лошадей, которые разорвали их на части. Их останки сложили в костер и сожгли. С тех пор Гульден и Левене жили счастливо, и у них родилось много детей. И старший брат тоже жил очень счастливо.

Основными персонажами этой сказки являются дети – девять братьев и сестра. У них нет родителей, они сироты. Сказочный герой или героиня очень часто бывают сиротами – кто-то из родителей у них умирает. В таком случае место умершего отца или матери, как правило, занимает злой персонаж, с чего и начинается развитие сказочного сюжета. В данном случае таким злым персонажем, который становится заменой умерших родителей, оказывается злая ведьма с очень большими зубами и невероятно длинным языком.

У ведьм очень часто бывают фаллические атрибуты: они летают на метле или имеют слишком длинный нос, или, как в нашей сказке, очень длинный язык. В данном случае ведьма обладает чертами гермафродита. Философы-гностики назвали бы ее персонажем «отец-мать» или «мать-отец». Эрих Нойманн назвал бы ее «уроборос отец-мать».

В данном случае ведьма представляет собой такой аспект или воплощение бессознательного, у которого маскулинные и фемининные качества не разделились и не стали полярными, а все еще образуют некое единство, причем в самой регрессивной и негативной форме. Как правило, когда у сказочного героя или героини умирают родители, это означает отказ от преобладающей сознательной установки, связанной с логосом или эросом, или полную ее утрату. Ее энергия поступает в бессознательное, где активизирует заменяющий их образ, который обычно является негативным.

Так, например, происходит в сказке «Белоснежка»[51], где место умершей королевы занимает злая мачеха, которая заколдовы-

[51] "The Complete Grimm's Fairy Tales", p. 208.

вает главную героиню. Существует и много других сказок, в которых у короля умирает первая жена и остаются дети. А женщина, на которой он потом женится, оказывается злой мачехой, и она начинает преследовать его детей. Среди сказок братьев Гримм самыми близкими аналогами нашей французской сказке являются «Семь воронов» и «Шесть лебедей»[52]. В сказке «Шесть лебедей» умирает мать, отец женится на другой, и мачеха, желая пристроить своих собственных детей, накладывает заклятье на детей короля от первого брака и превращает их в лебедей. А в сказке «Семь воронов» сам отец в гневе произносит заклятье и превращает своих сыновей в воронов. И в том, и в другом случае, как и в нашей французской сказке, сестра снимает со своих братьев колдовское заклятье, снова возвращая им человеческий облик.

Во французской сказке ситуация оказывается особенно трагичной, так как в ней говорится уже о десяти детях, у которых нет ни отца, ни матери. Как правило, отец передает детям духовные ценности, тогда как мать передает им эрос и традиционные ценности, присущие повседневной жизни и данной цивилизации. Но поскольку оба они умерли, это значит, что традиционная культурная преемственность полностью нарушилась, что привело к абсолютной стагнации. Сознательных форм жизни больше не существует.

В этой сказке очень важным является число девять, поэтому мы должны рассмотреть его в более широком контексте. Например, мне хотелось бы, чтобы вы посмотрели на эту цифру, находящуюся в хорошо известном «магическом квадрате»:

4	9	2
3	5	7
8	1	6

Магический квадрат применяется со множеством разных целей в китайской математике, в исламском мире и в разных частях африканского континента. Математические свойства этого квадрата следующие: сумма цифр в любой вертикальной колонке и любом горизонтальном ряду равна 15. Пятнадцати равна даже сумма цифр, расположенных по любой диагонали этого квадрата. Именно в этом и заключается поразительная магия этого квадрата: сумма цифр в любом направлении равна 15.

Это арифметическое свойство квадрата всегда приводило людей в изумление, а потому стало воплощенным представлением о единстве бренного мира – повторяю: не вечного, а преходящего мира. Оно использовалось в играх, магических формулах и т.п. Согласно исламской интерпретации, эти числа являются силами, посредством которых энергия Аллаха нисходит на сотворенный им мир. Таким образом божественная творческая энергия проявляется в единстве этого магического квадрата. Образно говоря, числа внутри квадрата являются свойствами божественной энергии, через которые она может проявляться в мире. Число 10 находится вне квадрата и обозначает либо новое начало, либо конец.

В античном мире, а также у кельтов, к которым имеет отношение наша сказка, число девять связано с Луной или с любым сакральным периодом времени, имеющим отношение к Луне. Большинство священных животных в странах античного мира и у древних кельтов содержались в группах по девять, особенно те, которые предназначались для жертвоприношения. Число девять имеет особый смысл в жертвоприношении Дионису, Деметре, богиням земли, а также во всех жертвоприношениях Гадесу и богам потустороннего мира. Оно определенно имеет связь с лунарным и хтоническим аспектами.

В средневековой символике чисел девять в основном понимали как три раза по три – то есть квадрат числа три, а потому это число ассоциировалось со Святым Духом, самым динамичным проявлением Троицы. Поэтому оно стало символизировать динамику Святого Духа. Такая символика вполне соответствует исламской концепции, согласно которой девять символизирует поток энергии и означает динамичное проявление Аллаха в мире.

В немецких аналогах сказки братья превращаются не в барашков, а в птиц. Птица символизирует бессознательное духовное содержание, поэтому, рассматривая нашу французскую сказку, мы можем также предположить, что превращение девяти братьев в животных связано с динамическими хтоническими силами бессознательного, которые способствуют осознанию. Таким образом, их

[52] Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. литература, 1978, сс. 86, 152. – *Прим. переводчика.*

превращение означает, что эти силы подверглись регрессии до уровня, на котором с ними уже невозможно вступить в контакт. О более точном значении этого превращения мы поговорим несколько позже.

Сестра – женщина, десятая (что с точки зрения символики чисел означает новое начало или конец) – это Левене, главная героиня сказки. Я не нашла ни одной амплификации имени Левене, поэтому не могу сказать, что оно означает.

Эта сказка была записана в XIX веке, в то время, когда люди очень небрежно относились к тому, откуда берутся те или иные сказки. Они не называют источники, поэтому мы можем сказать лишь, что в то время эта сказка считалась народной и что Левене – имя ее главной героини. К сожалению, французы долгое время были убеждены, что сказки – это просто детский вздор или игра фантазии, а потому их не нужно записывать. У них не было строгих правил пересказа, поэтому очень часто несколько сказок смешивались между собой. А в ранних редакциях сказок издатели или авторы часто изменяли их содержание на свой вкус. Так поступали даже братья Гримм; иногда они думали: «Эта сказка не очень хорошая, поэтому мы ее соединим с другой». Но братья Гримм, по крайней мере, комментировали свою работу и оставили записи о том, что они сделали с оригинальными сказками.

Только в последние 40–50 лет у французов сложились правила научного отношения к своему фольклору, и прежде всего требование достоверной записи сказочных историй, то есть именно так, как их рассказывают. Так как наша сказка была записана задолго до этого, мы не можем быть уверены даже в том, что имя главной героини не придумано тем человеком, который сказку записал. Однако нам известно, что некоторые части сказки были вставлены записавшим ее человеком, в частности, утверждение, что «в те времена такие превращения были не таким сверхъестественным явлением, как сейчас», означающее, что в те времена барашков нередко приводили в церковь. Эта фраза явно добавлена, так как не соответствует общему стилю ее изложения. Во французском издании полно такого псевдосказочного вздора, поэтому мы должны научиться отбрасывать подобные вставки и добавления, сохраняя при этом основную структуру сказки.

Наше знание символики чисел позволяет догадаться, что девять братьев воплощают божества или архетипические силы, которые уводят нас в дохристианскую, кельтскую эпоху (а в немецких аналогах сказки, соответственно, в эпоху германского язычества). Образно говоря, они являются дохристианскими языческими богами, которые живут в лесу, за границей цивилизации.

В Европе христианизация никогда в полной мере не проникала в крестьянскую среду. Христианские догмы всегда смешивались с народными языческими традициями. Даже в наше время языческий политеизм остался частично интегрированным в христианство, что проявляется в почитании местных святых и ангелов. Эти фигуры удовлетворяют потребности людей в молитвах особому божеству, с которым они ощущают более тесную связь, чем с великим метафизическим божеством, находящимся на Небесах. Кроме того, так люди удовлетворяют свою потребность в молитве богу, который оказывает особое покровительство в той или иной сфере жизни. Именно поэтому в католическом календаре перечислены все эти святые. Каждый из них наделен особой силой и имеет свою сферу действия: Св. Антоний возвращает человеку потерянные им вещи, Св. Флориан защищает его от огня и т.д. Каждый из них имеет свою функцию. Существование всех этих святых свидетельствует о частично сохранившемся политеизме, когда разные боги представляют разные архетипические аспекты бессознательного, к которым человек мог обратиться в той или иной конкретной ситуации.

Одно из достижений такого половинчатого политеизма, которое принесло с собой католичество, заключается в том, что возникла потребность в создании «церковного года». Хотя этот церковный календарь был утрачен в эпоху Реформации, когда началась строгая религиозная пропаганда монотеизма, – а вместе с ним прекратилось поклонение всем католическим ангелам и святым, – католическая церковь до сих пор пользуется «церковным годом», в котором каждому дню соответствует свой святой, своя деятельность, свои правила поведения и свои особенности в применении определенных инструментов. Например, существует особое время для посадки бобов, для мытья бутылей из-под уксуса и т.п., ибо за каждой такой практической деятельностью стоит своя легенда, из которой можно узнать, почему все следует делать именно так, а не иначе. Например, на Светлую Пятницу вам следует вымыть бутыль из-под уксуса, потому что губкой, пропитанной уксусом, смочили губы распятому Христу. Следовательно, «мать» уксуса следует вымыть именно на Светлую Пятницу, а не в какой-то иной день.

Посмотрев на крестьянский календарь, вы увидите, какое количество традиционных обычаев и привычных дел он регулирует с точки зрения выбора подходящего момента, времени года и изменения жизненного цикла. Такая практика позволяет людям войти в контакт с циклическим временем и помочь им выработать в себе почтительное отношение к природным ритмам.

За всеми этими обычаями просматриваются следы множества языческих традиций. Разумеется, эти обычаи имеют не слишком большое значение, пока мы не поймем их психологический смысл, иначе они, по существу, так и останутся лишь суевериями, чрезвычайно раздражающими рационально мыслящих людей: «Почему нужно мыть бутыль из-под уксуса именно на Светлую Пятницу? – На мой взгляд, ее следует вымыть, когда появляется необходимость или когда в ней кончился уксус, но почему именно на Светлую Пятницу?» Если не обращать внимание на глубинный психологический смысл такой практической деятельности, она станет чисто механической, и в таком случае *обязательно* будет очень глупой!

В нашей сказке умерли родители героев, то есть управляющий центр сознания. Поэтому теперь на первый план выходит самое разное архетипическое содержание, а его «девятикратность», как я уже отмечала, связана с потусторонними лунарными или хтоническими силами. В таком случае мы можем догадаться, что они воплощают или только намекают на дохристианских богов, которые *должны* действовать интегрированно и обладать управляющей установкой. Но пока братья обитают в лесу вместе со своей сестрой; они живут там вместе с дикими животными, в полной изоляции от человеческих отношений.

Изоляция всегда вызывает натиск сил зла и других опасных сил, существующих в бессознательном. Именно поэтому люди, которые имеют особое религиозное призвание и силы, позволяющие им сопротивляться такому натиску бессознательного, за исключением отшельников и шаманов, всегда подвергаются опасности, оказавшись в изоляции. Многие древние религии советуют человеку не жить на природе в одиночестве. Существует множество древних легенд и сказок, которые начинаются с рассказа об опасностях такой жизни. Например, в сказке южноамериканских индейцев[53] семья хочет отправиться на праздник в соседнее поселение, но одна из девочек говорит: «А я хочу остаться дома». Родные ей возражают: «Но это опасно!» – и все-таки оставляют ее дома. Как только они уходят, у порога их хижины появляется чужой мужчина. Он повсюду сует свой нос и просит дать ему поесть. И вдруг девочка с ужасом понимает, что это и есть тот самый Курупира, дух леса, который пожирает людей.

[53] MDW, "Indianer Märchen on Südamerika", no 52 (Jena: Diederichs, 1921).

В других индейских племенах, да и во всем мире существуют аналогичные сказки. Если человек живет один, отдельно от остального племени, он сразу начинает привлекать злых духов природы. Они нападают на него, и если он не является знахарем или шаманом, то есть не обладает магической силой, чтобы защитить себя, то становится жертвой сил бессознательного.

Если хотите узнать, что это означает с точки зрения психологии, просто поселитесь в лесу или горной хижине, поживите там несколько недель в одиночестве, и тогда все поймете. Дьявол нападает на человека со всех сторон.

Некоторое количество бессознательной энергии обычно тратится на межличностное общение. Если этот энергетический поток возвращается обратно в бессознательное, в человеческой душе, образно говоря, начинается наводнение. Это наводнение, вызванное значительным повышением уровня бессознательной энергии, как правило, сначала проявляется в виде Тени, негативного Анимуса или Анимы, особенно если раньше энергию бессознательного подавляли или не обращали на нее внимания. Так, в нашей сказке не обратили внимания на ведьму. Во время охоты братья в погоне за ланью оказались возле ее жилища. Они пришли к ней, то есть вступили на ее территорию.

Этот мотив очень широко распространен в европейских сказках. Но он является архетипическим не только в Европе, а во всем мире. Например, порой некоторые волшебные звери завлекают охотника в такое место, где он никогда не бывал раньше. В восьмидесяти процентах подобных сказок такое приключение приводит к счастливому концу. Обычно охотник находит там несчастную и прекрасную принцессу или совершает другие героические подвиги. Очень часто такие сцены описывают начало процесса индивидуации.

В алхимии в образах оленя и лани воплощается вездесущий и переменчивый бог Меркурий, который увлекает в бессознательное сестру (помощника) алхимика. Эти животные всегда убегают, ускользают, их очень трудно поймать, но вместе с тем их поведение способствует обновлению.

Уже во времена классической античности считалось, что олень обладает тайной самообновления; причиной для появления такой проекции послужил подлинный факт, что после того, как олень сбросит свои старые рога, у него вырастают новые. Словно в это время олень отчасти умирает, а затем, когда у него вырастают новые рога, снова возрождается во всей своей красе. Элиан рассказывает сказку об олене, который состарился, устал и уже начал терять рога. Он отправился к пещере, где обитал его злейший враг – ядовитая змея[54]. Олень проглотил змею, которая его ужалила; потом, испражнившись, он избавился от змеи, но от этого еще больше ослаб. Олень почти умер, но затем произошло его обновление.

Эта история наводит на мысль том, что тайна самообновления заключается в интеграции своей противоположности. Ядовитая змея является полной противоположностью оленю. Переваривая, то есть усваивая свою противоположность, олень может достичь самообновления и открыть для себя тайну новой жизни.

Эта легенда послужила отправной точкой для широко распространенной идеи, что олень является неким подобием героя, который обладает исцеляющей тайной самообновления. Однако оленю приписывается и одно отрицательное качество – гордость. На эту негативную черту мы обязательно должны обратить внимание, так как в нашей сказке лань играет отрицательную роль: она вовлекает братьев в погоню, которая оборачивается для них встречей со злой судьбой. В средневековых аллегориях олень является символом гордости, и опять же, зацепка для этой проекции станет совершенно очевидной, если вам приходилось видеть прекрасного оленя, который гордо несет на голове свои великолепные рога.

По мнению Адольфа Портмана, ветвистые оленьи рога – совершенно абсурдное и бесполезное изобретение природы, так как они не могут служить ему надежной защитой; короткие и острые рога были бы ему намного полезнее. Портман приводит этот пример в качестве иллюстрации того, что в природе бывают не только полезные образования; некоторые из них выполняют особую функцию, которую он назвал *Selbstarstellung* – самопредъявлением или хвастовством[55]. То есть иногда кажется, что некоторые

[54] "Di natura animalium", ed. Rudolf Hercher (Paris, 1858).
[55] "Das Tier als soziales Wesen" (Zürich, 1953).

животные совершенно естественно демонстрируют определенные свои качества, которые люди используют в качестве символов, и наличие этих качеств не объясняется только природной необходимостью. Этот взгляд не разделяют другие зоологи, но само его существование говорит о том, что даже Портман может оказаться в плену архетипического чувства, которое человек испытывает к оленю, а именно, что олень служит воплощением гордости и красоты.

Итак, эти десять детей живут в изоляции, а как мы знаем, изоляция всегда ведет к гордыне – чувству, что человек является особым. Если вы живете среди других людей, то они с утра до вечера берут на себя труд напоминать вам, что вы не представляете собой ничего особенного, а являетесь совершенно обычным человеком – таким, как все. И совершенно справедливо. Но если человек живет один, он очень быстро попадает в плен фантазии, касающейся его самого и всего мира. Поэтому преследование лани могло бы означать, что братья хотят исполнения какого-то своего желания или фантазии.

В книге «И Цзин» о гексаграмме 3 «Чжунь. Начальная трудность» пророк сообщает: «Преследуя оленя без ловчего, лишь попусту войдешь в середину леса»[56], а в толковании говорится, что «все будет валиться из рук, не давая результата»[57]. Там же, при описании гексаграммы 3, говорится, что «если человек остается без помощи уже выработанного разума и стремится постигнуть нечто ему еще неизвестное, его здесь ждет... неудача»*.

С другой стороны, во многих других сказках преследование лани или оленя приводит к началу процесса индивидуации; в таком случае это мудрое изречение можно прочитать и наоборот: «Человек *должен* следовать своим побуждениям, не опираясь на помощь уже выработанного разума, и стремиться постичь нечто ему еще неизвестное, а там – будь что будет».

Сказать так – не значит проявить непоследовательность, ибо что следует делать в такой ситуации, зависит от того, есть ли рядом «ловчий», то есть некая природная мудрость. Те, кто отправились на охоту без ловчего, не знают, как вести себя с ведьмой.

[56] "I Ching", p. 18. См. также: И Цзин. Древняя китайская Книга Перемен. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001, с. 27.
[57] Ibid,. p., 402. См. там же, с. 522.
* Там же, с. 27. – *Прим. переводчика.*

Приблизительно то же я имела в виду, когда говорила, что только знахарь или шаман может оказаться в лесу в одиночестве и не попасть при этом в беду. Чтобы отважиться на риск соприкосновения с бессознательным, необходимы природная мудрость и определенные знания, которые не позволят погибнуть в результате его воздействия.

У ведьмы из нашей сказки фаллические зубы и язык, который можно девять раз обернуть вокруг ее туловища. Это указывает на черты, связанные с потусторонним миром. В античной мифологии река Стикс девять раз опоясывает царство Гадеса. В некоторых версиях мифа Цербер имеет девять голов. Так как число девять можно найти в символике ада, потустороннего мира и царства мертвых, можно предположить, что наша ведьма тоже связана с этими мирами: она порождена мертвыми водами потустороннего мира.

Ведьма хочет выйти замуж за старшего брата. Нет смысла говорить о том, что отказ юноши совершенно понятен.

Предложение ведьмы о замужестве весьма необычно. В подавляющем большинстве других сказок ужасные лесные ведьмы хотят поработить людей, заставить их работать на себя, сделать своими слугами. Они собираются сделать из них повара или кухарку или же просто съесть. Предложение ведьмы взять ее замуж встречается в сказках очень редко, но некоторые аналоги свидетельствуют о том, что оно может быть одной из вариаций основной темы, то есть что силы тьмы жаждут встречи со светом. Темные силы хотят обрести власть над человеком, чтобы получать от него подпитку, пользоваться его услугами или сделать его своим спутником, ибо не могут существовать в одиночестве. Они стремятся вступить в контакт с внешним миром.

Наша ведьма идет еще дальше: она хочет соединиться с человеком в любви. Мы не знаем, какой могла бы быть судьба старшего брата, если бы он согласился на предложение ведьмы. Хотя можем предположить, что ведьма стала бы добрее, но при этом она, скорее всего, погубила бы юношу. Однако это только наши домыслы; в сказке так вопрос не ставится.

Когда наша сказка приняла свою окончательную форму, темные потусторонние, хтонические силы еще не были достаточно интегрированы. Они были отвергнуты и находились в изгнании, и люди потеряли их из виду. Следовательно, в движении этих сил к осознанию существует некая динамика.

В связи с этим мы должны помнить о том, что на протяжении всего повествования мы сталкиваемся с несколькими аристократами, владельцами дворцов. Левене выходит замуж за аристократа. Ее семья тоже имеет благородное происхождение. Таким образом, подчеркивается, что в сказке идет речь о французской аристократии. Они жили в своих дворцах и составляли крайне тесное феодальное сообщество, начиная со средневековья и вплоть до XVIII века. И на протяжении всего этого времени существовала огромная социальная пропасть между образом жизни аристократии с присущим ей высокомерным идеализмом, с одной стороны, – и силами тьмы и земными силами, – с другой. И эта пропасть была слишком широка. Остальное население было крепостным, полностью обреченным или, образно выражаясь, утонувшим во мраке природы-матери.

Франция – чрезвычайно плодородная страна; французы называют ее божественным садом. Нетронутые цивилизацией сельские уголки Франции действительно представляют собой рай, и это поразительное ощущение щедрости и богатства привело к появлению «сладостной Франции» – удивительно приятного стиля жизни, который присущ французам. Французы привнесли в мир искусство хорошо жить, умение любить, вкусно есть, с наслаждением пить вино и создавать красоту. Но Тень этого стиля жизни заключается в том, что человек забывает о существовании темных сил. Когда человек счастлив, он теряет из виду темную сторону жизни. Мы все так живем. Может быть, в этом есть свой резон, но о себе могу сказать, что в этом смысле я похожа на пробку: когда ничто не портит мне настроения, я счастливо плаваю на поверхности воды, пока на меня не обрушится очередная беда или я снова не почувствую на себе натиск темных сил. И, насколько мне известно, большинство моих человеческих собратьев живут точно так же. Пока вы счастливы, вы бессознательно упускаете из виду все неприятные и мрачные стороны бытия.

Одним из результатов такого отношения к жизни стала французская революция. Крестьяне совершали массовые убийства аристократов; многих из них отправили на гильотину. А в это время *tricoteuses**, женщины из среды пролетариата, сидели на трибуне и спокойно вязали. «Гляди-ка, сейчас отрубили голову герцогу де Сюбизу...», «Ох, ах! Мария-Антуанетта, какая она хорошень-

* Буквально tricoteuse (фр.) означает «вязальная машина» – *Прим. переводчика.*

кая! Но посмотри, какая бледная! Как плохо она выглядит!» – и продолжали вязать, глядя на то, как правящему классу рубят головы, и получая большое удовольствие.

Как-то Юнг сказал, что французы до сих пор не опомнились от этой катастрофы. Они все еще не нашли подходящую форму подлинной демократии. Они еще полностью не отошли от того внезапного взрыва. Революция не возникает из ничего – она вынуждена совершиться, потому что правящие классы игнорируют то, что происходит внизу. Они совсем не замечают проблемы и страдания людей. Они счастливо живут на поверхности в некоем подобии рая для дураков. Поэтому на примере истории Франции можно видеть, что произойдет, если не принимать в расчет темную сторону человеческой природы.

Именно такое положение вещей скрывается за страстной потребностью ведьмы в принятии и интеграции. Но, как мы видим, в конце сказки ее желание не исполняется. Ее просто казнят. Иными словами, сознание не соединяется с потусторонним миром.

Интересно отметить, что в сказке указывается на длину языка ведьмы. С помощью языка мы произносим слова. Во французской речи* язык имеет одно обозначение – *la langue*. Таким образом, язык служит воплощением принципа логоса, Слова. А употребление этого понятия в негативном смысле означает злоупотребление словом – например, при клевете, злословии и т.п. Злословие сопутствует многочисленным воплощениям дьявола и бесов – они имеют очень длинные языки.

Монах-иезуит Пичинелли, живший в XVI веке, говорит о существовании огненного колеса дьявола, которое катится среди людей, и его постоянно подталкивают злые языки сплетников, болтунов и клеветников. В данном случае язык служит воплощением бесовского начала, которое все время подталкивает чертово колесо, заставляя его катиться дальше. Так поднимается на поверхность Тень, которая далеко не всегда является негативной. Если *можно* отравить кому-то жизнь, заставив его почувствовать свою никчемность, недоверие или ревность, значит, у этого человека уже существует данный комплекс. Если же вы по-настоящему проработали свои комплексы, то становитесь более или менее защищенными от воздействия слухов и клеветы. Если ядовитое злословие может причинить вам боль, значит, у вас есть какой-то неинтегрированный элемент Тени. Следовательно, не стоит слишком печалиться о том, что такое колесо существует, ибо оно побуждает вас не терять бдительности.

* Так же, как и в русском, в отличие от английского, в котором есть два разных слова: language – обозначающее разговорный язык, и tongue, обозначающее орган. – *Прим. переводчика.*

Девятикратно обернутый вокруг туловища язык ведьмы напоминает нам о темной стороне личности, которую мы должны принять. Без такого ведьминого языка люди просто начнут слишком близко воспринимать христианский идеал совершенства, что лишь усилит их отчуждение от собственных идеалов и стремления совершать добрые земные дела. Тогда идея о том, что представляет собой индивидуация, станет для них слишком возвышенной из-за того, что они подавили темную сторону своей личности.

В социальной среде Франции мы повсюду находим свидетельства присутствия Тени. Например, во французской политике очень большую роль всегда играли утонченные политические интриги. Доказательством тому может послужить то, с какой скоростью меняются французские министры: все эти перемены диктуются правилами подковерной борьбы. Но есть и другая сторона французской истории, где мы сталкиваемся с присутствием ведьмы. Она относится к материальной сфере. Франция – страна, богатая от природы. И хотя ее богатство едва ли может сохраниться длительное время, на протяжении очень многих лет во Франции было легко жить. В связи с этим у французов появилась склонность предпочитать весьма ограниченную материалистическую систему ценностей. Оказывается, и за этой тенденцией угадывается присутствие нашей ведьмы. Она проявляется в поведении тех французских женщин с плотно сжатыми губами, которые вступают в политические браки, продают своих сыновей и дочерей в соседние страны и подробно обсуждают каждую строчку завещания и брачного контракта. Франция – страна любви, но вместе с тем это страна, в которой очень сильна брачная политика и огромную роль играют вопросы денег и наследства. Мне никогда не приходилось анализировать француза (или француженку), чтобы вновь и вновь не возвращаться к обсуждению финансовых вопросов. Эти проблемы непосредственно связаны с ведьмой, которую не принимают открыто, а потому она продолжает править в темноте лесной чащи.

В нашей сказке отвергнутая ведьма превращает девятерых братьев в барашков. Девушку она избавляет от этой судьбы, но лишь до тех пор, пока та будет об этом молчать, иначе тоже превратится в овцу. Не совсем ясно, почему ведьма все же пощадила сестру: может быть, только потому, что она одного с ней пола, а значит, ее отказ жениться на старой ведьме был бы вполне естественным. Левене оказывается вне брачных устремлений ведьмы, а потому избегает прямой кары.

Теперь нам следует задуматься: почему ведьма решила превратить братьев именно в барашков, а не в других животных. Такое превращение довольно необычно. Мне не удалось найти никаких сказочных аналогов, в которых заколдованных персонажей превращали бы в барашков: как правило, заколдованные люди обращались в птиц или лесных зверей. То, что животными оказались барашки, указывает на какую-то особенность, связанную с местными проблемами.

Следует обратить внимание на негативные аспекты образа барашка. Хотя в католических странах барашек считается христианским символом *Agnus Dei**, очевидно, что в нашей сказке барашки имеют прямое отношение к колдовству. Даже священник не сразу пускает этих барашков в церковь, поэтому в данном случае нам приходится исключить связь барашков с христианством и поискать другие их символические значения.

В фольклоре барашки и овцы обладают чертами медиумов, то есть предугадывают, что должно случиться. Они предчувствуют погоду, смерть своего хозяина, наступление несчастья, и это предчувствие проявляется в панике. С другой стороны, считается, что они легче всего подвергаются воздействию черной магии и колдовских чар: если крестьянин хочет навести порчу на своего соседа, самый простой способ – навести порчу на его овец. На них лучше легче всего действует колдовство по сравнению с другими животными. Барашки и овцы настолько невинны, что не имеют никакой защиты от сил тьмы.

В Греции овец называли *probaton*. Это красивое слово. *Pro* означает вперед, а *baton* – производное от *beino* – идти пешком. Барашек – это животное, которое идет вперед. На мой взгляд, это прекрасная характеристика. Стадо овец будет просто идти по равнине куда глаза глядят: одна за другой, тупо жуя траву. Они не

* Агнец Божий (лат.) – *Прим. переводчика.*

смотрят куда идут, а просто шагают вместе со стадом. Большое стадо овец часто напоминает поток воды: они все «плывут» в одном направлении.

Кроме того, овцы – стадные животные, и эта черта является их огромной слабостью. Они легко поддаются панике. Например, если за ведущей овцой стада погонится собака и та от нее побежит и прыгнет в пропасть или в панике сделает еще что-нибудь в этом роде, за ней последует все стадо. В швейцарских газетах часто можно прочесть о том, как в Альпах собаки или туристы испугали всего несколько овец или барашков, и те прыгнули в пропасть, а за ними последовало все стадо! Тогда крестьянам приходится забивать их всех. Так, однажды им пришлось забить триста овец, которые прыгнули с утеса вслед за ведущим бараном. Полный идиотизм! Стадный инстинкт совершенно ослепил их; они просто тупо шли вперед вслед за первой овцой*.

Таким образом, овца или барашек всегда служили вполне уместной иллюстрацией «стадного человека», «человека толпы» – стадной черты, которая побуждает людей вести себя и поступать именно так, как другие, независимо от того, насколько глупыми могут быть поступки. Это похоже на распродажу в крупных супермаркетах, когда женщины хватают абсолютно все, а затем, вернувшись домой, совершенно не понимают, зачем они купили целую охапку вещей, которые им абсолютно не нужны. Они это сделали только потому, что так поступали другие! Это прекрасный пример реактивного поведения людей. Оно становится заметным уже у маленьких детей. Часто бывает, когда один ребенок что-то сделает, к нему сразу же присоединяются другие: «Я тоже! Я тоже!»

Другим объяснением выбора овцы в качестве заколдованного животного может послужить тот факт, что французы – я имею виду весь народ – в основном относятся к чувствующему типу личности, а следовательно, отличаются нежеланием или неспособностью долго думать. Очень характерно, что когда французы думают, у них проявляется склонность к схематичному, абстрактному мышлению, типичному для подчиненной функции мышления, присущей людям чувствующего типа.

Однажды сообщество французских физиков и философов пригласило Юнга прочитать лекцию. Тогда Юнг был еще молод,

* Подробнее о символике овцы и «человеке толпы» см.: М.-Л. фон Франц. Puer Aeternus. М.: Независимая фирма «Класс», 2007. – *Прим. переводчика.*

он объяснил им свою концепцию бессознательного в самых общих чертах – и ничего этим не достиг. Смысл того, что он хотел донести, просто не дошел до слушателей. Тогда он попытался объяснить эту же концепцию на рациональном, философском языке, а потом на языке медицины, но с тем же результатом. В конце концов один из членов сообщества (который был евреем, а потому имел более широкий кругозор) сказал: «Я, наконец, понял: вы говорите о религии!»

Видите ли, религия – это совсем другое. Здесь дело не в этом. В религии считается самоочевидной истиной, что человек живет, никогда не задумываясь над жизнью. Он использует свой разум только для игры ума в самых частных случаях, а не для поиска глубинных истин. Задавать глубокие вопросы запрещено. Они имеют отношение к религии, а значит отвечать на них – дело церкви и священников. Обычному человеку о таких вещах думать не следует.

Несколько раз я читала лекции в Париже. Мне было очень сложно передать то, что я хотела сказать, так как я ощущала некое сопротивление. Однажды я совершила большую глупость. Я подумала: «Французы – рационалисты, причем рационалисты схематичные». Поэтому я прочитала им лекцию по своей книге «Число и время». Однако в книге были подлинные мысли, а не схемы, поэтому я ничего не добилась. Единственное обсуждение, которое, казалось бы, их заинтересовало, относилось к оккультной символике чисел. Это была единственная тема, которую я не затронула, – мне совсем не хотелось ее касаться. Но они сами вынесли эту тему на обсуждение. Оккультизм – это то, что им было надо! Я была очень разочарована, но после лекции они наговорили мне как женщине много любезностей и сделали массу комплиментов, поэтому я вернулась домой, ощущая себя очень счастливой. Однако для этого мне пришлось забыть о своем рассудке: я не смогла донести до них ни одной своей истинной мысли или мне это просто показалось...

«Овцеподобие» не раз угрожало французской культуре. Естественно, бывали и исключения; всегда находятся гении и просто неординарные личности, которые разрушают это колдовство. Надеюсь, вы понимаете, что когда я огульно делаю выводы, они представляют собой всего лишь обобщения, из которых всегда бывает много исключений. Но коллективная тенденция, касающаяся глубины мышления, очень сильна, поэтому я уверена, что она отчасти объясняет то символическое значение овцы, которое так поразительно и характерно проявляется в этой сказке.

Далее: Левене живет в маленькой хижине вместе со своими братьями, превращенными в барашков, поет им песенки и читает молитвы, а потом выходит замуж, переезжает жить во дворец и, сидя в дворцовом саду, плетет для братьев цветочные гирлянды и продолжает петь им песенки. Эта картина вполне соответствует сценарию «Дафниса и Хлои»*: сад рококо, эротическая идиллия в период «псевдовозвращения назад к природе», конец эпохи французского феодализма, когда люди действительно играли во влюбленных пастушков и пастушек, не обращая никакого внимания на внутреннее брожение, которое привело к французской революции. И так продолжалось вплоть до самого конца, когда они почти играючи позволили себя убить. Это был мир порочной сентиментальной игривости, которая касалась даже слогана «назад к природе». В то время в моду вошло быть более естественным, однако насколько неестественной была эта естественность! Все было приторно-сладким и сентиментальным, причем до такой степени, что благовоние доносилось даже из свинарника! Таков был фальшивый мир, в котором Левене вышла замуж за молодого аристократа.

Когда Левене играла в саду со своими братьями-барашками, ее столкнула в колодец ревнивая служанка, которая была дочерью ведьмы и женой садовника. Обе женщины были беременны, поэтому служанка заняла место Левене, а затем захотела съесть мясо старшего барашка.

В сказках братьев Гримм можно найти два аналога этого мотива: «Гусятница»[58] и «Белая и черная невеста»[59]. В сказках очень часто бывает так, что место принцессы или другой благородной девушки обманом занимает ее служанка, вводя в заблуждение ее мужа. Он считает служанку своей женой, а его настоящая жена оказывается либо убитой, либо превращенной в животное, либо как-то иначе изгнанной из дворца. В данном случае настоящую жену столкнули на дно колодца.

Так как Левене является главной героиней этой сказки, она служит воплощением важного фактора – освобождения от кол-

*Лонг. Дафнис и Хлоя. М.: Худ. литература, 1969. – *Прим. переводчика.*
[58] Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. литература, 1978, с. 262. – *Прим. переводчика.*
[59] Там же, с. 385.

довства, той фемининной чувствующей установки, посредством которой с ее братьев снимаются злые чары. Следовательно, она символизирует побуждение к дифференцированному человеческому чувству, которое имеет подлинную связь с глубинными духовными ценностями. Но в сказке служанка, то есть лженевеста, толкает ее в колодец.

Лженевеста всегда ревнива. Она совершает свой поступок из зависти и ревности. Я хочу рассказать об этих качествах, ибо, по мнению Юнга, зависть и ревность являются основными пороками женской натуры. Причем эти пороки фемининности проявляются не только у женщин, но и в теневой стороне Анимы у мужчин. Когда мужчина одержим своей Анимой, он тоже испытывает ревность и зависть. Это, в частности, можно увидеть, наблюдая за научными дискуссиями. Как только мужчина начинает говорить не столько ради выяснения фактов или истины, а принимается спорить, причем в его голосе слышится женская интонация: «А теперь послушайте *меня*...», – знайте: он находится во власти Анимы, отыгрывая свое тщеславие и ревность. Его больше не интересует истина, он хочет слышать только свой голос. Таким образом, хотя этот порок и имеет фемининную природу, он встречается как у женщин, так и мужчин. Это просто означает, что фемининной Тенью является неотделимая от нее зависть или ревность. Я имела в виду то же самое, когда говорила о реакции «я тоже!», о незнании собственных ценностей и потребностей, о неспособности отделить их от ценностей и потребностей другого человека. Такое постоянное сравнение себя с другими, реакция «я тоже это хочу, потому что это есть у другого» – величайшее препятствие для индивидуации.

У ведьмы есть и другой скрытый потенциал. Она владеет искусством исцеления. Язык не только служит для произнесения слов, но и является органом вкуса. Не раз бывало так: не сумев определить предмет с помощью зрения или на ощупь, мы пробовали его на вкус – ведь, как известно, на языке имеется множество нервных окончаний. И тогда нам удавалось определить, что это за предмет. Поэтому язык символизирует умение находить отличия, а следовательно, видеть качественные противоположности. Именно этот фактор отсутствует в мире, где живут овцы.

Негативная часть ведьмы-служанки отыгрывает зависть. Это качество всегда было одним из величайших врагов человеческой цивилизации. Именно поэтому в политической пропагандистской

критике всегда присутствуют зависть и ревность. Стоит произнести с трибуны: «Видите, *у них* это есть, а *у нас* нет!» – и у людей начинают бушевать эмоции. Такие ведьмины трюки многократно применялись на протяжении всей человеческой истории, чтобы вывести людей из себя и спровоцировать массовые волнения.

Садовнику, мужу служанки, было приказано убить старшего барашка, но ему это не удалось, потому что барашек стал бегать вокруг колодца. Так он указывал на то, что его сестра упала туда и осталась жива.

Отрицательный персонаж – садовник – еще одна примечательная особенность нашей сказки. Такое почти нигде не встречается. Обычно в мифологии садовники – весьма позитивные персонажи, часто связанные с идеей спасения героя. В древнем Египте садовником считался Осирис. После Воскресения Христос явился именно в облике садовника женщине, которая пришла к пустой могиле. Возможно, здесь существует какая-то связь с воссоединением частей Осириса. Да и во многих других мифологических текстах герой очень часто становится садовником при дворе короля или царя и живет там до тех пор, пока не выяснится, что он является истинным героем.

Образ садовника, как правило, представляет собой латентную форму выживания героя до тех пор, пока он не получает признания в своей высшей форме. Так, например, можно интерпретировать явление Христа в облике садовника. В течение трех дней после погребения он пребывал в латентном состоянии: Его никто не видел, и Он еще не воскрес, когда явился в облике садовника. Только после преображения Он открыл свою истинную божественную сущность. А поскольку наш садовник – персонаж отрицательный, нам следует как можно внимательнее отнестись к этому образу.

Вспомним, что в нашей сказке прекрасный сад воплощает цивилизованную природу, но это воплощение имеет отрицательную коннотацию, так как сад слишком похож на рай. Как известно, рай – это сад, поэтому наш садовник может считаться, так сказать, творцом рая для дураков: он создал этот райский уголок, в котором резвятся барашки и девушка играет с ними. В нем царит атмосфера полной невинности, которая только притягивает к себе природные силы зла. И в данном случае все именно так и происходит: злой умысел служанки все приводит в движение. Именно из-за ее упрямого желания поесть мяса барашка муж

Левене в конце концов узнает, что его настоящую жену столкнули в колодец. А из-за своего испуга Левене родила ребенка, как только ее вытащили из колодца. И хотя ребенок в этой сказке остается безымянным, а его роль – вспомогательной, именно благодаря его появлению на свет и последующему обряду крещения, братья освобождаются от наложенного на них колдовского заклятья.

Появление ребенка становится решающим фактором. Обычно в других аналогичных сказках сестра заколдованных братьев рожает совершенно особенного ребенка, у которого во лбу есть звезда или знак солнца, что свидетельствует о появлении нового спасителя, или целителя, или нового короля, или же это божественный младенец, который воплощает обновление жизни.

Злой умысел служанки и его воплощение (то, что она столкнула главную героиню на дно колодца) способствуют тому, что Левене производит на свет ребенка – символ спасения и обновления. Таким образом, Левене воплощает элемент фемининности, создающий новые возможности, которые позволят преодолеть застой и приведут к светлому будущему.

Левене говорит: «Нам нужно сразу окрестить нашего сына, а большой белый барашек будет его крестным отцом». Обычно детей крестят сразу же, только если они рождаются очень слабыми или если их жизни угрожает опасность. Обычно же крещение происходит через день-два после рождения. Следовательно, этот божественный младенец, эта возможность обновления жизни все еще находится в серьезной опасности. По-прежнему сохраняется возможность того, что силы зла, то есть ведьма, ее дочь и садовник могут причинить ему вред, а значит, следует совершить обряд крещения, причем сделать это нужно сразу, чтобы он не умер, прежде чем его душу примет сообщество.

Белый барашек становится крестным отцом. Это весьма интересно. На английском языке крестный отец и крестная мать ребенка пишутся соответственно *godfather* и *godmother**. На немецком – *Pate* и *Patin* – слова, которые не слишком раскрывают свое значение. Однако на английском языке их значение раскрывается полностью. В процессе крещения *godfather* и *godmother* напоминают не только о том, что каждый из нас имеет двух смертных,

* Эти слова дословно переводятся с английского как «божественный отец» и «божественная мать». – *Прим. переводчика.*

несовершенных земных родителей, но и о том, что нашими истинными родителями являются архетип отца и архетип матери. А если вы являетесь крестным отцом или крестной матерью ребенка, то должны пообещать перед алтарем: если его родители станут немощными, или умрут, или просто перестанут выполнять свои функции, вы займете их место. Таким образом, крестные родители в той или иной мере подстраховывают жизнь ребенка.

Хотя в реальной жизни так происходит далеко не часто, в процессе анализа мы можем видеть, что если у кого-то был плохой отец или плохая мать или этот человек отрицательно относится к кому-то из родителей, в глубине его психики есть исцеляющие силы хорошего отца и хорошей матери. И если человек хочет исцелиться от того вреда, который причинили ему кровные родители, он должен обратится к этим архетипическим силам, и они могут восстановить то, что погубили кровные родители.

Выбрав старшего брата крестным отцом, сестра требует, чтобы католическая церковь признала этого главного языческого бога. Заметим, что он избавился от злых чар, став крестным отцом, тогда как другие братья освободились от заклятья только после того, как священник накрыл их своей епитрахилью. Совершив этот обряд, священник сделал их своими братьями, то есть тоже священниками. Он дал им часть своего священного облачения и тем самым признал в них священников. Поэтому старшего брата негласно признали святым, а восемь остальных братьев – священниками, и благодаря всем свершившимся действиям они освободились от злых чар и приняли человеческий облик.

Все это говорит о том, что, как часто бывает в католических странах, коллективное бессознательное пытается не столько низвергнуть преобладающую форму сознательной жизни, сколько «усовершенствовать» ее, чтобы достичь глубинной и важной интеграции с ее языческой основой. Церковь приняла в себя много элементов язычества, выражающихся в культах, обрядах и других внешних проявлениях, но чтобы не застыть и продолжать жить дальше, ей обязательно нужно вобрать в себя и еще лучше интегрировать языческий мир. Но это, естественно, приведет католическую церковь к той же самой проблеме, с которой уже столкнулась протестантская церковь, но в другой форме, и которая в нашей сказке не нашла своего решения, а именно – к проблеме абсолютного зла.

В нашей сказке еще может быть принято все, что связано с кельтским язычеством и природой. Благодаря широте взглядов священника, который разрешает барашку стать крестным отцом ребенка и держать передними ногами своего крестника, все эти элементы могут быть интегрированы. Если бы сказка на этом заканчивалась, нас бы это удовлетворило гораздо больше.

Однако она на этом не заканчивается: проблема зла остается все еще нерешенной. В самом конце сказки мы имеем две триады. Одну из них составляют Левене, ее муж-аристократ и их ребенок – это позитивная триада. Но вместе с тем существует и негативная триада, которую составляют ведьма, служанка и ее муж-садовник. Эти две триады абсолютно непримиримы. Вторую триаду уничтожают: всех трех персонажей разрывают на части четыре дикие лошади. Обычно все позитивное троично; в данном случае существует позитивная триада и негативная триада, но негативную триаду уничтожают.

Такое решение в сказке является наименее удовлетворительным. Точнее сказать, оно меня совсем не удовлетворяет с психологической точки зрения, поскольку, образно говоря, распространяет зло. Подобная казнь злых персонажей в сказках встречается очень часто, но нам всем хорошо известно, что как только ведьму казнят в одной сказке, она сразу же появляется в следующей. Поэтому мы очень хорошо себе представляем, насколько эффективна такая казнь! Разве что на совсем короткое время. Она означает только то, *что в данный момент* прекратилось пагубное действие этого темного материнского архетипа. Но с точки зрения вечности оно вообще не останавливалось. Этот архетип потерпел поражение только в данной констелляции и только на какой-то момент. Поэтому его действие скоро возобновится, но уже в другой форме.

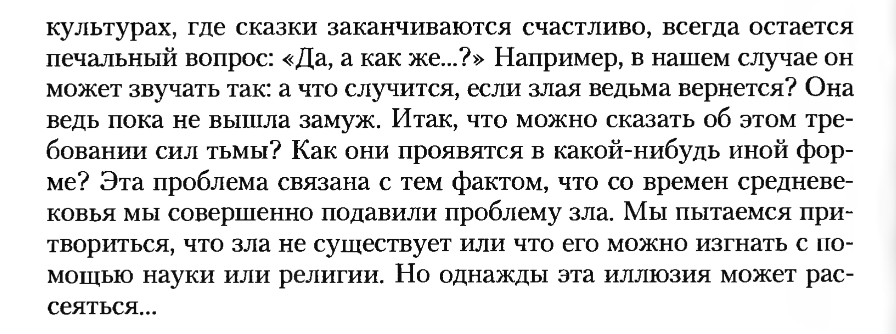
Казнь злого персонажа в сказке соответствует исчезновению в жизни человека со специфическим вредным импульсом, который является источником невроза. Этот импульс перестает действовать в открытой форме и принимает латентную форму, но при этом не исчезает навсегда. Он только на какое-то время изгоняется из сферы сознания.

Поэтому наша сказка, как и многие другие, заканчивается вопросительным знаком: так далеко заходит только освобождение от колдовства принцесс, а потом процесс просто стопорится, оставляя нас с вопросом без ответа. Чаще всего я замечала это в случае преобладания триадных форм – девяти и трех, но только не четверичных. Я даже подумала о том, что, может быть, триадные формы в сказках встречаются чаще, чем четверичные. Но с другой стороны, во всех религиозных мифологиях и в алхимии преобладают четверичные образования. Такое отличие сказок производит странное впечатление. Они изображают процессы, происходящие в коллективном бессознательном, *когда сознание их не понимает.* Они похожи на непонятые сновидения, не интегрированные в культурное сознание или интегрированные только частично.

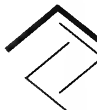
Что касается народных сказок, то люди просто получают наслаждение, рассказывая их, и на этом все заканчивается. Они ощущают прилив бодрости, ибо сказки оказывают позитивное исцеляющее воздействие, но не ассимилируют их; они не размышляют над ними, как не размышляют над мифологией, составляющей основу религиозной системы, цивилизации или алхимической философии. Они вызывают у человека интерес. Он пытается создать из них сознательную систему: философскую, догматическую или теософскую. Он пытается объяснить, почему все происходит именно так. Благодаря им человек вступает в некий *Auseinandersetzung* – то есть в диалог между коллективным сознанием и коллективным бессознательным. Но что касается сказок, то они являются чисто природным продуктом. Они показывают, как природа играет сама с собой. Сказки похожи на сновидения людей, которые их записывают, но никогда о них не думают. Следовательно, изучая сказки, можно увидеть, как формируются компенсаторные процессы: как происходит крах и как складывается решение, как снова происходит крах, а затем появляется следующее решение. И этот процесс бесконечен.

Единственное, что в отсутствует в сказках, – это человеческая индивидуальность. Именно поэтому многие сказки имеют печальный или неоднозначный конец. Но вот что интересно (и в этом можно убедиться на примере анализа африканской сказки): чем ближе мы подходим к древнему материалу так называемых первобытных народов, тем чаще у сказок бывает грустный конец. Прочитав африканские сказки или сказки южноамериканских индейцев, вы увидите, что счастливый конец там встречается очень редко.

Несколько позже я объясню, что это значит, а сейчас хочу просто подготовить почву, показав вам, что даже в более развитых

культурах, где сказки заканчиваются счастливо, всегда остается печальный вопрос: «Да, а как же...?» Например, в нашем случае он может звучать так: а что случится, если злая ведьма вернется? Она ведь пока не вышла замуж. Итак, что можно сказать об этом требовании сил тьмы? Как они проявятся в какой-нибудь иной форме? Эта проблема связана с тем фактом, что со времен средневековья мы совершенно подавили проблему зла. Мы пытаемся притвориться, что зла не существует или что его можно изгнать с помощью науки или религии. Но однажды эта иллюзия может рассеяться...

Сказка о Мриле (Африка)

Сейчас мы рассмотрим африканскую сказку. Она называется «Сказка о Мриле»[60] и пришла к нам из восточной Африки, из племени дшагга, принадлежащем к народности банту. Вот содержание этой сказки:

> У одного человека было три сына. Старший сын, по имени Мриль, пошел со своей матерью собирать семена колокасии[*]. Увидев семена, Мриль спросил:
>
> – Неужели это семечко? Оно такое же красивое, как мой маленький брат!
>
> – Как же семечко может быть таким же красивым, как человек? – отозвалась мать Мриля.
>
> Но мальчик положил семечко в дупло дерева и сказал:
>
> – Масура Киривири чакамбринго накасанга (эта фраза не переводится даже на язык банту), – и они вернулись домой.
>
> На следующий день Мриль снова пришел к дереву с дуплом и увидел, что семечко превратилось в маленького ребенка. Мать Мриля, как всегда, готовила еду. И теперь каждый раз, как только пища была готова, Мриль прятал свою порцию и тайно приносил ее ребенку. Но сам он при этом все больше и больше худел. Его родителей это очень беспокоило, и они решили выяснить, куда пропадает еда.
>
> Однажды младший брат Мриля увидел, как тот прячет свою пищу, пошел за ним следом и все узнал. Увидев, как старший брат отдал свою еду ребенку, он рассказал об этом родителям:

[60] MDW, Afrikanische Märchen, no 9 (Jena: Diederichs, 1921).

[*] Колокасия – сладкий картофель. – *Прим. ред.*

7 — 1714

– Он отправился к дереву с дуплом и положил туда еду. Оказалось, что в дупле был маленький ребенок.

Потом младший брат привел к этому дереву мать. Она убедилась, что в дупле действительно был маленький ребенок, и убила его.

Мриль ничего не знал о том, что случилось, и когда в следующий раз он, как обычно, принес к дереву еду, то нашел там мертвого ребенка. Вернувшись домой, он стал плакать. Родные спросили его:

– Мриль, почему ты плачешь?

– Ничего особенного, просто мне в глаза попал дым, – ответил он.

Родные посоветовали ему пересесть на другое место, но когда мальчик пересел, он снова заплакал, однако никому не назвал причину своих слез. Тогда родные сказали:

– Возьми стул отца и отправляйся на внутренний дворик.

Мриль взял отцовский стул, стоявший на внутреннем дворике, сел на него и сказал:

– О стул, поднимись вверх, как канат моего отца, когда он вешает на деревья горшок для меда.

И стул тут же поднялся вверх на 50 метров и остановился. Мриль во второй раз сказал:

– О стул, поднимись вверх, как канат моего отца, когда он вешает на деревья горшок для меда. На этот раз Мриля увидел один из его младших братьев. Он побежал, чтобы позвать всю семью, плача, что Мриль покидает их и отправляется на небеса.

Мать Мриля вышла из дома и стала звать сына:

– Мриль, сыночек мой, возвращайся обратно!

Она позвала его шесть раз. Но Мриль ответил:

– Я не вернусь. Я не вернусь, мама. Я больше не вернусь, я больше не вернусь.

Затем младший брат позвал Мриля:

– Мриль, возвращайся! Возвращайся домой!

Но Мриль ответил:

– А я больше не вернусь.

Затем к Мрилю обратился отец:

– Мриль, здесь есть еда! Здесь твоя еда!

Но Мриль ответил:

– Мне больше не нужна еда. Мне она больше не нужна, отец, она мне больше не нужна.

Затем пришло все племя, и люди сказали:

– Мриль, возвращайся домой!

А его дядя закричал:

– Мриль, возвращайся к себе домой!

Но Мриль в ответ воскликнул:

– Я не вернусь, дядя. Я больше не вернусь обратно.

Так он исчез, и с тех пор его больше никто не видел.

По пути Мрилю встречалось много разных людей: кто-то из них собирал хворост, кто-то сеял просо, кто-то пас скот и т.д. Он спрашивал у них:

– Как мне добраться до Лунного Царя?

И каждый отвечал:

– Я расскажу тебе, как добраться до Лунного Царя, если ты мне немного поможешь.

Он помогал всем, кого встречал на пути, и постепенно нашел дорогу к Лунному Царю.

Добравшись до Лунного Царя, Мриль увидел людей, которые ели сырую пищу, и сказал:

– Почему вы не готовите пищу на огне?

Они ответили:

– А что такое огонь?

Мриль очень удивился:

– Неужели вы совсем не знаете, что такое огонь? Еда становится намного вкуснее, если приготовить ее на огне!

Тогда Лунный Царь сказал:

– Мы дадим тебе большое стадо коров, если ты нам покажешь, как готовить еду на огне.

Мриль попросил, чтобы люди принесли из лесу хворост. Потом он взял деревянную дощечку с отверстием, вставил в него деревянное сверло и добыл огонь. Он поджарил на огне несколько бананов, дал их Лунному Царю и спросил:

– Правда, так намного вкуснее?

Лунный Царь пришел в восторг. Потом Мриль поджарил на огне мясо и раздал его людям. И снова все пришли в восторг. После этого Лунный Царь созвал свой народ и сказал:

– Это чудо пришло из другого мира. Да, из другого мира, от вашего народа.

[Все души умерших предков отправлялись к Лунному Царю, поэтому, когда Лунный Царь сказал: «Этот человек пришел от вашего народа», – он, возможно, обращался к предкам Мриля.]

Люди дали Мрилю много богатых даров, но мальчик вдруг затосковал и захотел вернуться домой. Он посылал вниз много птиц, чтобы сообщить людям о своем возвращении, каждая птица издавала радостный крик, но ни одна не достигла цели. Наконец, один дрозд прилетел к народу Мриля и сказал:

– Послезавтра вернется Мриль, оставьте ему в ложке немного сала!

Затем дрозд вернулся к Мрилю и сказал:

– Я выполнил твое поручение.

Но мальчик не поверил дрозду и велел ему снова лететь домой. На этот раз дрозд вернулся, захватив из дома Мриля палочку, чтобы доказать, что он исполнил его просьбу.

Наконец, Мриль удостоверился, что дрозд предупредил народ о его возвращении, и отправился домой. Его путь был очень долгим и трудным, и Мриль скоро устал. Тогда буйвол сказал:

– Если ты так устал, я могу посадить тебя себе на спину, но как ты меня за это отблагодаришь? Если я повезу тебя на своей спине, то потом ты меня убьешь и съешь?

Мриль ответил:

– Нет, я никогда тебя не съем.

Он влез на спину буйволу и возликовал:

– Я очень богатый человек. Весь этот скот принадлежит мне! Я очень богатый человек. Весь этот скот принадлежит мне!

Когда он вернулся домой, отец и мать дали ему много сала и мяса. Но прошло время, и буйвол состарился. Тогда отец Мриля его убил. А мать спросила Мриля:

– Неужели мой сын не съест мяса этого буйвола, который доставил ему так много неприятностей?

С этими словами она положила жир буйвола в горшок, а когда узнала, что мясо буйвола закончилось, взяла

немного муки, смешала с жиром буйвола и дала Мрилю. Но едва тот поднес кусок ко рту, мясо заговорило человеческим голосом:

– Ты все-таки решил съесть меня, хотя я вез тебя на своей спине!

Мриль воскликнул:

– Мама, я ведь просил тебя не давать мне мяса этого буйвола!

И когда он взял второй кусок мяса, его нога погрузилась в землю. Он снова закричал:

– Мама, я ведь просил тебя не давать мне мяса этого буйвола!

И как только Мриль съел всю муку с жиром, он внезапно исчез под землей. И это конец сказки.

В самом начале сказки Мриль втайне от матери берет семечко колокасии, прячет его в дупло, и оно с помощью волшебства превращается в маленького ребенка. И вся последующая трагедия сказки связана с тем, что мать обо всем узнает и убивает ребенка.

Это широко распространенный архетипический мотив. Его можно найти и в другой африканской сказке – «Сказке о Чавине»[61]. Чавин тоже тайно выкармливает маленького чудесного ребенка. Его родителям тоже становится об этом известно, но они не убивают ребенка, а только прячут его от сына. Тогда мальчик начинает плакать и впадает в такое отчаяние, что родители сообщают ему, где спрятан ребенок, и Чавин снова его находит. Ребенок становится великим знахарем, а впоследствии даже превращается в божество. Таким образом, из сказки о Чавине нам становится известно, какие огромные возможности заложены в маленьком ребенке, который появился из семечка.

Сразу скажу, что эта тема не только африканская. В сборнике братьев Гримм есть «Сказка про жабу»[62], в которой маленькая девочка находит жабу и тайком приносит ей молока. За это жаба одаривает ее золотом и драгоценными камнями. Но мать девочки неожиданно узнает про жабу и убивает ее, а в качестве наказания за это убийство умирает сама девочка. То есть в этой сказке мать

---

[61] Ibid., No 22.

[62] MDW, Kinder und Hausmärchen, Die Gebrüder Grimm, vol. 1, No 1 (Jena: Diederichs, 1922).

тоже убивает тайного чудесного собрата своего ребенка. Как известно, в африканской сказке Мриль от этого только очень страдал, тогда как в немецкой сказке девочка умерла именно потому, что ее мать убила жабу. Эти сказки позволяют сделать вывод о том, что может случиться, если у ребенка есть такой друг, будь то появившийся из семечка ребенок, чудесная жаба или какой-то другой волшебный собрат.

Хорошо известно, что в возрасте от полутора до пяти лет дети бывают очень привязаны к куклам или игрушечным животным, которые становятся для них чуть ли не божественными объектами. Они не могут заснуть, если рядом с ними в постель не положить любимую игрушку; а ночью испытывают страх, если не найдут ее рядом. Можно сказать, что эти объекты являются первой спроецированной формой Самости. Позже они становятся менее значимыми в жизни детей. Постепенно дети, как правило, заменяют их другими игрушками, а к тому времени, когда идут в школу, они уже знают, что игрушки – «неживые». Так происходит медленное исчезновение проекции; однако в раннем детстве практически у всех детей есть связь с магическим божеством, которое является их двойником. Своему плюшевому мишке или кукле они говорят именно то, что мама говорит им. Они делятся с игрушками не только едой, но и своими повседневными впечатлениями.

Наличие магического или божественного двойника в жизни ребенка – это проявление архетипического мотива. Такой двойник для ребенка сродни маленькому брату или сестре, которые обладают божественными качествами. Этот феномен объясняется тем, что маленькие дети живут преимущественно в области коллективного бессознательного. Так как их Эго еще не очень развито, они очень близки к переживанию Самости и содержания бессознательного. Отчасти об этом говорят их сновидения, которые нередко имеют архетипическое содержание. Поэтому можно сказать, что дети все еще стоят одной ногой в вечности; они еще не достигли полного воплощения в обычной земной человеческой жизни, и над ними продолжает парить их бессмертная личность. Образ такой бессмертной личности и лежит в основе феномена двойника.

Во многих первобытных племенах, особенно в Африке, распространено поверье, что такой бессмертный двойник есть у каждого человека. С материальной точки зрения он идентифицируется с плацентой. Плаценту, которая вышла из чрева матери во время рождения ребенка, высушивают на солнце, а затем превращают в фетиш, который вешают ребенку на шею, как амулет. Он служит воплощением второй ипостаси двойника, которая остается в мире духов или на небесах и в таком виде должна сопутствовать человеку на протяжении всей его жизни. Но если человек увидит своего двойника – например, внезапно встретит где-то в лесу или во время галлюцинации, – эта встреча означает для него смерть.

Такое суеверие можно обнаружить даже во многих европейских странах: встретить своего двойника – значит увидеть предзнаменование смерти, ибо именно эта «другая половина» во время жизни человека остается на небесах и спускается на землю лишь затем, чтобы доставить его в иной мир. А в момент смерти человек воссоединяется со своим двойником и вновь становится единым целым. Таким образом, человек может достичь целостности только в момент наступления смерти, воссоединившись с той половиной своей личности, которая остается в Запредельном – в мире духов и предков.

Однако Мриль бросает семечко в дупло, когда уже миновал возраст, в котором дети обычно играют в игрушки; он превращает это семечко в живого ребенка – настоящего ребенка из плоти и крови, которого могут видеть другие люди. Это значит, что Мриль – не обычный человек; у него есть призвание стать знахарем. В первобытных племенах знахарей с раннего детства отличала важная черта – они никогда полностью не теряли связь с Запредельным. Позже, во время инициации, они снова вступали в контакт с некоторыми известными духами, которые оказывали им помощь. Этими духами очень часто бывали умершие предки или священные животные, и с их помощью знахари могли проводить свои исцеляющие ритуалы или выполнять другие функции, которые не могли осуществить только силой своего Эго.

Эго знахаря точно такое же, как и Эго любого другого человека. Но, в отличие от обычных людей, знахари обладают сверхъестественным даром – способностью вступать в контакт с бессознательным и констеллировать образы, помогающие исцелению. Они постоянно поддерживают связь с глубинами бессознательного, которую обычные люди, как правило, утрачивают в младшем школьном возрасте. В этом можно убедиться на следующем примере: как только ваши дети достигают определенного возраста и

вы собираетесь прочесть им какой-то миф или сказку, они заявляют: «Не надо! Я не хочу про это слушать. Мне хочется знать о том, что происходит на самом деле!» Иначе говоря, они хотят слушать про поезда, автомобили и т.п. Такие ответы свидетельствуют о формировании Эго-комплекса и о вступлении ребенка в *этот* мир, мир взрослых. А мир фантазий он покидает.

Но и среди взрослых встречаются отдельные люди, которым как-то удается поддерживать связь с бессознательным. Мы говорим, что у таких людей есть призвание к тому или иному творчеству. И если по какой-то причине им не удается следовать этому призванию, их связь с коллективным бессознательным выходит на поверхность в очень пагубной форме, поскольку приводит их либо к сумасшествию, либо к ранней смерти.

Есть ли у человека связь с коллективным бессознательным или нет – это вопрос не его личного выбора, а его судьбы. К тому же, если человек обладает таким даром и ничего об этом не знает, он подвергается величайшей опасности – что у него разовьется психическое заболевание или наступит физическая смерть, ибо в таком случае, образно говоря, мир мертвых или мир духов заставит его вернуться обратно. Если же одаренный человек здоров и достаточно силен, чтобы вступить в земную жизнь, то все равно сохраняется возможность, что у нее будет развиваться расщепление личности или так называемая двойная личность. Такие люди обладают нормальным Эго, которое функционирует в привычном для него трехмерном мире, но вместе с тем сохраняют связь со своей бессмертной личностью.

Юнг практически открыто говорил о том, что у него имеется такая двойная личность: в автобиографии он описывает свое ощущение того, что в нем, по существу, соединяются личность № 1 и личность № 2[63]. Он очень ясно показал, что № 1 – просто Эго обычного школьника, тогда как № 2 – бессмертная личность. Она включала в себя все коллективное бессознательное; она придавала ему чувство, что в нем живет весь мир духов и весь мир предков. Он научился переходить к своему Эго школьника, не теряя связи со своим магическим двойником. Но обычно мы теряем этого двойника в процессе резкого перехода в развитии личности, когда идем в школу.

[63] Юнг К.-Г. Воспоминания, события, размышления. Киев: AirLand, 1994. – *Прим. переводчика.*

На мой взгляд, у народов Африки, где родилась сказка о Мриле, этот переход происходит более плавно, чем у нас, жителей Европы. В Африке, пока дети растут, родители начинают постепенно включать их в деятельность взрослых – охотиться, собирать семена, искать мед и т.п. Таким образом, у детей очень плавно развивается способность слушать профанированную болтовню своих родителей, а потому их переход в мир взрослых происходит не резко, а постепенно.

Кроме того, если человека принимают в сообщество, сохраняющее в неприкосновенности свои религиозные верования, ему легче поддерживать контакт с личностью № 2, ибо все сообщество верит в существование особого мира. Но, как видно из сказки о Мриле и аналогичной сказки о Чавине, оказывается, что даже во многих африканских племенах родители совсем не довольны, если их дети поддерживают слишком тесный контакт с Вечным. В сказке о Чавине они говорят: «Этот мальчик – колдун». Ни один нормальный человек не может превратить семечко в маленького ребенка, значит, этот мальчик – колдун. И тогда люди испугались. В одном случае из-за страха они попытались его убить. В сказке о Мриле у матери тоже были такие намерения. На первый взгляд, ее беспокоило только то, что Мриль очень похудел, потому что не ел приготовленную ему еду. Может показаться, что мы имеем дело с простым проявлением сильной материнской любви. Но совершенно очевидно, что здесь проявляется нечто большее, чем просто материнская любовь. Мать Мриля тоже чувствует, что чудесный ребенок опасен, и потому убивает его.

Нечто подобное происходит сегодня и у нас. Если ребенок как-то необычно ведет себя, родители очень редко бывают способны осознать, что он может быть как-то необычно одарен. Только если родители обладают таким же даром и имеют какую-то связь с бессознательным, они могут разглядеть ее в своем ребенке. Иначе это сделать очень трудно. В качестве иллюстрации приведу известную историю: когда клуша выводит маленьких утят, она отправляется с ними гулять на берег водоема. Но стоит хотя бы одному из утят попасть в воду, как клуша не находит себе места! Она сразу начинает тревожиться и даже впадает отчаяние, потому что *этого не должно быть!*

Нечто подобное происходит во всем мире. Родители «необычных детей» испытывают страх: они думают, что их дети ненормальные или подвержены психическому заболеванию, а пото-

му идут к педиатру или к учителю. Следует сказать им: «Не бойтесь, ваш ребенок – просто маленькая экстраординарная личность, обладающая такой способностью, которой у вас нет».

Уверена, что вам известно выражение «паршивая овца». В соответствии с природными законами генетики, иногда в очень хорошей и совершенно нормальной семье вдруг появляется «паршивая овца». В этой семье либо рождается слабоумный ребенок, либо у кого-то из ее членов начинают проявляться криминальные наклонности. В таком случае этот человек принимает на себя Тень всей семьи и становится ее трагедией. Но иногда оказывается, что «паршивая овца» вовсе не паршива; на самом деле она «чище» всех остальных, вместе взятых. И эта «овца, которая чище, чем нужно» обычной семье, порождает у родителей ничуть не меньше страха, так как она оказывается *выше* их уровня. Следовательно, одаренные дети вызывают не меньше испуга и проекций, чем «паршивая овца».

Естественно, что самой страшной проблемой для родителей в африканских племенах была проблема колдовства. В племени Чавина люди прямо называли его колдуном. В сказке о Мриле этот аспект проявляется не так явно, но мотивом убийства чудесного ребенка тоже является страх матери перед колдовством. Ни в одной из этих сказок люди не мучают себя размышлениями, с какой они магией столкнулись – белой или черной. Они просто испытывают жуткий страх перед любой магией. Точно такой же страх испытываем и мы, сталкиваясь с ребенком, обладающим сверхъестественными качествами. И тоже не спрашиваем себя: что это – проявление одаренности или неполноценности, так как просто боимся того, что этот ребенок не похож на других.

Все необычное вызывает у людей испуг. Мы не знаем, как к этому относиться, поскольку раньше никогда ни с чем похожим не сталкивались. Именно поэтому люди склонны осуждать все необычное. Из биографий одаренных людей можно узнать, в какой форме это осуждение проявлялось в каждом конкретном случае.

Однажды я читала биографию одного швейцарского резчика по дереву, который был хорошо известен своими художественными работами: наряду с обычными, понятными изделиями он вырезал из корней деревьев странные причудливые фигуры. Он родился в небольшой трудовой крестьянской семье. С юношеских лет он всегда носил с собой нож, которым при всяком удобном случае вырезал из дерева какую-нибудь фигурку или полезную

вещь. Как же из-за этого расстраивались его родители! Они называли его лентяем, пустым фантазером и т.п. Но он много трудился на ферме и совершенно не был похож на многих современных художников, которые считают, что они лучше других и поэтому имеют полное право валяться в постели до одиннадцати утра и заниматься только своим искусством. Этот молодой человек работал на ферме ничуть не меньше других членов семьи. Единственная разница заключалась в том, что каждую свободную минуту, в частности, по вечерам и по воскресениям, когда не нужно было работать, он всегда занимался резьбой по дереву. Но одного этого было достаточно, чтобы восстановить против себя всю семью.

Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он ушел из дома и оказался в Тоггенбурге, в Сент-Галлене, где нанялся на работу в другую фермерскую семью. Там его оценили по достоинству. Они наняли его в качестве слуги и платили за работу, а самое главное – разрешали заниматься резьбой по дереву, сколько он хотел. Фермеру и его семье очень нравились изделия молодого резчика, и его творчество встречало полную поддержку. Когда ему исполнилось двадцать пять лет, он купил старый развалившийся дом, женился и решил реставрировать свое жилище. Всю мебель в доме он сделал своими руками и тем самым заслужил право называться резчиком по дереву. Жилось ему очень тяжело, но он сохранял независимость и постепенно стал очень известным художником в Швейцарии.

Как видите, родители просто не могли понять, почему один из их сыновей все время берет нож и вырезает из дерева фигурки, которые им казались очень странными. Фигурки были красивыми, но это занятие очень расстраивало семью, хотя больше они не могли найти в своем сыне ничего плохого. Просто он вел себя необычно: *так больше никто не делал.*

По всей видимости, особенно пагубное воздействие, препятствующее развитию творческого потенциала, оказывает материнский Анимус. Юнг рассказывал о том, что когда он был шестнадцатилетним студентом и у него возникал к чему-то интерес, например, к химии или физике, он рисовал огромные плакаты, которые затем развешивал по стенам. Когда к нему в комнату входила мать, она с подозрением смотрела на плакаты и спрашивала: «Неужели от них есть какая-то польза?». Юнга так расстраивали ее вопросы, что он потом целых три дня не мог заниматься этой темой. В конце концов он принял волевое решение: «Черт с ним.

Не буду обращать внимания на ее замечания» – и продолжал заниматься своими цифрами и плакатами. Но в те три дня он был совершенно выбит из колеи вопросом матери: «Неужели от них есть какая-то польза?».

Мать Юнга не была злой и не убивала «чудесного ребенка», но своим непониманием она нанесла сыну серьезную травму и очень помешала развитию его творческих способностей. Поэтому любая творческая личность, обладающая хоть каплей разума, с детских лет знает, что следует держать в строгой тайне первые шаги в своем творчестве, скрывая их даже от самых близких друзей. На этой стадии творческая личность настолько чувствительна и уязвима, что если даже лучший друг уничижительно отзовется о его творчестве или хотя бы просто намекнет, одного этого может быть достаточно, чтобы в дальнейшем отвратить человека от творческих занятий.

Когда человек закончил заниматься творческой работой, это уже не имеет большого значения. По крайней мере я, закончив какую-то свою работу, не слишком обращаю внимание на критику. Конечно, мне нравится, когда меня хвалят, и не нравится, когда критикуют, но, как правило, критика не оказывает на меня влияния, когда работа закончена. Однако на начальной стадии творческий процесс похож на яйцо без скорлупы – до него нельзя дотронуться. В это время его следует держать в полной тайне.

Таким образом, главное отличие между Чавином и Мрилем, а также основная причина трагедии Мриля заключается в том, что он не смог надежно скрыть свою тайну. Чавину удалось сохранить свою тайну намного дольше, и он скрывал ее гораздо лучше и искуснее, чем Мриль.

Мриль несколько наивен. Чавин умеет скрывать свои магические качества, а Мриль нет. Маленькие братья выследили его, и мать убила чудесного ребенка. После его гибели Мриль все время плачет, но *только теперь* он скрывает причину своих слез. Мальчик объясняет это тем, что дым в хижине попал ему в глаза. Но сейчас уже нет нужды скрывать правду. Оказывается, Мриль не способен отличать, что следует держать в тайне, а что можно и даже нужно предать огласке. Это один из самых важных инстинктов, который человек должен беречь и развивать в себе, – способность знать, что нужно любой ценой держать в секрете, а что может быть открыто для критики окружающих людей.

В одном своем письме[64] Юнг идет еще дальше, утверждая, что любого человека аналитик должен понимать так глубоко или широко, как этого требует человеческий невроз; иначе говоря, психологическое или интеллектуальное вмешательство аналитика может погубить тонкие, глубоко личные аспекты жизни конкретного человека. С одной стороны, конечно же, хорошо понимать невротический механизм пациента, извлекать его на уровень осознания так, чтобы человек мог от него избавиться. Но с другой стороны, у пациентов всегда есть много тайн, которые аналитик не должен знать. Он не должен даже пытаться в них проникнуть. К этим аспектам человеческой жизни следует относиться с уважением и не вмешиваться в них.

В некоторых случаях, когда люди рассказывают мне сон, у меня появляется сильное чувство: «Пожалуйста, ради Бога, не надо его интерпретировать!» Если в таком сне действительно содержится нечто связанное с сущностью этого человека и его судьбой, его интерпретировать не нужно. Следует отказаться от любых комментариев, даже если сам человек этого хочет. В таких случаях я обычно говорю: «Я предпочитаю этого не касаться. Через пятнадцать-двадцать лет вы узнаете, что означает этот сон». Потому что такой сон побуждает человека к личностному росту. Он продвигается вперед, заблуждается и постепенно начинает его понимать. Но если человек обладает развитым интеллектом и относится к мыслительному или интуитивному типу, который всегда стремится *охватить* весь материал целиком, – следует решительно отказаться интерпретировать его сон, поскольку было бы серьезной ошибкой извлекать на свет весь этот материал. Наоборот, подобно чудесному ребенку из сказки, он должен стать личной тайной и оставаться в дупле дерева. И если другой человек каким-то образом догадается об этой тайне, этому человеку следует сделать все возможное, чтобы ее сохранить.

Такого инстинкта у Мриля не было. Он продолжал плакать даже после того, как его тайна была раскрыта и уже поздно было спасать чудесного ребенка. Ребенка убили и больше ничего не случилось, но Мриль по-прежнему не говорил, почему плачет. Прежде он не слишком заботился о том, чтобы сохранить в тайне существование чудесного ребенка.

---

[64] C. G. Jung, "Letters", vol. 1, p. 31.

Тогда родные ему сказали: «Возьми стул отца и отправляйся во внутренний дворик». Может быть, это было сказано, потому что обычно во внутреннем дворике бывает столько козьего и овечьего помета, что там невозможно сидеть на земле, как в хижине. Именно поэтому ему дают стул, чтобы он вышел из дома и сел подальше от дыма. Однако это не все, ибо позже мы увидим, что Мриль заклинает стул: «О стул, поднимись вверх, как канат моего отца, когда он вешает на деревья горшок для меда». Поэтому можно сказать, что, сидя на отцовском стуле, он идентифицируется с отцом. Тогда выясняется и другая причина того, почему он стал жертвой своей матери. Узнав о ней, старик Фрейд оказался бы на седьмом небе, так как в данном случае совершенно очевидно, что мы сталкиваемся с эдиповым комплексом. Мриль идентифицируется со своим отцом, а следовательно, негласно идентифицируется с мужем своей матери. Кроме того, он очень привязан к матери, и теперь эта привязанность достигает своего пика в идентификации с отцом как мужем матери. Эдипов комплекс, связь с матерью настолько отделяет Мриля от реальности, что он просто отправляется на небеса.

На практике это приблизительно означает следующее: когда у сына развивается материнский комплекс, мать часто оказывает пагубное воздействие на него самого, на его жизнеспособность и возмужание. В данной сказке это влияние отражается в том, что мать Мриля убивает чудесного ребенка, то есть его творческую фантазию. В результате он утрачивает способность воплощать свои творческие побуждения в конкретной реальности. Он больше не может играть; он не в состоянии отыгрывать свои фантазии. Мриль должен держать их внутри себя и в результате начинает удаляться в бессознательное. Очень часто так проявляется начало невроза.

Как правило, творческий импульс ребенка не только интровертирован и скрыт внутри него, но и отыгрывается во время общения с другими детьми. Если он спрятан внутри, ребенок становится молчаливым и угрюмым; целый день он скучает, а ночью живет своими творческими фантазиями, в основном мастурбируя и создавая вторичный мир фантазий, в котором теперь может скрыться от родителей. Так как ребенок больше не может отыгрывать свои фантазии в реальной обстановке, они уже не поддаются коррекции и потому становятся нездоровыми, невротичными или бредовыми. Если бы ребенок мог отыгрывать их в реальности, то

в случае, если бы они стали болезненными или невротичными, его родители или приятели могли бы их скорректировать: «Не надо этого делать!» Чтобы воспрепятствовать нездоровым отклонениям, вполне достаточно один раз сказать: «Не надо этого делать!». Но если мир фантазий ребенка совсем скрыт, фантазии бурно распускаются в темноте и отдаляют ребенка от реальности. В таком случае учителя начинают жаловаться, что на занятиях ребенок не может сосредоточиться. Он просто тупо сидит на уроках, не обращая внимания на сверстников, и живет в невротическом мире своих фантазий.

Я назвала этот мир невротичным, но невротиком является далеко не каждый ребенок; если это чудесный ребенок, то его творческие способности могут сохраниться и в такой пассивной форме, даже если он будет скрывать свои фантазии. Если в последующей жизни он снова сможет установить с ними контакт и дать возможность проявиться, то не возникнет никакого невроза, а ребенок испытает только временное отчуждение от так называемой обычной реальности. Его творческий потенциал полностью не исчезнет.

Это может послужить объяснением многих странных состояний, в которых оказываются молодые люди; о них я написала в своей книге о «вечном юноше»[65]. «Вечный юноша» не всегда подвержен неврозу, а когда он находится в таком состоянии, то это не обязательно следствие позитивного материнского комплекса. Негативный материнский комплекс тоже может вызывать подобное отчуждение от реальности. Некоторые мальчики, чьим творческим способностям или даже личности в целом нанесла травму мать, также могут превратиться в интеллектуалов, парящих в небе. В школе они учатся и ведут себя очень хорошо, даже прекрасно. Они живут высокими идеалами, например, увлекаясь философией в юном возрасте. Но вместе с тем их физическое состояние оказывается неудовлетворительным, а развитие – недостаточным. Как правило, они не добиваются успехов в спорте, не любят играть и общаться со школьными товарищами. Они живут исключительно в своем мире, созданном преждевременным интеллектуальным развитием.

[65] "Puer Aeternus: A Psychological Study of the Adult Struggle with the Paradise of Childhood" Santa Monica, Sigo Press, 1981). См. также: Puer Aeternus. М.: Независимая фирма "Класс", 2007.

Но это вовсе не приговор; иногда это просто путь, позволяющий избежать пагубного воздействия матери, так как *туда* она не может за ним последовать. Поэтому такие юноши ускользают в маскулинную сферу психики – то есть туда, где их мать, если она сама не способна воспарить, не в состоянии до них добраться и где молодой человек может создать империю, стать в ней законным правителем и обрести свободу, скрывшись от матери.

Но позже, оказавшись вдали от дома, он может внезапно почувствовать желание вернуться. И тогда снова наступит взрыв негативного материнского комплекса. Когда ему захочется вступить в связь с девушкой, он столкнется с проблемой своей сексуальности и проблемой соприкосновения с реальностью в тех случаях, когда потребуется установить контакт со своими инстинктами и телом. Тогда катастрофа станет очевидной. Потому что никаких контактов с реальностью у него нет.

Находясь в своем индивидуальном интеллектуальном мире, такие люди прекрасно себя чувствуют, словно летят в самолете высоко над землей. Но на земле, где физические контакты неизбежны, их по-прежнему преследует дракон материнского комплекса, и они не могут спуститься в эту земную реальность тайком от своего материнского комплекса. Именно поэтому они так долго парят над землей, не имея возможности опуститься. Как правило, годам к тридцати проблемы их отношений с реальностью уже требуют неотложного решения, и тогда они приходят на анализ. Они *вынуждены* это делать, потому что парить в воздухе у них уже не получается.

Я употребила эту метафору, связанную с самолетом, потому что встречалась с ней во многих сновидениях своих пациентов. Мне вспоминаются сновидения одного молодого человека, который оказался в похожей ситуации. Ему всегда снилось, что он пилот летящего самолета. За ним только одно место для пассажира, как в маленьких спортивных самолетах. Но в его сне пассажирское сиденье представляло собой гроб, в котором гремели кости. Одну часть его личности убила мать. Он никак не мог приземлиться, пока этот гроб, то есть другая часть его личности, которая находилась в гробу, не воскресла и снова не вернулась к жизни. Это был очень длинный и мучительный процесс.

Иногда мать убивает творческую фантазию ребенка из-за страха перед колдовством или недостаточного осознания, но очень

часто – из-за нескрываемой ненависти к творческим способностям и маскулинности своего сына.

Как-то раз я снимала комнату у семьи, состоящей из трех человек. Мать была толстой вульгарной женщиной. Она поздно вышла замуж и родила сына, когда ей исполнилось тридцать восемь дет. У меня было такое впечатление, что она хочет съесть этого бедного ребенка. Однако это было совершенно не мое дело, а потому я старалась не замечать, что происходит у нее в доме. Но однажды я услышала, как она бьет маленького мальчика, а он так громко ревет, причем на самой высокой ноте, что я не смогла удержаться, выскочила из комнаты и воскликнула: «Что же вы делаете?» На что мать ответила: «Нет, вы представьте себе! Вы только себе представьте! Он захотел на Рождество лейку. Мы подарили ему ее и сказали: "Ничего не поливай в квартире. Поливать можно только в саду, когда наступит весна". Но как только я вышла из дома, он взял лейку, налил в нее воды и стал поливать все цветы на ковре в комнате! Вы себе представляете?».

Я ответила: «Послушайте, во-первых, вы сами подали ему эту идею. Вы внушили ее своему сыну. А во-вторых, это самая невинная и естественная вещь, которую он мог сделать. Любой другой ребенок сделал бы то же самое. Вам не следует его за это ругать». Она ответила: «Да, но знаете, если он сейчас может сделать такое, то в шестнадцать лет станет целоваться с девчонками!»

Вот так! Видите, как далеко зашла ее фантазия от игрушечной лейки, которая символизирует первое проявление маскулинности этого маленького мальчика и его творческой фантазии, связанной с маскулинностью. А мать уже ее ненавидела; она вцепилась в нее когтями, так как почувствовала, что именно эта маскулинность в один прекрасный день уведет от нее мальчика. Ее нужно подавить прямо сейчас, пока сыну не больше трех-четырех лет, – чтобы годам к шестнадцати от нее ничего не осталось. Сейчас ему, по-моему, тридцать два года, он до сих пор не женат. Он работает в банке, а после работы сидит дома с мамой. Увидев его на улице, я подумала: «Боже мой! Как она этого добивалась!»

Вернемся к нашей сказке. Сидя на отцовском стуле, Мриль вознесся на небеса и стал искать дорогу к Лунному Царю. По пути он часто задерживался, чтобы поработать у людей, которые показывали ему дорогу. Можно с уверенностью утверждать, что этот мотив является интернациональным и архетипическим. В евро-

пейских сказках главный герой очень часто идет, например, к солнцу, луне, звездам или ночному ветру. Или же отправляется на поиски трехглавого, шестиглавого или девятиглавого великана и спрашивает, как его найти. Или же, как в русских народных сказках, трижды приходит к избушке на курьих ножках или в хижину отшельника, и ему всегда нужно либо что-то сделать, либо принести какую-то жертву, чтобы узнать путь. Поэтому данный момент я опущу и больше не буду вдаваться в подробности. Отмечу только, что каждый раз Мриль должен выполнить какую-то работу, и он ее выполняет.

Такое поведение Мриля свидетельствует о разнице между ним и человеком, который просто скрылся (как убежал тот маленький мальчик после того, как мать лишила его творческой фантазии, касающейся лейки). Он превратился в невротика, который испытывал серьезные затруднения в школьной учебе, так как получил тяжелую эмоциональную травму.

Мриль травмирован только частично. В этом смысле он похож на молодого человека, о котором я рассказывала (ему приснился гроб с гремящими костями, стоящий на заднем сиденье управляемого им самолета). Его Эго осталось неповрежденным, у него пока сохранилась цель, и он куда-то отправился. Но Мриль больше не может жить на земле. Тогда он переносит свое бытие в Запредельное, и там ему приходится много работать. Одному человеку он собирает хворост, другому приходится выкопать яму и т.п.; иначе говоря, он сохраняет активную установку по отношению к бессознательному. Он не просто уносится вверх, тем самым искупляя свое удаление от земли. Он выполняет работу, которую должен был делать на земле, а теперь занимается ею на небе. Это говорит о том, у Мриля есть призвание стать знахарем, то есть творческой личностью, и он следует своему призванию – он не становится заложником травматической лени. Из-за того, что мать не позволила ему выполнять настоящую работу, у него повысилась внутренняя активность; он много работает, выполняя любую задачу, которая исходит из бессознательного. У него есть цель – прийти к Лунному Царю.

И в греческой, и в римской мифологии, и в мифологии некоторых европейских стран Луна была тем местом, куда отправлялись души умерших. И там, живя во владениях Лунного Царя и некоторых богов, духи предков становились защитниками. Поэтому боги, духи предков и Лунный Царь относятся к миру Запредельного[66].

Духи предков называются *тгаи уа айти* или просто *айти*. Они живут на Луне, вместе с Лунным Царем. Они бессмертны, вызывают на земле дожди и способствуют ее плодородию. Это боги, которые защищают племя. Племя дшагга молится духам своих предков и жертвы приносит им же.

В нашей сказке особенно интересно то, что людям Луны совершенно неизвестен огонь. Это обстоятельство еще более удивительно, потому что в соседнем племени знают миф о Прометее, в котором говорится, что люди не знали смерти, пока жили, как все животные. Они ели сырую пищу и не имели никакого представления об огне. Но один очень сообразительный мужчина и его жена украли огонь у *айти*, духов своих предков, и люди, живущие на земле, с помощью огня стали готовить себе еду и плавить железо, чтобы сделать из него оружие. За это людей отделили от остальных тварей, и тогда они стали смертными. Боги и *айти* так разгневались, что на все человечество наложили заклятье смерти.

Итак, мы подошли к главной мифологической теме: только с развитием сознания мы становимся смертными. Это утверждение не следует понимать буквально; по существу, оно означает, что мы начинаем осознавать свою смертность. Пока Эго-сознание человека не имело достаточной силы, проблемы смерти не существовало. Человек вступал в этот мир и покидал его, всегда стоя одной ногой в вечности. Таким образом, смерть была лишь незначительным переходом. Именно поэтому многие дикари умирают очень легко, не выражая протест так бурно, как мы. Они уходят спокойно и с достоинством. У них даже есть своего рода склонность к смерти. Например, если бушмена посадить в тюрьму больше, чем на сутки, он умрет от упадка духа. Дикари легко могут умереть от упадка духа, если чувствуют, что жизнь утратила для них смысл. Они просто угасают. Однажды я прочитала о том, как один человек задел чувства африканского негра; африканец очень разозлился и сказал: «Ну, погоди же!» На следующий день, когда этот че-

[66] В книге Джозефа Кемпбелла «The Hero with a Thousand Faces» (Bollingen Series XVIII; Princeton: Princeton University Press, 1974) есть рисунок страны Лунного Царя. В ее основе лежит сказка другого племени, но на рисунке также присутствуют буйвол и стадо, живущие на Луне, как и в нашей сказке.

ловек вышел из дома, перед ним висел труп его врага. Оскорбленный негр повесился, чтобы отомстить своему обидчику и причинить ему боль.

С точки зрения мужчины-негра, повеситься – все равно, что сказать: «Теперь я стану духом и буду преследовать тебя гораздо настойчивее, чем преследовал бы, если бы остался человеком. Ты понесешь заслуженное наказание, когда я вернусь, став мстительным духом!». А то, что для такой мести придется умереть, для него практически неважно.

Чем более сконцентрированным становится Эго-сознание, тем длительнее и осмысленнее его действие. Чем сильнее делается наше Эго, тем более серьезной проблемой становится смерть, которую Эго отвергает. Чем больше мы отказываемся от своих инстинктов, тем сильнее это ощущаем.

Анализируя сновидения умирающих людей, я заметила, что шестьдесят–семьдесят процентов из них получают из снов послание больше доверять животным. В самом начале жизни следует доверять животным, то есть собственным инстинктам, ибо они вводят человека в жизнь; то же самое справедливо и при наступлении смерти. Человеку следует доверять своим инстинктам, которые уводят его из жизни. Инстинкты могут научить нас правильно умирать. Это животные инстинкты; следовательно, если мы доверяем животным, если верим своему телу, то уйдем из жизни так же гармонично, как вошли в нее.

Из многих мифов следует, что смертность пришла в мир, только когда человек научился пользоваться огнем и обрел сознание. А по одной из версий того же мифа о Прометее, африканские племена говорят, что до этого времени небо и земля находились очень близко друг к другу. До неба можно было дотронуться рукой. Но после того как люди украли огонь и создали цивилизацию, небо и небесное царство поднялись очень высоко и остаются недостижимыми для простых смертных.

Таким образом, мы видим, что сознание разрывает пополам две противоположные области психики – сознательную и бессознательную. Следовательно, нарушилось изначальное бессознательное единство, а потому люди верят в то, что все именно так и произошло: трагедия человечества заключается в открытии сознания.

Но самое изумительное, что в нашей сказке мы обнаруживаем и противоположный миф. У людей Луны и духов предков

не было огня, пока Мриль не научил их добывать и использовать его. Он сделал достижения человеческого сознания доступными для небесного мира богов и духов. Это очень сложный мотив. Он означает, что Мриль приносит в бессознательное свет человеческого сознания. Он становится носителем света, но не для земного человечества и своего племени, а для бессознательного. В таком случае мы приходим к выводу, что он вовсе не привычный нам культурный герой. Это значит, что он знахарь – то есть наши прежние догадки подтвердились.

В некоторых племенах, например, у эскимосов, есть знахари, которые в земной жизни не пользуются слишком высоким авторитетом. Некоторые из них совершают обряды исцеления и т.п., но обычно обладают значительно более низким статусом по сравнению с истинными шаманами, которые приносят свет в бессознательное. При этом они не только устанавливают связь с бессознательным, но и освещают его другим людям.

В таком случае в нашей сказке силы тьмы тоскуют по силам света; в переводе на язык психологии это означает, что бессознательное стремится стать осознанным.

Мирча Элиаде в своей книге «Шаманизм»[67] пишет, что у африканских, меланезийских, австралийских и других племен ритуалы инициации (как, впрочем, и многие другие ритуалы) очень похожи. По утверждению автора, в племенах эскимосов есть священнослужители, которые следят только за тем, чтобы правильно исполнялись ритуалы. Но знахарь является «знатоком души». Его функция заключается в том, чтобы исцелять одержимых и следить за тем, чтобы после смерти умершие заняли подобающее им место в мире духов. Знахарь является скорее психотерапевтом, чем блюстителем ритуалов. Эти различия наблюдаются не только в культуре эскимосов, но и во многих других племенах Африки и Австралии. В них есть специальные люди, следящие за исполнением ритуалов, есть колдуны, которые совершают «бытовое» колдовство, например, поиски воров, – и есть великие мудрецы, сосредоточенные на том, чтобы узнавать волю богов, судьбу племени в будущем или решение предков о том, когда можно начинать войну.

Знахари часто проходят такой же мучительный ритуал инициации, как и шаманы. Разница заключается в том, что не все зна-

[67] Bollingen Series LXXVI, trans. Willard R. Trask (Princeton: Princeton University Press, 1974).

хари входят в состояние экстаза, чтобы установить контакт с Запредельным, тогда как шаманы чаще всего погружаются в такое экстатическое состояние. Знахарям это не нужно, поскольку они обычные люди, которые вступают в контакт с бессознательным, не погружаясь в транс. Это люди одаренные, наделенные качествами медиумов или парапсихологов, которые имеют прямую связь с бессознательным. Многим из них совершенно не нужно входить в экстаз, чтобы перекинуть мост в бессознательное.

Итак, Мриль приносит свет в мир Запредельного. Несмотря на то, что мальчик покинул реальный, видимый мир и вознесся в воображаемый мир сна и фантазии, он продолжал работать над осознанием бессознательного. Иными словами, он действительно принес свет в другой мир и в награду за это получил богатые дары и не встретил сопротивления, когда захотел вернуться домой.

Все это крайне необычно. Как правило, если человек отправляется в мир мертвых или страну духов, они препятствуют его возвращению в реальный мир. Но поскольку Мриль очень активно сотрудничал с силами Запредельного, они разрешили ему вернуться и даже дали в награду буйвола и большое стадо. Он смог свободно возвратиться домой.

Это значит, что на данный момент у Мриля нет смертельной травмы. Возможно, его мать даже не намеревалась убивать чудесного ребенка, так как именно в результате ее поступка Мриль отправился на поиски своей судьбы. Теперь же он может вернуться к своему племени как богатый знахарь или шаман, который общался с богами и духами в стране предков и в Запредельном. И все оказывается в полном порядке. Мы узнаем, что он стал шаманом, так как его начинают слушаться птицы. Он уже достиг уровня полубожества.

В другой африканской сказке – «Сказке о Чавине» главному герою удается сохранить жизнь чудесному ребенку. В его честь Чавин совершает всего несколько героических подвигов, однако в конце сказки нас ждет сюрприз: как вы помните, Чавин спасает чудесного ребенка. Родители возвращают ему ребенка, но тогда соплеменники начинают подозревать, что он черный маг, и пробуют выставить его на посмешище. Они даже пытаются убить Чавина: сначала вырывают яму на дороге, по которой он гонит стадо, потом хотят отравить его. Но Чавин не столь наивен, как Мриль. Он всегда замечает посягательства на свою жизнь. Он выливает яд, обходит яму и т.п. Между тем злоба его соплеменников все

усиливается, а вместе с ней растет и страх – они начинают бояться Чавина. Наконец, они прекращают его преследовать. Тогда уже сам Чавин, разгневавшись, начинает мстить людям своего племени, издеваясь над ними. Он испытывает сильную досаду, но в итоге отказывается от мести.

В конце сказки мы узнаем, что Чавин становится очень известным. О нем даже говорят, что он великий бог, сотворивший горы, леса и реки. Другие племена не согласны с этим: они считают, что великий бог по имени Чавин исчез после сотворения мира, и с тех пор о нем уже никто не слышал, а герой этой сказки – только его сын, Хатсвин, который однажды придет и поведет всех людей к счастью и процветанию.

Так или иначе, в конце сказки вдруг оказалось, что в ней рассказывается о великом божестве: или о самом божественном Творце, или, по крайней мере, о его сыне, будущем спасителе всех племен и народов. Сначала мы думаем, что речь идет об обыкновенных людях, но потом они превращаются в божественные фигуры.

Переход от человеческой ипостаси к божественной в представлении этих народов не является столь же великим, как в нашем представлении. Великий шаман или великий мудрец, не совершая большого перехода, становится воплощением божества и вызывает у народа такое же благоговение, как и бог. С другой стороны, мы верим – по крайней мере, христиане верят – в то, что единственным воплощением божества был Иисус. Людям запрещается даже думать о том, что этого статуса может достичь кто-то еще. Например, если какая-то наивная часть населения начинает слишком рьяно поклоняться какому-то местному святому, католическая церковь непременно настаивает на том, что этот святой – всего лишь простой смертный, который оказался в недопустимой близости к воплощению божества.

Но огромная пропасть между человеком и божеством существует только в христианской цивилизации. В мифологии и религии хинди вполне допускается, что в конце своей жизни йог может оказаться воплощением Шивы или Кришны. И в африканской сказке трикстер Чавин считается самым великим богом благодаря совершенным им великим деяниям. Несомненно, что и Мриль достигает статуса божества после того, как в его жизни произошла вторая катастрофа. Она случилась в результате убийства буйвола.

На большей части Африки и вплоть до 3200 года до н.э. в Древнем Египте буйвол считался царем и одновременно Лунным Богом. Например, в Древнем Египте бог Луны Мин считался божеством, защищающим фараона, и только в эпоху так называемого Древнего Царства воплощением и защитником фараона стал бог солнца Ра. До этого существовало нечто наподобие царства лунарного буйвола. Однако буйвол, будучи воплощением царской жизни, царской власти, а также царской маны*, продолжал сохранять божественное значение и в классические времена Древнего Египта.

Когда фараон впервые входил в покои своей жены, чтобы зачать наследника, он превращался в бога солнца Ра. Этот титул позволял ему в тот день и ту ночь стать Камутефом – «буйволом свой матери». Как буйвол он совершал инцест со своей женой, то есть со своей матерью. Иначе говоря, он воспроизводил себя в качестве буйвола своей матери. Как видите, в ту ночь он должен был символически жениться на своей матери, чтобы самому стать своим новорожденным сыном. Впоследствии его сын становился его продолжением. В вечности есть только один царь и одна царица, и в египетской мифологии Камутеф выполнял такую же функцию, какую в христианстве выполняет Святой Дух. Он воплощал в себе связь между сыном, отцом и животворной воспроизводящей силой, проникавшей в мать нового бога.

Таково одно из значений образа буйвола. Если вы были в Египте, то, возможно, видели огромные гробницы в Абидосе. В них покоятся бальзамированные останки царских буйволов. Это были особые животные. У них на лбу были начертаны специальные знаки; считалось, что они служат источником воспроизводящей силы и творческой энергии фараона.

То, что в Древнем Египте было выражено в культурной форме, в более простых формах распространилось по всему африканскому континенту. В образе буйвола очень часто воплощалась власть и сила вождя, шамана или бога плодородия. У народности банту, включая племя дшагга, буйвол считался самым великим жертвенным животным. Именно поэтому Мриль не должен был есть мясо буйвола. В нашей сказке буйвол приходит из мира Людей Луны, то есть из мира духов умерших предков. Это священный буйвол, поэтому его мясо ни в коем случае нельзя употреблять в пищу; его следует вернуть обратно богам.

* Мана – существующая в природе безличностная, чувственно не воспринимаемая сверхъестественная сила, присущая некоторым людям, животным, растениям или духам. – *Прим. ред.*

Жертвенному животному, посвященному духам предков, нельзя было позволить умереть от болезни не только у народов банту. Например, мужчина племени дшагга мог поклясться *айти* принести в жертву буйвола, если его жена родит сына. И если человек хотел забить или купить буйвола с этой особой целью, он должен был найти ему замену, причем ритуал замены должен был совершиться с соблюдением всех важных правил. Жертвенное животное и его будущую замену связывали и клали на бок так, чтобы они соприкасались. Затем с челки, груди и хвоста жертвенного животного срезали пучки шерсти, которые клали на заменяющее его животное. После этого обоих животных развязывали. Затем обращались к духам или *айти* и объясняли им, что в силу большой необходимости жертвенное животное нужно убить или продать, когда наступит время, но ему обеспечена подходящая замена. В этом случае варили пиво и совершали соответствующее возлияние в хижине вождя племени.

Итак, вы видите, как важно никогда не убивать и не приносить в жертву животное, которое принадлежит людям Луны. А самый строгий запрет – никогда не есть мясо этих животных, ибо украсть мясо у духов предков, чтобы утолить голод, – значит нарушить очень жесткое табу.

Таким образом, Мриль попал в весьма затруднительное положение: в определенных обстоятельствах разрешалось убить буйвола, принадлежащего духам предков, как сделал его отец, когда животное стало слишком старым. Однако этот особый буйвол, на котором приехал Мриль, несколько раз специально напоминал, чтобы он ни в коем случае не ел его мяса. В данном случае Мриль нарушил табу.

Мы можем объяснить это только состоянием инфляции: поскольку Мриль жил с людьми Луны и духами предков и очень возгордился собой, когда помог им добыть огонь, он стал чувствовать себя таким же, как они. Мриль относится к себе как к сверхчеловеку, который наравне с людьми Луны может есть мясо принадлежащего им буйвола. Поэтому в конце жизни он, как и большинство мифологических героев, вышел за пределы человеческих ограничений. И тогда его поглотила земля. В сказке даже говорится: «Тебя тоже съедят, как ты съел меня». Когда

мясо буйвола говорило это Мрилю, земля разверзлась и поглотила его.

Следовательно, Мриль является одним из трагических героев, которые, совершив много великих дел, в конце концов потерпели неудачу. Вспомните, например, Гильгамеша, который дошел до конца света, то есть до Запредельного. Он добыл цветок бессмертия, но на обратном пути, захотев искупаться в пруду, оставил цветок на берегу, и его утащила змея. И все его старания оказались напрасными! Или вспомните Геракла: после своих великих подвигов он облачился в одежды, которые дала ему жена Деянира. Одежды воспламенились на нем, и он сгорел заживо. После этого он стал бессмертным, но все же попал в ловушку своей ревнивой жены. А великий полинезийский герой Мауи, который совершил много смелых подвигов и украл огонь и еще Бог знает что, в конце концов заполз в пасть спящей Великой Матери Хин-нуи-те-по. Увидев нижнюю часть его тела, торчащую из пасти Хин-нуи-те-по, и ноги, которые болтались в воздухе, маленькая птичка решила, что это очень смешно, и расхохоталась. Хин-нуи-те-по проснулась, закрыла пасть и проглотила Мауи. И герой исчез навсегда.

В очень многих сказках и мифах герой постоянно совершает великие подвиги – и вдруг допускает совсем маленькую ошибку, которая приводит его к трагическому финалу. Эта маленькая ошибка всегда связана с инфляцией, с нарушением человеческих ограничений. Получается, что отличительная черта героя, связанная с его постоянным стремлением выйти за рамки ограничений для простых смертных и там найти свою гибель, – что эта черта *является неотъемлемой частью архетипа* героя. И очень важно, чтобы о печальном конце героя было известно, ибо, читая героическую сказку, вы идентифицируетесь со сказочным героем. Вы *ощущаете* себя героем и наивно отождествляете себя с ним. Но герой – это не Эго. Герой – это образ архетипической силы, которая помогает человеку преодолевать трудности только в том случае, если он не идентифицируется с ней. А если Эго с ней идентифицируется, оно должно разделить судьбу героя, которая почти всегда является трагической.

Поэтому мы должны знать печальный конец сказки, который предупреждает: «Не идентифицируйтесь! Это не вы, а сказочный герой; вы можете выжить, а герой сам придет к своему печальному концу!» Герой – необычный, божественный, существующий вне рамок человеческих ограничений. Архетип героя время от времени овладевает человеком, как настроение, и чтобы совершать героические поступки, человеку нужно уметь справляться со своим настроением.

Архетип героя проявляется всегда, когда человеку нужно сделать что-то выдающееся, требующее мужества – то, что он не может сделать при обычном состоянии Эго. Например, я знаю молодого человека двадцати двух лет, которому пришлось уйти из дома и снять комнату. Те, кто был знаком с его матерью, понимали, какой героический поступок он совершил! Во время переезда, когда молодой человек подыскивал себе комнату, ему приснилось, что наступил ужасный момент, когда за обеденным столом ему нужно будет сказать: «Послушай, мама, я не собираюсь здесь больше оставаться и хочу снять себе комнату». Он трепетал, метался по комнате, пытаясь решить, может ли он так поступить. И тогда ему приснился герой, убивающий дракона.

Это настолько смешно, что вы можете сказать: «Слишком большое преувеличение! В сновидении просто проявляется противостояние глупому материнскому Анимусу. Но зачем же впутывать сюда мифологию!» Однако нет: это просто обходной путь. Бессознательное использует этот грандиозный образ, чтобы придать мужества молодому человеку, побудить его почувствовать себя героем – например, Зигфридом или даже Георгием Победоносцем. Необходимо, чтобы это настроение вело его вперед, чтобы он в последний момент не споткнулся и не повернул назад.

Таким образом, герой – это архетип, а значит, определенная деятельность, которая проявляется в критические моменты жизни человека, чтобы помочь ему совершить трудный переход. Образно говоря, героизм помогает вам переправиться через реку, через которую вы не можете переправиться сами. Однако вам не следует с ним идентифицироваться. Выполнив свою задачу, герой должен снова исчезнуть, он *должен* снова погрузиться в землю. Это не тот архетип, который может помогать постоянно. Если вы уцепитесь за героическую установку, то окажетесь в состоянии инфляции и разделите судьбу своего героя, то есть потерпите катастрофу. Именно поэтому в определенном смысле совсем неплохо, что героические сказки часто заканчиваются трагически. В самом конце таких сказок герой совершает странную ошибку, но это делается для того, чтобы встряхнуть читателя, вернуть его обратно в человеческие границы, к стремлению жить. Иначе говоря, предостеречь его от неправильного исполнения роли героя.

Таким образом, в глубинном смысле конец Мриля вовсе не является плохим. Именно такое окончание сказки хочет услышать племя, так как это возвращает людей в рамки традиционного мышления, предполагающего почтительное отношение к табу, не позволяющему есть мясо буйвола, посвященного людям Луны.

На мой взгляд, это самое важное, ибо, как отмечал Юнг, у людей, которые до сих пор живут в дикой природе, самой главной проблемой является голод. Эта проблема гораздо важнее, чем, например, сексуальность. Соответственно, эти люди наделяют пищу божественными качествами. Их боги – это еда. Например, некоторые индейцы рассказывают о своих бизонах так, словно те являются божествами. Они говорят: «Их мясо сохраняет нам жизнь. Их кости служат нам иглами и оружием. Их шкуры служат нам одеждой» и т.д. Они перечисляют все, что дает им бизон, ибо он, образно говоря, является богом, который обеспечивает им жизнь. Поэтому убийство бизона и употребление его мяса в пищу регулируется религиозными нормами поведения.

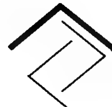
Еще один пример из жизни первобытных сообществ: люди обязательно должны собрать кости жертвенных животных и захоронить их. Тогда животное может воскреснуть, правда, только в том случае, если ни одна кость не пропала. Их нужно захоронить вместе с головой, произнести магическое заклинание, и тогда животное воскреснет. Если так не сделать, количество животных этого вида значительно уменьшится, и тогда наступит голод.

Как видите, мы нарушили очень важный процесс регулирования, существующий в природе. Именно поэтому наступит время, когда на земле закончатся природные ресурсы и пища. Мы перестали обращать внимание на религиозное регулирование того, сколько мы можем взять из созданного Творцом, сколько должны вернуть обратно, а сколько вообще не трогать. Мы утратили инстинктивное почитание природы. Если вы не можете почувствовать, а потом и понять, что пища является божественной, советую вам сделать то же самое, что однажды в молодости сделала я сама.

Я сделала это непроизвольно. В то время у меня не было денег. Однажды мы вместе с подругой отправились в длительный переход через горный хребет. По глупости мы решили есть только раз в день, но этой еды оказалось очень мало, если идти по восемь часов в день. Я становилась все слабее и слабее, но упрямо продолжала идти дальше, потому что иначе нам пришлось бы вернуться домой. Поэтому мы продолжали подниматься. Однажды я упала в горную речку, и запас моих калорий стал еще меньше. К вечеру я почувствовала себя очень слабой и несчастной. Я собрала всю силу воли и еле-еле потащилась дальше, пока в конце концов мы не пришли в маленькую бедную гостиницу и не заказали две порции спагетти.

Когда принесли горячие спагетти, я потеряла сознание. Спустя некоторое время я пришла в себя и очень сильно вспотела. Между тем спагетти исчезли. Моя подруга сказала: «Ты их точно съела!» Я поглощала спагетти, находясь в религиозном трансе. Войдя в гостиницу, я чувствовала себя мертвой, а теперь я снова жива! Теперь я ощущала, как кровь расходится по всему телу и течет к ногам, у меня снова включилось сознание. Я была практически мертвой, а затем буквально воскресла. Я почувствовала, что Бог дал мне жизнь.

Если вам когда-нибудь приходилось бывать в такой ситуации, то вы понимаете, что тот, кто дает вам жизнь, дает ее, предлагая вам пищу. Дикари знают, что за пищей стоит великий Творец, а потому понимают, что часть ее им следует вернуть обратно. Всю пищу брать нельзя. Для того чтобы еда не иссякала, часть ее нужно вернуть. Именно поэтому, украв у богов пищу, вы нарушаете табу. Такое нарушение аналогично тому, как если бы вы вломились в церковь и что-то оттуда украли. Это святотатство.

Соломинка, уголек и боб (братья Гримм)

Теперь мне хотелось бы обсудить сказку «Соломинка, уголек и боб»[68]. В немецкой литературе такие сказки называются *Schwank**, то есть они являются более или менее смешными. Хотя это понятие немецкое, *Schwank*-сказки можно найти в любой стране. Некоторые из них похожи на забавные истории, которые можно найти, например, на страницах «Нью-Йоркер» (там они дополнены рисунками, карикатурами и т.п.). Такие сказки или истории люди рассказывают друг другу как шутки или анекдоты. Многие из них непристойные, а другие производят впечатление полного абсурда.

Я всегда избегала интерпретировать такие сказки из сборника братьев Гримм, и на то у меня были две веские причины. Во-первых, потому что шутки в известном смысле именно такое творчество, которое нельзя интерпретировать.

Когда-то у меня была одна совершенно очаровательная коллега. Она не отличалась развитым чувством юмора, поэтому, услышав шутку, делала очень серьезное лицо и спрашивала: «А в чем психологический смысл того, что вы сказали?». Разумеется, после этого все смеялись еще громче – ведь у любой шутки обязательно есть какой-то смысл, но его невозможно передать, оперируя только строгими психологическими терминами.

Вторая причина, заставлявшая меня избегать таких сказок, заключается в том, что я всегда чувствовала: эти сказки имеют особенно глубокий смысл. Они не относятся к поверхностным шуткам, которые можно прочитать в газете, смысл которых вы

[68] Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. литература, 1978, с.60. – *Прим. переводчика.*

* В переводе с немецкого глагол schwanken означает качаться, шататься. В том смысле, который имеет в виду автор, прямого перевода существительного Schwank на русский язык не существует, зато оно появилось в новом русском жаргоне, а именно: покат, «покатушки» – *Прим. переводчика.*

моментально понимаете, и вам сразу становится смешно. В отличие от газетных анекдотов, такие сказки часто имеют мрачный фон, который напоминает и о смерти, и о том, что жизнь преходяща, и о бренности и смехотворности нашего бытия. Оказывается, что все они имеют такой же грустный подтекст, который можно найти в очень хороших и очень глубоких шутках. Именно поэтому большинство всемирно известных клоунов – очень печальные люди, если не склонные к самоубийству. Эта двойственность, неоднозначность, сочетание глубокой грусти, свойственной жизни, с присущим ей юмором представляет собой одну из многочисленных пар противоположностей, существующих в бессознательном.

Кроме того, многие шутки грубы и отвратительны. В них мир изображается таким же, каким мы видим его в некоторых снах. Порой, когда очень устаем или глубоко засыпаем, мы просыпаемся с ощущением, будто поднялись наверх с ужасных морских глубин. Мы пытаемся запомнить этот сон, но все, что нам удается уловить, – это совершенно абсурдные отрывки и фрагменты. Поэтому мы говорим: «Ах, я не могу записать то, что мне приснилось, потому что все это слишком сложно и совершенно бессмысленно». Но, несмотря на такое чувство, если мы все-таки запишем этот сон и поразмышляем над ним, то обязательно найдем в нем очень глубокий смысл. Некоторые сновидения, так сказать, исходят прямо от нашего тела, из очень глубоких слоев бессознательного. Очень часто их невозможно интерпретировать, ибо они тоже очень далеки от сознания.

В подобных сновидениях мир выглядит таким же, каким его изображает Льюис Кэрролл в книге «Алиса в стране чудес», где можно столкнуться с самыми ужасными, мрачными, жестокими, смешными и абсурдными ситуациями. Эти истории вызывают такое чувство, что вам не следует над ними размышлять, но вместе с тем они вас дразнят и соблазняют этим заняться.

Взрослые редко сами придумывают такие истории; чаще они сочиняют их специально для детей. Сам Льюис Кэррол был математиком, холостяком и очень забавным человеком. Он написал «Алису в стране чудес» для своей маленькой племянницы, и только на территории своей «страны чудес» мог расслабляться и отдыхать. Он представлял свою будущую историю следующим образом: «Она не должна быть умной и не должна быть красивой. Она обязательно должна быть смешной – и только». Такое представ-

ление о том, что должно получиться, позволило ему написать очень изящную бессмыслицу.

Что касается данной *Schwank*-сказки братьев Гримм, то она продолжала меня дразнить, побуждая заняться поиском ее смысла. Сначала я никак не могла найти интерпретацию, но после того как я потратила огромные усилия, исследуя множество амплификаций, по-моему, мне удалось понять ее смысл. Вот ее содержание:

> Жила-была в деревне бедная старуха. Собрала она раз миску бобов и хотела их сварить. Она затопила печь и, чтобы огонь быстрей разгорелся, подбросила пучок соломы. Стала пересыпать бобы в горшок, и вдруг один из них невзначай выскользнул и улегся на полу рядом с соломинкой, а вскоре выскочил к ним из печи и горящий уголек. Вот соломинка и говорит:
>
> – Откуда вы к нам, милые друзья?
>
> Уголек отвечает:
>
> – Да вот посчастливилось мне из огня выскочить, а не то была бы мне верная гибель – я сгорел бы и обратился в пепел.
>
> А боб ему говорит:
>
> – Я тоже ловко спас свою шкуру, а то положила бы меня старуха в горшок и сварила бы из меня, как из моих товарищей, без всякого сожаления похлебку.
>
> – А мне-то разве лучше жилось бы? – сказала соломинка. – Всех моих сестер старуха в огонь и дым обратила; вон – шестьдесят сразу схватила да и погубила. Я еще счастливо выскользнула у нее из рук.
>
> – Что ж нам теперь делать? – спрашивает уголек.
>
> – Я думаю, – ответил боб, – раз мы так счастливо спаслись от смерти, так давайте жить, как добрые друзья-товарищи, вместе; а чтобы с вами не приключилось опять какой-либо беды, давайте уйдем отсюда и поселимся в иной, чужедальней стране.
>
> Это всем понравилось, и они отправились вместе в путь-дорогу.
>
> Долго ли, коротко ли, подошли они, наконец, к маленькому ручейку, и не было там ни мостика, не жердинки, и они не знали, как им перебраться на другую сторону. Но соломинка скоро нашла выход и говорит:

> – Знаете что, лягу-ка я поперек ручья, а вы переправитесь по мне, как по мостику.
>
> Так и сделала – протянулась с берега на берег. А уголек тот был нрава пылкого и смело затопал по вновь построенному мосту.
>
> Дошел он уже до середины, вдруг слышит под собой шум воды – тут испугался он, остановился на месте и не решился идти дальше. А соломинка вдруг загорелась, переломилась надвое и упала в ручей. Уголек упал за ней следом и, как попал в воду, зашипел и умер.
>
> А боб, тот был поосторожней: он остался на берегу и, увидев, что случилось, засмеялся и никак не мог остановиться, и смеялся так сильно, что в конце концов лопнул.
>
> Тут бы ему и конец настал, но, к счастью, подвернулся странствующий портной, отдыхавший у ручья. Сердце у него было жалостливое, он достал иглу и нитки и сшил лопнувший боб. Поблагодарил его боб от всей души, но только нитки-то у портного были черные.
>
> Вот с этой поры у всех бобов посередине и виден черный шов.

У одной бедной старухи было несколько бобовых зерен, которые она захотела приготовить. А чтобы сделать это быстрее, она положила в огонь солому. Такую бедную старуху можно найти во многих сказках. Обычно она встречается в двух ипостасях: либо это старая ведьма, которая или заколдовывает главного героя или героиню, или заманивает их хитростью к себе и запирает на замок, – либо это старая мудрая женщина, живущая в лесу, которая или подсказывает им правильное решение, или дает путеводный клубок. Таким образом она указывает главному герою или героине путь к цели и предупреждает об опасности, которая может их подстерегать на этом пути.

Несмотря на то, что старуха появляется только в самом начале сказки, она воплощает архетип старой мудрой женщины – природную мудрость*. Она готовит себе еду, поэтому служит воплощением не дающей стороны Природы, а Природы, которая, бу-

* Подробнее об этом можно прочитать в книге С. Биркхойзер-Оэри «Мать. Архетипический образ в волшебных сказках». (М.: Когито-Центр, 2006). – *Прим. переводчика.*

8 — 1714

дучи замкнутой на саму себя, не находит развития. Поэтому что-то неизбежно должно случиться.

Приготовление пищи – одна из величайших вех в истории развития человеческой цивилизации. Приготовляя еду, вы получаете возможность дольше ее сохранять. Ваше меню существенно расширяется, так как приготовленными можно есть многие продукты, которые нельзя употреблять сырыми. Поэтому человек существенно повысил свои шансы на выживание при наступлении голода, научившись разводить огонь и готовить пищу. А из африканской сказки вы помните, что Мриль учил приготовлению пищи даже существ из потустороннего мира.

Приготовление пищи – это ее трансформация в результате воздействия огня. В этом смысле кухня сродни алхимической лаборатории, где происходит изменение материи для ее последующего использования человеком и расширения власти человека над природой. В процессе приготовления материя трансформируется и интегрируется. При анализе африканской сказки я привела несколько амплификаций, в которых открытие огня и приготовление пищи даже отождествлялось с появлением человеческого сознания, а значит, и с осознанием смертности. До этого мы жили как животные, и так же, как и они, питались сырой пищей. Но наступил момент, когда человек научился добывать огонь, готовить пищу, и тогда люди начали отделяться от животного мира. Это отделение можно воспринимать и как изгнание из рая единения с природой, и как прегрешение перед нею.

Кроме того, я объяснила, что людям стало трудно принимать смерть, только когда человечество достигло уровня развитого сознания. До этого мы умирали так же легко, как животные. Это вовсе не означает, что животные умирают с полным смирением, – они тоже борются со смертью. И если вам когда-нибудь приходилось видеть стадо, которое ведут на бойню, вы могли заметить, что некоторые животные словно предчувствуют свою судьбу: они бредут понуро и испытывают сильную тревогу. Так что я вовсе не хочу сказать, что животные любят умирать. Я имела в виду совсем другое: чем выше становился уровень сознания человека, тем труднее ему было принимать смерть.

Согласно африканским мифам, умение приготовлять еду внесло чрезвычайно большой вклад в развитие коллективного и индивидуального сознания. Следовательно, мы можем сказать, что в образе бедной старухи воплощается сама великая Природа-Мать

в своей двойной ипостаси, символизируя человеческую фемининность, основанную на том аспекте природы, который способствует развитию сознания.

Природа создала нас разумными существами. Именно природой заложено в нас развитие сознания. Это пришло к нам из бессознательного. Мы не слишком стремились – оно пришло к нам само. И теперь мы обладаем сознанием, со всеми его преимуществами и недостатками. Поэтому мы можем сказать, что в образе бедной старухи воплощен замысел Природы-Матери, касающийся человечества. Природа захотела создать нас цивилизованными и сознательными существами.

Но старуха неуклюжа – она теряет боб. К тому же она неряшлива – она роняет соломинку. Посмотрим на это с точки зрения самого обычного человека: чем он старше, тем более аккуратными и более замедленными должны быть его действия. Юнг в своих рассуждениях пошел еще дальше: по его мнению, старость в значительной мере является случайным проклятием. Иначе говоря, старости можно избежать. Если пожилые люди ограничат ритм своей жизни и сосредоточатся на том, чтобы все делать медленно и аккуратно, они смогут избежать наступления старости.

Одна из самых серьезных ошибок – это поспешность. Если в пожилом возрасте человек по-прежнему хочет быстро ходить, то естественно (из-за того, что теперь по физиологическим причинам ему приходится все делать медленнее), он начнет забывать даже о самых очевидных и самых привычных для него действиях. Например, старики забывают застегивать ширинку и делать другие не менее пикантные вещи. Они становятся неряшливыми и постепенно все хуже и хуже справляются с обычными жизненными ситуациями. Вот довольно точный портрет дряхлой неуклюжей старухи.

На мой взгляд, это значит, что старуха в нашей сказке не слишком хорошо себя чувствует. Как известно, поспешность – порождение дьявола. Она является проблемой и в молодые годы, а в пожилом возрасте становится серьезной бедой. *Любая* поспешность – это порождение дьявола. Когда человек спешит, он подпитывает своей энергией потусторонний мир. Он дает возможность выскочить своей Тени. Всякий раз, обнаружив, что совершили какую-то теневую небрежность, будьте уверены, что вы либо сделали это второпях, либо вследствие крайней усталости, ибо в таких случаях вашими действиями в основном управляет

Тень. Вы можете что-то не то сказать, положить письмо не в тот конверт, набрать не тот номер телефона и т.п.

Старуха роняет боб и тем самым создает возможность для обновления. Если подпитывать потусторонний мир и бессознательное, они активизируются, и тогда бессознательное может проявиться вовне. Именно поэтому аналитик не испытывает неудовлетворения, когда пациенты «в процессе анализа лезут не в свое дело», потому что тем самым они дают материал для анализа, который впоследствии может стать доступным осознанию.

Теперь перейдем к изучению огня. Огонь используется во многих народных ритуалах и имеет множество амплификаций, однако я хочу отметить только один его аспект, который прекрасно вписывается в контекст нашей сказки: благодаря очищающему действию огня его часто использовали в народных ритуалах, чтобы прогнать духов потустороннего мира – мертвецов, привидения и т.п. Поэтому его воздействие следует считать враждебным потустороннему миру, так как он приносит свет и тепло жизни.

Очищающее свойство огня часто использовали для изгнания темных сил и злых духов. Всякий раз, входя в дом, в котором долго никто не жил, вы открываете окна. В доме чувствуется влажность и пахнет плесенью, кругом висит паутина. Такая обстановка вызывает у вас сильное подавляющее и депрессивное ощущение холода. Это безжизненное пространство; у вас появляется ощущение, что оно находится во владении духов. Но когда вы зажигаете огонь в печи или в камине и поленья начинают потрескивать, вы чувствуете себя как дома. Теперь здесь стало тепло: это горящий камин помог создать в комнате вашу собственную атмосферу. Или, например, промокнув под дождем, вы подходите погреться у огня – и сразу исчезает все затхлое и депрессивное зло, которое вам мерещилось.

В первобытных племенах огонь служил (и по сей день служит) надежным спасением от диких животных. Каждую ночь, несмотря на жару, которая стоит летом в пустыне Калахари, бушмены зажигают огонь, чтобы отогнать львов. Круг горящих костров образует барьер, который львы никогда не осмелятся преодолеть. Хоть один человек должен не спать и постоянно поддерживать огонь, подбрасывая в него сучья. Иногда можно увидеть и услышать львов, которые бродят за пределами огненного у круга, можно заметить, как светятся в темноте их глаза; но они никогда не пересекут черту, пока будет гореть огонь. Огонь избавляет челове-

ка от смертельной угрозы и сил зла. Поэтому у дикарей очаг всегда находится в центре жилища.

По преданиям, в русских домах обитает дух дома – *домовой*, который живет в печи. Он защищает дом от напастей, и за это его нужно кормить. Домовой создает в доме жизненное тепло и ощущение общности у семьи, которая собралась у домашнего очага. Он отводит все зло и все угрозы, которые появляются извне и из бессознательного.

Соломинка хвастается, что она проскользнула сквозь пальцы старухи. Боб говорит, что она просто его не заметила, а уголек выскочил из огня. Старуха не заметила боб, потому что просто его уронила. Но в спасении двух других приятелей – соломинки и уголька – есть определенный мотив: они сами захотели спастись от смерти. Этот мотив свидетельствует о наличии у них сопротивления – они не хотели сгореть в печи. Они не пожелали служить старухе, а захотели остаться самими собой.

А теперь рассмотрим некоторые амплификации соломинки, уголька и боба.

Солома – это та часть злака, которую обычно выбрасывают. Раньше ее либо сжигали, либо закапывали в землю для получения перегноя. С одной стороны, она бесполезна, поэтому ее нужно выкидывать; а с другой – она является той частью злака, которую мы возвращаем обратно природе. Очень часто после сбора урожая люди делали соломенную куклу, которую потом сжигали, принося жертву богам плодородия. В некоторых странах существует поверье, что в злаках живет дух. Он благоприятствует высоким урожаям и плодородию полей. После того как злаки скашивают, дух остается в колосьях или початках. Он бессмертен. Всю зиму он продолжает жить в колосьях, а весной появляется снова – уже в новых побегах. Поэтому солома – это злак, находящийся в состоянии зимней спячки – в период пребывания в потустороннем мире, в скрытом, латентном, но живом состоянии. Он сохраняет возможность зарождения новой жизни с наступлением весны.

В некоторых странах проводят традиционные сезонные празднества, такие как майские свадьбы, свадьбы на Троицу, а в Англии – праздник Королевы Мая. Во время этих празднеств делают куклы из соломы, а иногда из полевых цветов, которые потом сжигают. В польской гильдии портных сооружали соломенный мешок, который потом тоже сжигали; на празднике весны в Цюрихе сжигали соломенную куклу, чтобы прогнать духов зимы и

смерти и принести жертву духу зерна и плодородия нового года. Заметим, насколько все сказанное выше соответствует нашей сказке, вплоть до присутствия в ней портного.

Солома связана с потусторонним миром. В средние века ей придавали негативный смысл, сравнивая с пустяками, бессмысленной, никуда не годной чепухой. Преподобный Фома Аквинский, работая над своим известным трудом «Summa», за четыре-пять недель до смерти приступил к главе, посвященной покаянию. В то время он испытывал угнетающее переживание бессознательного. Сидя в своей келье, он внезапно ощутил сильное смятение, которое закончилось нервным срывом. Он отбросил в сторону перо и заявил: «Все, что я написал, – это солома». Позже, во избежание путаницы и непонимания, историки церкви добавили: «Все, что я написал, – это солома по сравнению с тем, что я видел и пережил». Мне думается, это правда. Фома Аквинский испытал чрезвычайно сильное переживание, которое позволило ему прийти к заключению, что схоластический, интеллектуальный и теологический способы представления христианской истины – всего лишь солома по сравнению с его внутренним переживанием[69].

Во многих религиозных текстах, в частности у гностиков и в Библии, отделение зерна от соломы означает отделение бессмертной части, которая должна возродиться, от другой, ненужной части, которую следует сжечь. Алхимики тоже считали, что в ходе алхимического процесса следует удалять или сжигать все пустое и поверхностное. Соломе приписывали именно такое крайне негативное содержание – ее считали ненужными отходами, которые следовало уничтожить.

Вспомните, какое вы испытываете раздражение, когда на анализ приходит пациент, который все шестьдесят минут сеанса рассказывает вам о том, как он поссорился с соседом или что-нибудь в этом роде. Другие люди, испытывая страх перед собственными комплексами, иногда тратят шестьдесят часов, пересказывая абсолютную чепуху совершенно монотонным и бесцветным голосом. В их речи не слышно никаких эмоций, поэтому мне кажется, что и сами они считают чепухой то, о чем говорят. Они знают, что это ерунда, однако не хотят затрагивать реальные проблемы, поэтому

[69] Более подробно о переживании Фомы Аквинского можно прочитать в книге: M.-L. von Franz, "Alchemy: An Introduction to the Symbolism and the Psychology (Toronto: Inner City Books, 1980), pp. 180f.

продолжают рассказывать свою банальную чепуху. Я знала одного мужчину, который и сам сразу начинал зевать, как только приступал к рассказу о такой ерунде. Я чуть не сказала ему: «Вы заметили, что зеваете? Как вы думаете, почему?» Дело в том, что он знал, что все это солома. По существу, мужчина просто молотил солому, но это был ключ к тому, что он скрывал какую-то «горячую» проблему.

Негативное отношение к соломе проявляется и в нашей сказке: из соломы нельзя соорудить надежный мост. Он будет слишком непрочным. Именно так в нашей сказке отражается дешевизна и ненадежность соломы. Соломинка ненадежна, но вместе с тем хвастлива: она предлагает, стать для своих друзей мостом, но как только на нее ступает горячий уголек, мост разрушается. Она не может сделать то, что хочет.

Теперь обратимся к угольку, который выпрыгнул из огня. В античные времена использовали только древесный уголь. Настоящий уголь был известен лишь на востоке. На западе алхимики смешивали древесный уголь с карбункулом и ртутью. Они были убеждены в том, что ртуть, а особенно одно из ее соединений – киноварь, идентична каменному углю. Таким образом, мы убеждаемся, что жители запада имели очень смутное представление о том, что такое уголь. Во времена зарождения алхимии его называли «антракс». В наше время так до сих пор называется одна из разновидностей каменного угля – антрацит. Согласно алхимической теории, он составлял основу некоторых типов *prima materia*, основное содержание камней и земли. В соответствии с первыми алхимическими теориями, основное содержание металлов составляла вода, а основное содержание камней и разных видов почвы – таинственный антракс. Поэтому уголь представлял собой самую суть конкретной реальности.

Из-за своей черноты уголь ассоциировался с потусторонним миром. Позже по этой же причине сложилась известная народная традиция: добывающие уголь шахтеры, которые были «черными» людьми и работали в опасных условиях, считались великими подземными волшебниками. Они знали тайны Матери-Земли. Даже в наше время шахтерам иногда попадаются или драгоценные камни, или драгоценные металлы и т.п. Шахтеры – это люди, которые находят сокровища и достают их из-под земли. Они очень напоминают алхимиков (которые в средние века считались великими волшебниками) тем, что с ними ассоциируется нечто зловещее и

связанное с потусторонним миром, поскольку они работают в темноте. Сами шахтеры тоже верили в то, что в них есть нечто дьявольское. В их работе ощущалось проявление гордыни – дьявольской отваги, связанной с тем, что они внедряются в чрево Матери-Земли и похищают скрытые в ней сокровища. Поэтому уголь – такой важный материал – ассоциируется с Матерью-Землей или природой. Он воплощает скрытую сущность явной действительности.

Многие алхимики утверждали, что в угле содержится скрытый огонь. Как известно, если поджечь уголь спичкой или пучком соломы, как в нашей сказке, он начнет медленно тлеть. А поскольку он медленно тлеет изнутри, а не сгорает быстро, как дерево или солома, появилась идея о том, что под черной поверхностью в нем содержится скрытый огонь. Этот скрытый огонь можно из него извлечь, если подвергнуть воздействию другого, внешнего огня.

Благодаря этой ассоциации с огнем, скрытым внутри, уголь стал воплощением страстной человеческой натуры. Особенно часто он ассоциировался с пылкой страстью – то есть со страстью подавленной и открыто не выражаемой. Существует известная немецкая пословица: «Ничто не бывает столь пылким, как великая страсть неизвестно к кому». По существу, точно так же горит уголь. Если человек изнутри сгорает от любви или ненависти или же кипит злобой, но держит ее внутри, она становится гораздо сильнее, чем если бы он выразил ее открыто. Такое «горение» происходит в недрах человеческого тела, а потому может вызвать множество соматических заболеваний.

Следовательно, огонь, скрытый внутри угля, должен быть связан с дьяволом и с черными демонами потустороннего мира. Однако не следует забывать, что они тоже являются владельцами сокровищ.

Теперь рассмотрим боб. В греко-римской мифологии боб относился к царству Гадеса – миру мертвых. Бобами питались мертвые люди. Пифагорейцам строго запрещалось есть бобы, так как считалось, что они принадлежат духам предков. С таким же табу мы столкнулись в сказке о Мриле, который не должен был есть мясо буйвола, ибо тот принадлежал людям Луны и духам мертвых.

В Швейцарии существует предание о так называемой *Sälige Lüt* – дикой охоте. Во время этой охоты здесь и в других европейских странах мертвецы вместе с Вотаном бродят в ночном мраке, начиная с последних дней октября и заканчивая вторым ноября. В это время всегда происходят сильные бури, и бог ветра дает о себе знать по-настоящему. По велению Гермеса-Меркурия в античном мире и Вотана – по другую сторону Альп мертвецы выходят из потустороннего мира и бродят по земле. И при этом питаются они только бобами!

С другой стороны, считалось, что бобы имеют прямое отношение к сладострастию и усиливают сексуальную чувственность. Поэтому древние греки и римляне пели так называемые «непристойные песни боба», которые, как они полагали, увеличивают сексуальную потенцию. Итак, мы выявили странный факт: оказывается, в мифологии мир секса совпадает с миром мертвых. Именно поэтому греческий философ Гераклит, увидев на улице дионисийскую процессию, состоящую из людей с красными деревянными фаллосами в руках, которые пели непристойные песни, сказал: «Для кого они выстроились в эту процессию и поют фаллические песни, если не для Гадеса, бога мертвых, иначе все это шествие казалось бы непристойным; но Дионис соединился с Гадесом».

В основе связи между сексом и смертью лежит тот архетипический факт, что клоунада, безудержное веселье, наслаждение диким, варварским изобилием – все это на самом деле очень близко к смерти. В XX веке, особенно в деревнях, люди по-прежнему веселятся на похоронах, и это обычное явление! Сначала человек выглядит очень грустным. Но потом, когда все выпьют (а на похоронах обычно собираются родные и близкие, которые годами не видят друг друга), поминки часто заканчиваются на очень веселой ноте.

Это не проявление бессердечия, как может показаться на первый взгляд. Юнг однажды сказал мне: «Так происходит потому, что эти люди во многом еще остались дикарями, которые почувствовали угрозу смерти и ее ледяное дыхание». Поэтому они «прославляют» жизнь, напиваясь и становясь вульгарными и смешными. Человек провозглашает жизнь и свою связь с родными и близкими, чтобы отогнать ту ледяную дрожь, которую он ощутил, провожая в могилу близкого человека. Тем самым он как бы говорит: «Мы все еще здесь. Нам нужно продолжать жить! Теперь мы должны любить друг друга и быть вместе, чтобы отвести от себя ледяную лапу смерти, которая нависла над

всеми участниками ритуала». Так что это вовсе не проявление бессердечия.

Двойное переживание смерти и изобилия относится к миру Великой Матери. Все ритуалы Гадеса-Диониса были связаны с Матерью-Землей и земным культом богов потустороннего, то есть материнского мира.

У бобов есть и другое интересное качество: в процессе роста они поднимаются высоко вверх. Во многих европейских странах бобы сажают именно в праздник Вознесения, чтобы они выросли как можно выше – поднимаясь вверх вслед за Христом, когда Он возносился на небеса. Во многих мифах и сказках герой сажает бобы и по их стеблю залезает прямо на небо. Следовательно, бобы не только тесно связаны с потусторонним миром и способны соединять нас с ним, но и могут служить гораздо более надежным мостом, чем солома.

В нашей сказке только боб является мудрым. Уголек глуп, потому что слишком горяч и нетерпелив. Соломинка – очень поверхностное существо. А боб действительно отличается мудростью, к тому же бобы могут соединять небо и землю. Как и все, что соотносится с миром мертвых, потусторонним миром и бессознательным, боб также связан с судьбой и ее предсказанием. Во многих странах люди кладут семена бобов в гроб, затем достают их оттуда и бросают, а потом пересчитывают, чтобы узнать счастливое число, на которое можно ставить, играя в лотерею.

Таким образом, общая амплификация представляет собой тесное переплетение случайного успеха, смерти и чисто природного аспекта бессознательного, который остается непонятным для нас или, иначе говоря, бессмысленным. То есть у очага старухи собралась троица из потустороннего мира. Все, что имеет отношение к потустороннему миру: смерть, бессознательное, боги сексуальности и раблезианская дикость – нашло воплощение в этой троице – соломинке, угольке и бобе, – собравшейся возле старухиной печи, а затем решившей спасаться вместе.

На мой взгляд, в данном случае очень важно, что все трое в той или иной мере имеют отношение к растительности, в том числе и уголь, который образуется в результате биохимической трансформации древесины. А потому вся троица связана с вегетативной стороной психики, то есть с аспектом бессознательного, который уходит в наше тело на такую глубину, где мы являемся просто телесными существами и даже не достигли уровня живот-

ных. На некоторых уровнях бессознательного мы живем просто как растительность.

Наша троица отправляется в путь и подходит к небольшому ручью, через который не было перекинуто никакого мостика. Соломинка говорит: «Лягу-ка я поперек ручья, а вы переправитесь по мне, как по мостику».

Настало время обратить внимание на историю создания этой сказки. Если обратиться к огромному количеству комментариев к собранию сказок братьев Гримм[70], можно обнаружить, что эта сказка особенно старая. Существует даже ее версия на латыни, изданная в 1548 году. Если сказка такая древняя, значит, она возвращает нас в средние века, а может быть, и к античной эпохе. Поэтому наша сказка очень широко распространена. В каждой европейской стране существуют ее аналоги и короткие версии, связанные с ней по смыслу, поэтому можно предположить, что она является очень важной.

В некоторых ранних версиях сказки действует мышь, которая воплощает души умерших. Это свидетельствует о том, что когда в человеческой фантазии один символ заменяется другим, такая замена, как правило, является прямой, то есть архетипической, ибо происходит бессознательно.

В большинстве стран образ мыши служит воплощением душ умерших. На многих картинах раннего средневековья с изображением сцен смерти можно увидеть либо маленькую птичку, либо мышь, вылезающую изо рта умершего человека, – это символическое изображение души, которая покидает тело. И во множестве народных преданий говорится о том, что умершие люди продолжают жить в доме, воплощаясь в душах животных. Они создают вокруг себя много суматохи и появляются только по ночам. Души животных воплощают умерших людей, которые теперь принимают такое обличье, чтобы продолжать жить, скрываясь и появляясь украдкой только ночью.

В отличие от боба, образ мыши имеет скорее негативное значение, связанное с ангелом или духом смерти, который преследует человека и вызывает у него серьезное беспокойство. В этом смысле образ боба близок к образу мыши, поскольку они оба относятся к миру мертвых. Они оба воплощают психическую ком-

[70] См.: I. Bolte and G. Polivka, "Anmerkungen zu den Kinder- and Hausmärchen der Brüder Grimm", 5 vols. (Leipzig, 1913–1927).

поненту, являющуюся более или менее определенным элементом в коллективном бессознательном, который не принимает сознание. Ибо сам процесс умирания означает, что оно не может быть принято и не может быть интегрировано в сознательную установку человека, а потому живет своей автономной жизнью в потустороннем мире бессознательного.

Теперь нам нужно перейти к амплификации моста, но при этом следует спросить себя: откуда и куда хотят переправиться эти три беглеца? К тому же не следует забывать, что их попытка не увенчалась успехом.

Во многих средневековых аналогах они хотели отправиться в церковь и покаяться в своих грехах, и на этом пути с ними случилась трагедия при попытке переправиться через мост. Это может послужить подтверждением идеи, что они хотели пересечь рубеж на пути к коллективному сознанию. Теперь беглецы становятся активными. Сначала они были отвергнуты человеческим сознанием, а теперь хотят получить его признание. Они даже хотят пойти в церковь. Это значит, что они желают быть принятыми в рамках религиозного *мировоззрения.* Конечно, они грешники, ибо стремятся к покаянию. Кроме того, они отлученные грешники, которые хотят быть принятыми церковью. На мой взгляд, они служат воплощением тех качеств, которые не принимала христианская церковь: непристойности, страха смерти, языческого буйства и сексуальности – то есть всего, что относится к соматической или плотской стороне жизни. Вместо интеграции в религиозную доктрину их изгнали и отдали в лапы дьяволу.

В средние века стареющая церковь, подобно рассеянной пожилой женщине, стала ронять, то есть упускать из внимания, такие стороны жизни. Например, в южной Франции вплоть до XI–XII века каждую весну люди собирались на карнавальную черную мессу. Маленький мальчик, четырех–пяти лет, которого звали Папой Всех Маленьких Мальчиков, ходил в толпе народа, благословлял людей и окроплял их святой водой. Ему очень нравилось изображать Папу. Духовенство причащалось церковным вином, пока оно не заканчивалось, а затем люди приводили в церковь осла и пели песни, которые вместо «Аллилуйя» заканчивались возгласом «Иго-го, иго-го!». Всем было смешно, но на следующей неделе снова проводилась торжественная, эстетически выдержанная месса.

Как видите, один день в году люди отдавали религиозную дань низшим энергиям. Это происходило совсем не тайно, как нечто постыдное, а именно так, чтобы открыто продемонстрировать религиозную интеграцию темных энергий. Все могло быть совершенно иначе: например, как если бы я напилась и совершила грех, а затем сразу пошла и в нем исповедалась. Такая исповедь не свидетельствует о его интеграции.

Итак, несмотря на постоянное повышение эстетического и духовного уровня христианства, на раннем этапе своего развития оно все еще сохраняло поразительно много элементов язычества. Христианские ритуалы смешивалось с дохристианскими (как, например, ослиный фестиваль), где свое законное место занимали силы тьмы, которые, по существу, каждую весну получали признание.

В религиях коренных американцев тоже встречаются группы клоунов и весельчаков. Например, в племени углала таким персонажем был хейока*, о котором рассказывали непристойные и смешные истории[71]. Во время ритуалов они вызывали смех своими парадоксальными реакциями: если кто-нибудь плакал, они смялись, а если кто-то смеялся, они плакали. Они играли роли пастора и контр-пастора, которые выполняли сакральную миссию – служили миру мертвых, ломали любые правила и сопротивлялись исполнению любого ритуала.

В книге Хромого Оленя мы можем прочитать о том, что в его племени существовала такая интересная функция – функция клоунов, или хейока[72]. Человек, который во время своей инициации видел во сне птицу сорокопута, должен был стать хейока. Они должны были отыгрывать в реальности все, что увидели во сне. Если им приснилось, что они появились на людях обнаженными, на следующий день они должны были повторить то же самое в реальной жизни. Люди считали такую судьбу ужасной –

---

* Хейока – так индейцы называли шутовской персонаж, который все делает наоборот. Хейока тепло одеваются летом и ходят голыми зимой. Они говорят задом наперед. В своем знаменитом танце хейока приплясывают вокруг котла с кипящей водой, в котором приготовлена собака. Они сами опускают руки в кипяток и заявляют, что вода холодная. – *Прим. ред.*

[71] См.: Paul Radin, “The Trickster”, с комментариями Карла Кереньи и К.-Г. Юнга (New York: Schocken Books, 1978).

[72] См.: John Fire/Lame Deer and Richard Erdoes, “Lame Deer: Seeker of Visions” (New York: Simon and Schuster, 1972).

им совершенно не хотелось становиться хейока. Представьте себе, что вы должны отыгрывать в жизни свои сны – в какие затруднительные положения вы тогда попадете! Однако существует ритуал, который избавляет человека от такой судьбы. Совершив обильное жертвоприношение, человек может освободиться от своего предназначения, несмотря на то, что ему приснился сорокопут.

Как видите, даже в таких сообществах ритуалы и традиции могли оказывать настолько подавляющее воздействие, что время от времени их воспринимали не всерьез, а исходя из общей нелепости и абсурдности жизни. Такому восприятию должны были содействовать хейока. Юнг называл их «клоунами-трикстерами». Они были воплощением Тени, постоянно поддерживали с ней живую связь, тем самым препятствуя ее подавлению.

Не следует забывать о том, что высокие идеалы, в которые мы верим (даже самые серьезные и высоконравственные) имеют свою противоположность, ибо у них у всех обязательно есть и другая сторона. Мы должны уметь мыслить парадоксально, в категориях противоположностей – то есть постоянно иметь в виду, что такие идеалы могут существовать, а могут и отсутствовать. Клоуны, о которых говорилось выше, делали именно это: они напоминали людям о наличии противоположностей.

Кроме того, они открывали путь к бессознательному, а следовательно, и к творчеству, так как без этой мрачной природной стороны бессознательного не было бы творчества. Каждое обновление приходит именно из этого мрака, а отнюдь не свыше.

Согласно одной из латинских версий сказки бобы плохо пахнут. Когда уголек падает в воду, мышь говорит: «Этот запах совсем не похож на благовоние». На это уголек со злостью отвечает: «Не твое дело, только боги могут определить запах благовония». Как правило, скверный запах сопутствует появлению черта и другой нечисти. Дьявол источает запах серы. Именно поэтому в церквях используются благовония, которые очищают их от воздействия чертей и бесов. Все это позволяет убедиться в том, что между весельчаками-клоунами, грешниками и царством дьявола существует тесная связь.

Но давайте вернемся к обсуждению моста. Зачем вообще понадобилось переходить через мост? В сказке могло быть сказано, что эта троица захотела отправиться в церковь, а по пути с ними

случилось что-то очень смешное. Но все происходит именно на мосту.

В древности мосты считались непостижимыми и таинственными, так как мост был единственным способом перебраться через широкую реку. В большинстве стран было совсем немного лодок и переправ. Чтобы переправиться через реку, приходилось идти вдоль ее берега до моста, а переправившись через мост, возвращаться обратно по другому берегу. Кроме того, мосты были единственным средством, позволявшим добраться до удаленных деревень.

С другой стороны, мосты были очень опасны, так как по ним в страну могли прийти враги. Если обратиться к истории войн, то выяснится, что самые тяжелые бои происходили за мосты, так как любому человеку известно, что враг должен прийти именно по ним. До сих пор при стратегическом планировании нужно выявлять все места, в которых можно быстро навести понтонный мост, а также места, где мост построить нельзя. Итак, мост – это таинственное место, где ощущается вторжение дьявола, но вместе с тем это место, где можно переправиться самому.

На мосту сосредоточиваются силы добра и зла. Именно поэтому во многих католических странах на мостах устанавливали либо распятие, либо статую покровителя мостов св. Непомука. Мы и по сей день можем прочитать в газетах о пьяницах, которые ночью пытались дойти до дома, но, пошатнувшись на мосту, падали в воду и тонули. Чаще всего такое случается в деревнях, где мосты узкие. Однако время от времени такие происшествия случаются и в городе: человек, напившись, возвращается ночью домой, на мосту на него что-то находит, начинает кружиться голова и он совсем теряет над собой контроль.

Кроме того, у некоторых людей мосты вызывают суицидальные фантазии. Там нас подстерегает дьявол, поэтому требуется особая защита. С другой стороны, мост открывает нам новую размерность. Он соединяет нас с бессознательным.

В древнем Риме самый главный священник носил звание понтифика – строителя мостов. Позже католическая церковь присвоила звание главного понтифика («высочайшего строителя мостов») папе римскому. В этом контексте под строителем мостов понимается человек, который возводит мост между человечеством и Образом Божиим или Всевышним.

Таким образом, нам следует задать себе вопрос: «А что именно соединяет сознание и бессознательное? Что соединяет между собой эти две области?»

Такое соединение Юнг назвал трансцендентной функцией – тот аспект бессознательного, который создает символы[73]. В таком случае мост сам по себе не является трансцендентной функцией, поскольку трансцендентная функция – это природный феномен, тогда как мост – это результат человеческой деятельности. Но сначала мне хотелось бы сказать несколько слов о трансцендентной функции.

Если отсутствует религиозный институт, который мог бы стать для человека посредником между сознанием и силами бессознательного, тогда в символике его сновидений становится заметной работа трансцендентной функции. Бессознательное порождает религиозные символы, для того чтобы создать соединительный мост между сознанием и бессознательным. В каком-то смысле таким мостом становится каждый символ, ибо каждый символ имеет одно основание в сознании, а другое – в бессознательном. У него есть как сознательный, так и бессознательный аспект. Он и внешне *проявляется* преимущественно как мост. Но этот мост создала природа. С другой стороны, такой природный мост является достижением человека, которое очень трудно ему досталось и до сих пор остается очень опасным.

Вспомним, например, Чертов мост в провинции Готтард вблизи Гошинена: с ним до сих пор связаны мистические представления, причем настолько укоренившиеся, что при прокладывании скоростного шоссе строители потратили несколько миллионов франков, чтобы перенести изображение дьявола, которое было выбито на скале на одной из сторон моста, а не просто забыли о нем. Это напомнило нам легенду о том, что мост был построен дьяволом, который попросил взамен отдать ему душу первого человека, который пройдет по мосту. Однако в Ури жили очень сообразительные люди – они прогнали через мост козла. В те времена козел символизировал самого дьявола, поэтому дьявол очень разозлился, но убрался восвояси. Однако в самой узкой части Шоллененшлюхт сооружение до сих пор называется Чертов мост.

Что касается всех мостов вообще, то можно с уверенностью сказать: их построили либо святые, либо черти. Часто мосты

---

[73] См.: "Transcendent Function", "The Structure and Dynamics of the Psyche", CW 8.

окружает множество легенд о том, как они были построены, а во многих странах на мосту устраивают празднества, во время которых люди танцуют, пьют и веселятся, потому что, повторяю, мосты – это мистическое место.

Когда мост только строится, нам кажется, что трансцендентная функция – таинственный жизненный процесс, порождающий у нас символы, которые соединяют противоположности, – встречается с человеческим сознанием. В Древнем Риме понтифик не только строил мосты, но и наблюдал за ними. Католическая церковь также считается рукотворным человеческим мостом, в котором изначально содержались символы, порожденные коллективным бессознательным. Она стала институциализированным мостом, через который коллективное сознание могло войти в соприкосновение с другой стороной. Но в разных сказочных аналогах можно увидеть, что мосты перекинуты и с противоположной стороны – из потустороннего мира к человеческому сознанию.

Уголек и боб хотят переправиться на другую сторону. Они хотят быть узнанными и принятыми сознанием. Чтобы достичь желаемого, они готовы активизировать свое творческое начало. Но им так и не удается перейти на другую сторону, потому что хвастливая соломинка предлагает сама стать мостом.

Кроме того, что солома служит воплощением ни на что не годной чепухи, она относится к бессознательному. Она воплощает то, что следует отдать богам потустороннего мира, что должно быть принесено в жертву силам природы. Поэтому желание соломинки получить осознанное признание является святотатством и богохульством. Она принадлежит миру бессознательного. Не осознавая собственной природы, она призывает совершить безнадежный шаг. Это свидетельствует о том, что бессознательное в своем естественном состоянии является источником не только величайшей мудрости, но и полного абсурда.

Иногда это можно заметить, наблюдая за людьми, страдающими одержимостью. Например, бывают случаи, когда одержимый Анимой мужчина разрушает счастливый брак или оставляет несчастными своих детей, бросая их из-за какой-то иллюзии, порожденной Анимой. Он стал жертвой бессознательной одержимости Анимой и, отказываясь слушать доводы рассудка и соблюдать нравственные устои, тем самым позволил бессознательному вовлечь себя в состояние полного абсурда.

Среди непризнанных гениев, находящихся в психиатрических лечебницах, можно обнаружить людей, которые скажут, что они изобрели вечный двигатель или нашли совершенно иное объяснение космоса, несравнимое с объяснениями Юнга, Макса Планка и Эйнштейна. Но когда вы их попросите: «Расскажите мне, пожалуйста, я готов вас выслушать» – они начнут нести несусветную чушь, в которой полно фактических ошибок. Однако они остаются одержимыми этой чушью: ощущают себя гениями и ведут себя как гении. У них в кармане тайна мироздания, правда, прикрытая сверху очень высокой инфляцией. Эти люди являются трагическими жертвами абсурдной стороны бессознательного, которая у большинства хранится в теневой области. Однажды ко мне пришла пациентка – женщина, находящаяся в пограничном состоянии, которая влюбилась в одного мужчину, а встречалась с другим. Она откровенно сказала, что испытывает удовольствие, когда закрывает глаза и думает, что спит с мужчиной, которого действительно любит. Представляете! Но женщину, пребывающую в состоянии такого абсурда, может увлечь Тень.

Вот почему очень важно не потерять себя. Именно поэтому Юнг отмечал, что сознанию тоже нужно давать слово; иными словами, сознание и бессознательное должны вести между собой диалог. Мы не можем принимать без всякой критики то, что говорит бессознательное; кроме того, нам следует подумать о том, на каком уровне оно хочет стать осознанным.

Видно, что в данной сказке соломинка символизирует некое содержание, которое стремится достичь сознания. Таким содержанием может оказаться даже творческая фантазия, которая еще не настолько сформировалась, чтобы о ней сложилось полное представление. В своей статье об одаренном ребенке[74] Юнг пишет, что следует отличать случаи, когда дети поглощены творческими фантазиями, от случаев, когда дети поглощены абсурдом. На мой взгляд, порой сделать различие довольно трудно, однако Юнг умел отличать просто незрелую фантазию от фантазии, в которой имеются зачатки творчества.

У всех нас есть фантазии, однако очень трудно определить, какие это фантазии; нам нужно знать, что мы чувствуем по отношению к ним. Мы не можем ограничиться одними интеллектуальными суждениями о своих фантазиях; только с помощью чувств

[74] "The Gifted Child", "The Development of Personality", CW 17.

мы обретаем способность отличать содержательную и творческую фантазию от абсурдной фантазии, вызывающей инфляцию.

В нашей сказке соломинка ложится поперек ручья, чтобы стать мостом, по которому уголек пытается перейти на другой берег. Уголек, обладающий пылким темпераментом, отважно идет по соломинке. Ясно, что оба они совершенно себя не знают: соломинка не представляет, насколько она слаба, а уголек понятия не имеет, насколько он горяч. Дойдя до середины «моста», уголек вдруг услышал шум воды и остановился; соломинка загорелась, переломилась и упала в ручей. Следом за ней упал и уголек, зашипел и умер.

Услышав свою противоположность, уголек испугался! Огонь и вода – полные противоположности. А следовательно, если дойти до середины моста, *соединяющего* противоположности, вам не удастся перейти на другой берег, если вы не знаете собственной противоположности. Именно поэтому вы не сможете измениться в процессе анализа, не узнав собственной Тени и не осознав, что у всех ваших идеалов существует и неприглядная изнанка. Не осознав этого, вы не сумеете перейти через мост к новой жизни. Не может быть перехода без борьбы противоположностей. И только глупый уголек, который на самом деле должен был знать, что огонь и вода являются противоположностями, вдруг испугался, услышав шум воды. Он остановился, то есть прекратился процесс перехода. Его огонь воспламенил соломинку, и они оба упали в воды бессознательного: попытка перейти к состоянию осознания оказалась безуспешной. Творческая попытка мира тьмы достичь осознания в буквальном смысле провалилась; очевидно, это случилось из-за недостатка энергии и средств, чтобы совершить переход. Но один из этой троицы остался в живых, и это был боб.

Боб оказался мудрым. Он захотел увидеть, что случится с двумя другими его спутниками. Увидев, что они утонули, он засмеялся, и очень долго продолжал хохотать, потому что обладал хорошим чувством юмора. На этот счет есть такая немецкая пословица: «Настоящее удовольствие можно испытать, только узнав о неудаче другого». В соответствии с этой пословицей и ведет себя боб.

Обратив внимание на собственные реакции, вы можете заметить, что испытываете точно такое чувство, увидев проявление инфляции другого человека. Если какому-то приятному человеку повезло и он выиграл в лотерею деньги, а затем потерял их, вы ему

посочувствуете. Но если кто-то, выиграв миллион, начнет этим хвастаться и делать вид, что больше вас не знает, разыгрывая из себя неприступного миллионера, а *затем* у него эти деньги пропадут, тогда вы подумаете: «Так ему и надо!». Следовательно, можно сказать, что соломинка и уголек своим глупым и самоуверенным поведением сами навлекли на себя несчастье, не зная о себе даже элементарных вещей! Боб тоже совершил глупость: он слишком много смеялся – так много, что даже лопнул.

Мы часто говорим: «Я чуть не лопнул от смеха!». Человек не может лопнуть от смеха, но когда он взрывается психологически, значит, у него возникло такое бурное чувство, которое приведет его в прямо противоположное состояние. И вскоре он почувствует наступление чего-то наподобие похмелья, то есть серьезной депрессии. Таким образом, радость и веселье имеют собственные, совершенно определенные границы. Если мы перейдем через них в состояние крайнего возбуждения, то затем окажемся в состоянии диссоциации. Если вы накануне вечером хорошо выпили, но не переусердствовали в этом, то на следующее утро встанете свежим; то есть вы снова живете в мире со своей Тенью. Вы чувствуете оживление и пребываете в ладу с самим собой. Но если вы чересчур много смеетесь и зашли слишком далеко, то на следующее утро проснетесь с ужасными ощущениями.

Кроме того, хорошо известно, что на любых вечеринках и праздниках, в основном под влиянием алкоголя, люди могут ни с того ни с сего поссориться. Порой на народных гуляньях, которые начинаются очень весело, люди даже погибают: их может задавить толпа или в пьяном угаре убить собутыльник. В результате энантиодромического переключения психики раскованное веселье превращается в пагубную диссоциацию.

Таким образом, здесь тоже можно увидеть таинственную связь между шутками и весельем, с одной стороны, и глубокой грустью и даже смертью – с другой. Точно так же, как похороны могут заканчиваться весельем, праздники могут заканчиваться похоронами. Эти два состояния психики пребывают в опасной близости.

Шопенгауэр как-то заметил, что чувство юмора является единственным божественным качеством человека. Это высказывание Юнг часто цитировал. Однажды он сказал мне, что ему было крайне важно узнать о том, что его родители обладали чувством юмора. Людей без чувства юмора очень трудно лечить, а если они

психотики, то оказываются практически неизлечимыми. Однако даже люди, страдающие сильным психозом, иногда имеют чувство юмора. О них Юнг сказал: «Ох, взяла бы ты их на лечение, ведь у них *такое* чувство юмора! Может быть, ты их не вылечишь, зато поможешь им оставаться на плаву».

Однажды я взяла такую пациентку, и когда у нее появились симптомы перехода в состояние психоза, я позволила себе погрузиться в собственное бессознательное, которое подало мне идею рассказать ей одну непристойную шутку. Шутка была не слишком вульгарной, и когда я весело ее рассказала, пациентка долго смеялась, а потом снова вернулась в нормальное состояние. Я всегда молила Бога о том, чтобы мои шутки были уместны, потому что, как известно, шутить целенаправленно и намеренно совершенно не получается. Шутка должна сама прийти вам в голову в нужный момент. Помню, как однажды эта пациентка повела себя словно разъяренный бык. Она нарушила зрительный контакт и уже была готова выбежать из кабинета и натворить Бог знает что. Но после того как я пошутила и моя шутка оказалась к месту, она снова села в кресло и восстановила контакт со мной. Таким образом, мне снова удалось вытащить ее из потустороннего мира; опять шутка сыграла свою спасительную роль. Насколько мне известно, Барбара Ханна сначала не хотела работать со старыми слабоумными шизофрениками, пока Юнг не сказал ей: «Ради Бога, возьми ее! Она такая смешная. Эта черта помогает ей выглядеть более здоровой».

Как видите, близость сумасшествия, опасности, смерти и божественного чувства юмора вызывает странное ощущение. Но добавить сюда инфляцию было бы уже слишком. Боги могут смеяться, как у Гомера в «Илиаде», но человек должен уметь сдерживать свой смех в определенных рамках, а над некоторыми вещами смеяться нельзя вообще. Бог может, а нам нельзя. Нам следует помнить о своих ограничениях и о своей смертности. Боб об этом забыл; он слишком далеко зашел и попал в состояние диссоциации. Но в конце сказки рядом оказался добросердечный портной, готовый прийти на помощь, который и сшил обе половинки боба.

В астрологии профессию портного относят к планете Меркурий, и подтверждение этому можно найти в сказках братьев Гримм «Храбрый портняжка» и «Про умного портняжку»[75]. Читая эти сказки, обнаруживаешь, что портной всегда является трикстe-

[75] Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. литература, 1978, сс.67, 334.

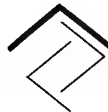
ром, весельчаком, который побеждает великанов и вепрей и женится на принцессе. Этот невысокий бедный паренек немного хвастлив. Его никто не уважает, потому что в те времена портными становились только слабые и робкие люди; они не могли выбрать себе настоящую «мужскую» профессию.

Именно благодаря своей хитрости портняжка побеждает бесов и великанов и женится на принцессе. Поэтому портной – это типичный герой-трикстер, воплощение бога Меркурия. Он соединяет в себе жизнь и смерть, грусть и веселье, ум и глупость. Меркурий является духом бессознательного, трансцендентной функцией, которая соединяет противоположности. Портной сшивает боба черной нитью, и с тех бобы пор имеют этот черный шов. Поскольку боб – это существо из потустороннего мира, чтобы его сшить, требуется темная нить.

Теперь перейдем к интерпретации нити. Нить часто символизирует очень важную связь: если мы что-то забыли или отвлеклись, то говорим: «Я потерял нить разговора». В том, что исходит из бессознательного, всегда есть нечто таинственное, и когда бессознательное не хочет нам помочь, мы говорим, что потеряли нить. Не терять нить – это дар Самости, о котором мы слишком часто забываем. Меркурий сшивает боб *черной* нитью. Черный цвет относится к ночному времени и подземному пространству; боги потустороннего мира тоже являются черными. Таким образом, черная нить означает важную ночную связь. А что она должна означать?

Важная ночная связь проявляется в жизни наших сновидений. Мы живем, так сказать, логической жизнью в дневное время суток, тогда как ночью, в сновидениях, жизнь имеет свой скрытый смысл. Этот ночной скрытый смысл и является тем средством, с помощью которого Меркурий сшил боб. Когда мы чиним одежду, нить поочередно движется между двумя краями ткани. Точно также – от одной противоположности к другой и обратно, пока они не соединятся, – происходит наша жизнь в сновидении. Таким образом внутри нас действует архетипическая энергия Меркурия.

Чтобы получить более полное представление о конце сказки, нужно прочитать труды Юнга «Психология и алхимия» и «Mysterium Coniunctionis». Только тогда мы сможем увидеть истинную глубину таких коротких сказок.

Глоссарий юнгианских терминов

Анима (Anima) (лат. «душа») – бессознательная женская часть личности мужчины. В сновидениях Анима воплощается в образах женщин. Спектр персонажей очень широк – от проститутки и соблазнительницы до духовной путеводительницы (Премудрости). Анима несет в себе закон Эроса и подчиняется ему, поэтому развитие мужской Анимы отражается в отношении мужчины к женщине. Идентификация с Анимой может проявляться в подверженности перепадам настроения, в изнеженности и чрезмерной чувствительности. Юнг называл Аниму *архетипом самой жизни.*

Анимус (Animus) (лат. «дух») – бессознательная мужская часть личности женщины. Он подчиняется закону Логоса. Идентификация с Анимусом проявляется у женщины в жесткости, стремлении отстаивать свою точку зрения и склонности к аргументации. Говоря о позитивной стороне Анимуса, можно представить его как внутреннего мужчину, который, подобно мосту, соединяет Эго женщины с творческими ресурсами ее бессознательного.

Архетипы (Archetypes) – понятие, которое трудно представить конкретно, но их воздействие проявляется в сознании в качестве архетипических образов и идей. Это универсальные паттерны или мотивы, которые всплывают из коллективного бессознательного и являются основой религий, мифов, легенд и сказок. В психике человека они возникают в снах и видениях.

Ассоциация (Association) – спонтанный поток сцепленных между собой мыслей и образов, имеющих отношение к определенной идее, обусловленной сетью бессознательных связей.

Комплекс (Complex) – эмоционально заряженная совокупность идей и образов. В «центре» комплекса находится архетип или архетипический образ.

Констелляция (Constellation) – о констелляции (возбуждении, активном состоянии) комплекса свидетельствует сильная эмоциональная реакция на человека или ситуацию.

Эго (Ego) – центральный комплекс, существующий в поле сознания. Сильное Эго может объективно относиться к возбужденному содержанию бессознательного (т.е. к другим комплексам), а не идентифицироваться с ними, впадая в состояние одержимости.

Чувство (Feeling) – одна из четырех психических функций. Это рациональная функция, с помощью которой человек оценивает отношения и ситуации. Чувства следует отличать от эмоций, возникающих при наличии возбужденного комплекса.

Индивидуация (Individuation) – осознание человеком своей реальной психологической уникальности, включающее в себя как его возможности, так и ограничения. Индивидуация приводит к тому, что регулирующим центром психики становится Самость.

Инфляция (Inflation) – состояние человека, которое характеризуется далеким от реального, завышенным или заниженным (негативная инфляция) ощущением идентичности. Наличие инфляции свидетельствует о регрессии сознания в бессознательное, что обычно происходит, если Эго вбирает в себя слишком много бессознательного материала и теряет способность к его различению.

Интуиция (Intuition) – одна из четырех психических функций. Это иррациональная функция, помогающая увидеть возможности, скрытые в настоящем. В отличие от ощущения (sensation – функции, связанной с восприятием существующей реальности опосредованно через органы чувств), через интуицию реальность воспринимается бессознательно, т.е. через проблески инсайтов неизвестного происхождения.

Мистическая сопричастность (Participation mistique) – понятие, введенное антропологом Леви-Брюлем, обозначающее примитивные психологические связи, приводящие к сильному бессознательному единению с объектами или между людьми.

Персона (Persona) (лат. «маска актера») – социальная роль человека, обусловленная его воспитанием и общественными ожиданиями. Сильное Эго устанавливает связи с внешним миром при посредстве меняющейся Персоны. Идентификация с конкретной Персоной (врач, школьник, артист и т.п.) тормозит психологическое развитие личности.

Проекция (Projection) – процесс, в котором качество или характерное свойство субъекта воспринимается и переживается им как качество или свойство внешнего объекта или другого субъекта. Проекция Анимы или Анимуса на женщину или мужчину переживается как состояние влюбленности. Фрустрированные ожидания указывают человеку на необходимость возвращения проекций, чтобы устанавливать отношения с реально существующими людьми.

Вечный юноша (лат. **Puer aeternus**) – этот образ говорит об определенном типе мужчины с характерной, слишком затянувшейся подростковой психологией, которая связана в первую очередь с сильной бессознательной привязанностью к матери (реальной или символической). Позитивными чертами мужчин такого типа являются спонтанность и способность к изменению. Его женская противоположность (puella) – «вечная девушка» – имеет соответствующую привязанность к отцовскому комплексу.

Самость (Self) – архетип целостности и регулирующий центр личности. Он переживается как трансцендентная Эго трансперсональная энергия и т.п., как Бог.

Старик (лат. **Senex**) – образ свидетельствует о привязанности к установкам, соответствующим более старшему возрасту. Негативные стороны проявляются в виде цинизма, жесткости и чрезмерного консерватизма. Позитивными чер-

тами являются ответственность, признание субординации и самодисциплина. Хорошо сбалансированной личности соответствует весь спектр деятельности, адекватной в рамках существующих полюсов: puer – senex.

Тень (Shadow) – часть личного бессознательного, характеризующаяся как позитивными, так и негативными чертами и установками; сознание Эго имеет тенденцию к отвержению или игнорированию этой части. В сновидениях Тень символизируют образы людей того же пола, что и сам сновидец. Сознательная ассимиляция Тени человеком приводит к возрастанию его психоэнергетических возможностей.

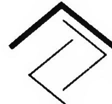
Символ (Symbol) – максимально возможное выражение некой малоизвестной сущности. Символическое мышление нелинейно, имеет отношение к правому полушарию и комплементарно линейному логическому мышлению, относящемуся к левому полушарию.

Tertium non datur – исцеляющее третье, которое возникает из бессознательного (в виде символа или новой установки) в результате напряжения, существовавшего между конфликтующими противоположностями.

Трансцендентная функция (Transcendent function) – примиряющий «третий», возникающий из бессознательного (в виде символа или новой установки) после того, как конфликтующие противоположности были сознательно дифференцированы и между ними сохранилось определенное напряжение.

Перенос и контрперенос (Transference and Countertransference) – особые разновидности проекций, которые обычно используются для описания бессознательных эмоциональных связей, возникающих в аналитических или терапевтических отношениях между аналитиком и пациентом.

Уроборос (Uroboros) – мифический змей или дракон, заглатывающий свой собственный хвост. Он является символом индивидуации как самодостаточного циклического процесса, а также символом нарциссического самопоглощения.

Содержание

5 .... Предисловие

6 .... Глава 1. Принцесса, у которой было двенадцать пар золотых туфелек (Дания)

92 .... Глава 2. Три гвоздики (Испания)

122 .... Глава 3. Отвергнутая принцесса (Китай)

165 .... Глава 4. Сказка о девяти братьях-барашках и их сестре (Франция)

193 .... Глава 5. Сказка о Мриле (Африка)

222 .... Глава 6. Соломинка, уголек и боб (Братья Гримм)

247 .... Глоссарий юнгианских терминов

Мария-Луиза фон Франц

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ В ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Перевод В. Мершавки

Редактор *И.В. Тепикина*

Компьютерная верстка *А.С. Масаев*

Главный редактор и издатель серии *Л.М. Кроль*

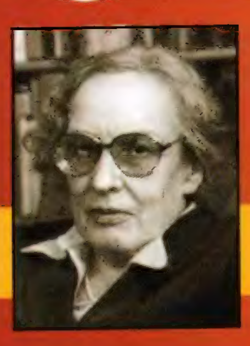
Научный консультант серии *Е.Л. Михайлова*

Изд. лиц. № 061747
Гигиенический сертификат
№ 77.99.6.953.П.169.1.99. от 19.01.1999 г.
Подписано в печать 20.09.2007 г.
Формат 60x88/16. Гарнитура Петербург. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16. Уч.-изд. л. 13,7. Тираж 3 тыс. экз.
Заказ № 1714

М.: Независимая фирма «Класс», 2007. – 256 с.
103062, ул. Покровка, д. 31, под. 6.
E-mail: igisp@ igisp.ru
Internet: http://www.igisp.ru

ISBN 978-5-86375-146-7 (РФ)

Отпечатано в ППП «Типография НАУКА»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Мария-Луиза фон Франц (1915 — 1998) — доктор философии, сотрудница, единомышленница и ближайшая коллега К.-Г. Юнга, проработавшая вместе с ним около 30 лет. Преподавала в Институте Юнга с момента его основания. Получила всемирное признание как специалист в области психологической интерпретации сказок, мифов, сновидений и алхимических текстов. Является автором многочисленных книг, связанных с практическим применением юнгианской психологии.

«Работая над этой книгой, я размышляла об особенностях культуры разных стран и о разных типах народных сказок. Я остановила свой выбор на тех из них, которые отличались от обычных сказок и заинтересовали меня именно этим. Наряду с основными глубинными мотивами мне хотелось показать их разнообразие, чтобы можно было оценить национальную и культурную специфику, а также то, что является общим для всех народов и культур человеческой цивилизации. Мне хотелось показать, в какой мере применим к разным сказкам разработанный Юнгом метод интерпретации материала архетипической фантазии. Особенно интересно рассмотреть применение этого метода к короткой шуточной сказке братьев Гримм "Соломинка, уголек и боб"; однако его преимущества можно увидеть и на примере интерпретации других сказок. Но судить о том, оправданно или нет применение этого оригинального метода, — дело читателя».

Мария-Луиза фон Франц

ISBN 978-5-86375-146-7

КЛАСС
независимая фирма

103062, Москва, ул. Покровка, д. 31, под. № 6
Тел. (095) 917-8291, 917-8020, 917-8028
http://www.igisp.ru
http://www.psybooks.ru